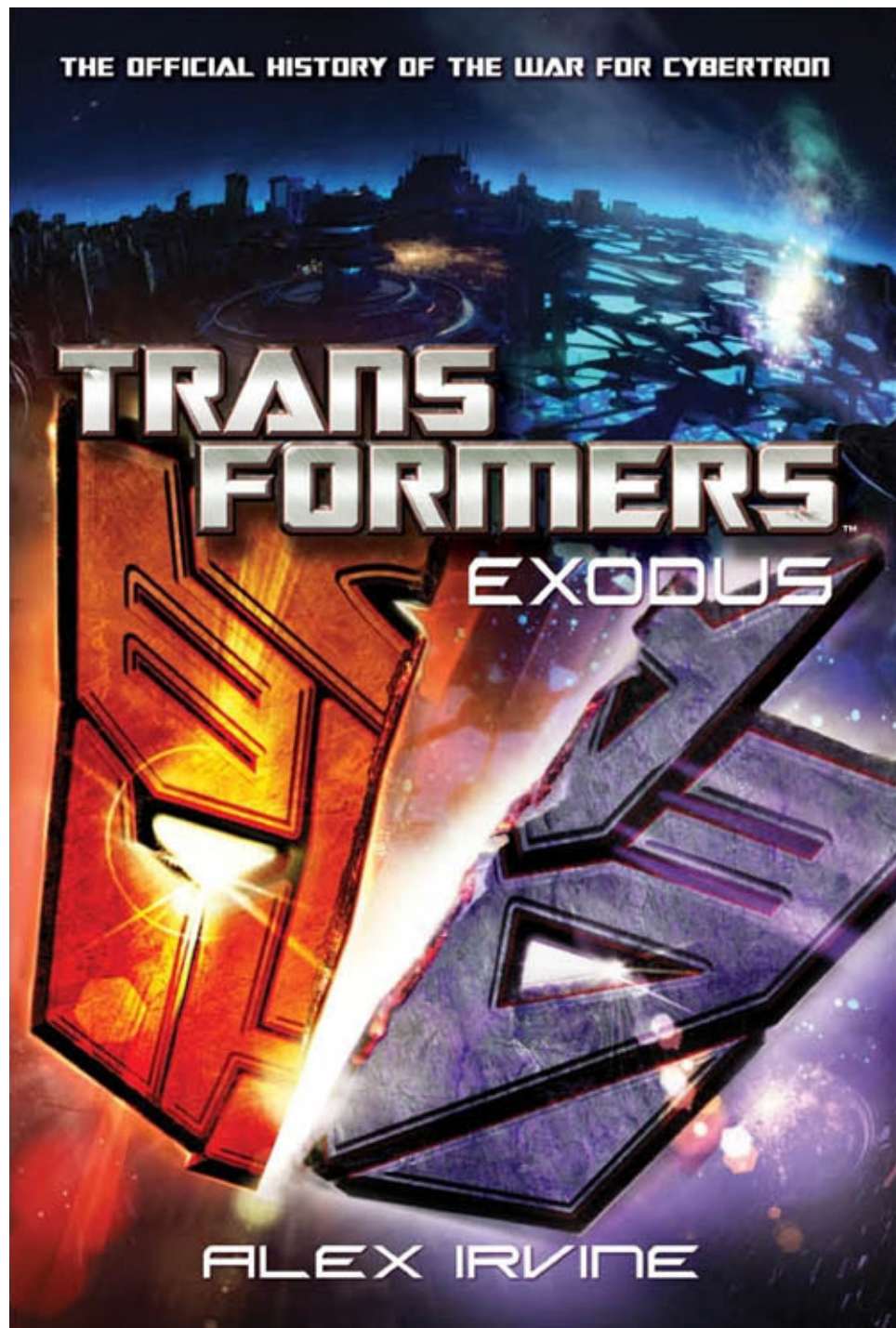

Алекс Ирвин

Трансформеры

Исход

**Официальная
история войны за
Кибертрон**

Перевод с английского

Наталья «Deska» Дубовицкая

Оглавление

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	59
Глава 11	64
Глава 12	70
Глава 13	75
Глава 14	82
Глава 15	87
Из «Завета Праймаса», книги гражданской войны, написанной рукой Альфа Триона	93
Глава 16	110
Глава 17	114
Глава 18	119
Глава 19	124
Глава 20	131
Глава 21	135
Глава 22	139
Глава 23	145
Глава 24	148
Глава 25	152
Глава 26	156
Глава 27	159
Глава 28	164
Глава 29	169
Глава 30	173
Глава 31	177

Глава 32	181
Глава 33	186
Глава 34	192
Глава 35	198
Глава 36	203
Глава 37	207
Глава 38	212
Глава 39	218

Глава 1

Городской Архив в Иаконе был закрыт для обычных посетителей. Сидящего за монитором среди архивных стеллажей, на рабочем месте, которое полагалось ему согласно устоявшейся традиции его класса, звали Орион Мирный¹. Он вел мониторинг Коммуникационной Сети, невидимо охватывающей весь Кибертрон, отмечая и записывая каждую проходящую по ней передачу. Те, что соответствовали определенному критерию, он прослушивал, снабжал примечаниями, определял в категорию и сохранял в том или ином секторе данных «DataNet».

Подобно большинству строений в огромном Иаконе, Архив был сконструирован из золотистого сплава, сочетающегося с изгибистыми формами архитектурного стиля, который преобладал в других местах города. Архитекторы Иакона отдавали предпочтение высоте. Изумительные здания, увенчанные конструкциями в виде конусов, казалось, могли оторваться от земли. Весь город был памятником отважному дерзновению... Да только не было более никакого дерзновения в кибертронах. Они рождались внутри определенного класса и своего места обязаны были держаться на протяжении всей жизни. Кибертронская цивилизация находилась в совершеннейшем застое. Так проходили века. Иакон казался надгробным памятником кибертронской культуры, от которой в блоках памяти любого живущего кибертрона не осталось и следа.

В Городском Архиве царил застой иного типа. История Кибертрона с легендарных времен битв Тринадцати Праймов², длившихся миллиарды циклов³, до последнего выпуска новостей, который Ориону Мирному надо было мониторить, - вся она была здесь. Данные были определены в категории, разложены по каталогам, сохранены в хранилище, индексированы и переиндексированы. И при всем при этом, за исключением случаев, когда Верховный Совет либо другое начальство проявляло к ним внимание перед лицом какого-нибудь бедствия, угрожающего спокойному укладу жизни, постоянно пополняющаяся коллекция знаний в Городском Архиве просто игнорировалась.

¹ Или Orion Pax. Персонаж, с которого открывается эта история. Он работает в архиве, как и Оптроникс из комикса «The War Within» - другого известного произведения о трансформерах (здесь и далее – прим. пер.).

² Тринадцать первых трансформеров.

³ Единица времени. В разных трансформерских вселенных имеет свое значение: от 1 минуты до 1 года по земным меркам. Здесь скорее всего соответствует 1 земной минуте.

Некогда (по крайней мере, Орион пришел к такому выводу, читая древние записи) кибертронская цивилизация имела сообщение с планетами, вращающимися вокруг других звезд. Через сеть космических мостов⁴, чья технология уже давно была утрачена, народ Кибертрона на отдаленных планетах поддерживал контакты с родиной⁵. Колонии на Гигантионе, Велоцитроне и даже Хабе⁶ происходили из великой кибертронской культуры. Но к настоящему времени космические мосты разрушились и пришли в негодность. Последний из них висел в небе между двумя лунами и поясом астероидов и не использовался вот уже очень давно. Даже Орион Мирный, обычно способный разыскать любую информацию среди записей «Телетраана-1»⁷ и «DataNet», затруднялся сказать, когда это было.

Сейчас кибертронцу вроде Ориона Мирного не полететь к звездам, не идти доблестно в бой за высокие идеалы Праймов. Удел такого кибертронца вести мониторинг, регистрировать и сортировать по каталогам передачи из Сети, потому что только этим и занимаются кибертронцы его класса. Представители других классов строят, изобретают, управляют, издают законы... или же сражаются в гладиаторских ямах.

Как ни странно, именно из последнего источника поступали наиболее интересные передачи, какие только Ориону Мирному доводилось слышать за последнее время. Он не был ярким поклонником битв на арене, однако даже Орион был в курсе того, что чемпионом арены стал Мегатронус. Со стороны последнего очень смело было назваться таким именем – далеко не каждый бот посмел бы носить имя одного из Тринадцати Праймов⁸, отзвуки великих деяний которых гремели и через мегациклы⁹ истории. А этот Мегатронус не проиграл ни одного поединка с первых дней своего появления на арене¹⁰. Гладиаторы начинали карьеру без имени. Большинство так и погибали безымянными. Мегатронус же притязал не просто на имя, а на такое имя, которое не столько облегчало ему путь, сколько привлекало внимание даже тех классов, которые считали не стоящими внимания такие примитивные зрелища как гладиаторские бои.

Лицемерие двух, а то и более кибертронцев, разрывающих друг друга на части, мало кто открыто признал бы увлекательным. И все же ямы на нижних уровнях Каона были самым популярным местом проведения досуга, а Сеть кишела передачами и повторами всевозможных турниров, то и дело проходивших на арене. Единственной индустрией на Каоне, которая могла бы составить конкуренцию гладиаторским боям, была сфера ремонта и восстановления. Инженеры-механохирурги из этого города и его гладиаторского соперника – Слоутер-Сити¹¹ не знали себе равных. Вообще-то бои на арене были на Кибертроне незаконными. Однако Верховный Совет в своей мудрости заключил, что населению, где каждый ограничен рамками своего класса, нужно как-то отводить душу. Таким образом, бои в ямах на Каоне, проводившиеся еще с давних времен

⁴ Устройство для телепортации, которое помогало трансформерам переноситься на огромные расстояния.

⁵ Описанное мироустройство фигурирует в сериале «Transformers: Cybertron».

⁶ Гигантион, Велоцитрон и Хаб – названия других планет, где находились колонии кибертронцев.

⁷ Компьютер в Городском Архиве Иакона. Упоминается в различных трансформерских произведениях.

⁸ Мегатронус Прайм – один из Тринадцати. Когда-то был положительным героем, но совершил ряд ужасных деяний, за которые прославился как Падший (The Fallen). Он, в частности, убил одного из Тринадцати. Его история упоминается в нескольких сериях комиксов, сериале «Transformers: Prime» и, конечно, в фильме Майкла Бэя «Трансформеры. Месть Падших».

⁹ Мегацикл соответствует 2,6 земным часам.

¹⁰ Хотя еще в сериале «Трансформеры» 1984 года есть упоминание о гладиаторских боях на Кибертроне и намек, что десептиконы произошли от воинов-гладиаторов, пожалуй, только с комикса «State Games» (1987 г.) появился образ Мегатрона как гладиатора.

¹¹ Буквально название города Slaughter переводится «бойня», «резня». Слово «сити» в названии, по всей видимости, служит для уточнения, что это название города.

в качестве развлечения для рабочих с местных литейных заводов-гигантов, к настоящему моменту стали обычным делом. Несмотря на то, что де-юре они были на Кибертроне вне закона. В Слоутер-Сити творилось практически то же самое.

Как это странно, что из Каона и Слоутер-Сити Ориону Мирному случилось услышать и увидеть дискуссии, которые он мог бы назвать ни много ни мало... философскими. Причем инициатором их был величайший из незаконных чемпионов гладиаторских ям Каона – Мегатронус.

Передачи шли обрывками и с помехами, поскольку их транслировали из глубоких металлических недр Каона. Между нижними уровнями и приемниками Сети они встречали мощные преграды из-за производственных процессов, что подпитывали Каон, а также, как было известно Ориону Мирному, всю кибертронскую цивилизацию. Ничего нельзя создать без сырья, а его предварительно нужно обработать. Этим занимались на Каоне и на Пустошах¹², что тянулись между городом и плато Гидракс¹³. И пока Пустоши поставляли Кибертронку необходимое, Верховный Совет закрывал оптику на гладиаторские ямы.

Орион Мирный задавался вопросом, как долго это будет продолжаться. Он слушал последнюю передачу Мегатронуса. Над интерфейсом, с которого следовало определить место записи в каталоге, замерли пальцы.

«Разве все кибертронцы не созданы из одних и тех же материалов?» - говорил Мегатронус скрипучим и хриплым голосом, подобным какому-то гигантскому механизму с фабрик Каона. – «Одни и те же сплавы составляют мое тело и тело верховного советника. Моя смазка не отличается от той, которая смазывала суставы самих Тринадцати».

Орион Мирный окинул взглядом ряды, на которых сидели другие кибертронцы его класса. Жизнь каждого из них посвящена мониторингу передач, составлению каталогов и пополнению бесконечных иаконских баз данных. Такой уклад кибертронской цивилизации сложился задолго до появления Ориона на свет.

Но, в самом деле, все они сделаны из того же материала, что и архивариус Альфа Трион, или, скажем, любой верховный советник.

Можно ли представить советника, тратающего жизнь на мониторинг передач?

«Каждый из нас – личность! Когда-то мы были свободны!» - гремел голос Мегатронуса в голове у Ориона Мирного. Интересно, что решили бы его коллеги, доведись им такое услышать? «Они донесли бы на этого Мегатронуса в один наноклик¹⁴. Вот что они стали бы делать». - подумал Орион Мирный.

Как будто бы в ответ Мегатронус произнес: «Если бы Верховный Совет сейчас слышал мои слова, они постарались бы тихом превратить меня в грудку хлама. В этом не приходится

¹² Территория в восточном полушарии Кибертрона.

¹³ Остров в центре Ржавого моря. Примечателен тем, что там находится космопорт, построенный в Золотом веке.

¹⁴ Единица времени, примерно равна 1 секунде.

сомневаться. Возможно, они как раз сейчас слушают. Так что если я исчезну, продолжайте мою работу. Саундвейв¹⁵ и ты, Шоквейв¹⁶, не оставляйте дела. Вы – мои преданные лейтенанты».

- Лейтенанты? Неужели ты теперь возглавляешь армию, Мегатронус? – внезапно прозвучал второй голос.

Орион Мирный напряженно прислушался. Он бросился проверять новый голос – тот не принадлежал ни Шоквейву, ни Саундвейву. Их голоса Орион слышал раньше и записал в базу данных информацию о каждом.

Но этот новый голос был не из числа сподвижников Мегатронуса, за которыми Орион исправно следил. Так кто же это?

В компетенцию Ориона Мирного не входило проведение расследований. Он вел мониторинг, наблюдал и делал записи. Следователи же были отдельным классом.

Впрочем, он может доложить об этом Альфа Триону, смотрителю архива. Орион Мирный взял образец нового голоса и потратил несколько циклов на составление отчета. Нельзя было появляться перед Альфа Трионом без важной причины, равно как и без доказательств того, что данная причина важная.

Архивариус Альфа Трион был намного старше Ориона Мирного. Орион даже слышал что, он якобы родился еще в ту великую эпоху, когда расширялась сеть космических мостов, - в пик расцвета кибертронской цивилизации. Как это должно быть здорово: иметь возможность путешествовать сквозь измерения мостов к звездам!

Альфа Трион узнал пришедшего:

- Орион Мирный – произнес он. – Что привело тебя сюда? Почему ты отвлекаешь меня от работы?

- Мне нужен совет.

Орион активировал передачу Мегатронуса. Альфа Трион опустил старинное перо, которым делал записи в единственную книгу, лежащую на его столе. Архивариус Иакона располагал базами данных и бесконечным количеством документов, учитывающими практически все, что только происходило в истории Кибертрона. Но вместе с тем он выбрал себе интерфейс в виде пера и книги. Как и большинство старых кибертронцев, о которых знал Орион, Альфа Трион с возрастом становился все более чудаковатым.

Когда запись доиграла до конца в настенном динамике Альфа Триона, архивариус поводил пером по столу в своей обычной манере, раздумывая над вариантами ответа, и произнес:

¹⁵ Soundwave («звуковая волна») – выдающийся трансформер, разведчик и любитель музыки, сподвижник Мегатрона во многих произведениях про трансформеров. В сериале «Трансформеры», транслируемому в России в 1995 г. по 6 каналу (далее – Г1; перевод 6 канала), его имя перевели как Бархан.

¹⁶ Shockwave («ударная волна») – сподвижник Мегатрона, известный со времен Г1, где его имя перевели как Взрывала. Довольно замкнутый тип. А в некоторых трансформерских произведениях он выступает скорее как соперник Мегатрона.

- Значит, Мегатронус.

- Почему он назвался в честь легендарной личности? – не вытерпел Орион Мирный.

- Если древние сказания не врут, - ответил Альфа Трион. – тот Мегатронус до последнего момента верил, что будет оправдан. Он считал, что поступает правильно, хотя его методы разрушили большую часть того, что он декларировал.

- Не лучший пример для подражания, если планируешь революцию, - заметил Орион.

- Вот уж точно, - архивариус сухо усмехнулся и поднялся из-за стола. – Но, может быть, из деяний того Мегатронуса можно почерпнуть пример не только в этом. А кто этот выскочка?

- Гладиатор с арены. Как и все, он начинал без имени. Просто рабочий, который выбрал арену как путь к славе. Но он ни разу не проигрывал поединков. И вот его известность возросла настолько, что мало кто из гладиаторов отважится драться с ним один на один. Теперь же, кажется, ему недостаточно титула величайшего гладиатора Каона. У него высокие амбиции.

- Амбиции... - повторил Альфа Трион. – Это не такое качество, которое поощряется в кибертронах. Как тебе известно.

Он замолчал, и Орион Мирный уловил что-то необычное в задумчивом тоне голоса архивариуса. Он ждал.

- Возвращайся на свое место, - произнес Альфа Трион спустя несколько циклов. – Продолжай слушать. Когда узнаешь, что собирается делать Мегатронус, возвращайся ко мне, и мы продолжим совещаться.

Глава 2

После того, как юный Орион Мирный оставил Альфа Триона в недрах Городского Архива, тот стал размышлять о происходящем. «Как необычно, - думал он, - что столь молодой бот мыслит в категориях, характерных скорее для прошлого, к которому, может быть, нет возврата. Впрочем, неудивительно, ведь Орион проводит все свое время в Архиве за прослушиванием записей». Верховный Совет должен узнать об этом гладиаторе, называющем себя Мегатронусом. Но Альфа Триону было не совсем ясно, как представить эту ситуацию.

«Завет...» - произнес он тихо. — Что же нам известно об этом Мегатронусе?

«Завет Праймаса» лежал открытым на столе Альфа Триона. Он написал эту книгу сразу после войны Праймов. В «Завете» находились записи истории кибертронцев, а также их древних прародителей Юникрона и Праймаса. А еще в «Завете» содержалось будущее. Правда, эта часть книги могла изменяться. Альфа Трион имел возможность предвидеть некоторые явления, потому что они становились реальными, как только появлялись в «Завете». Но он не всегда знал, что из увиденного им сбудется. Знание будущего лежало бременем на Альфа Трионе, на нем единственном. Но все-таки это бремя было не очень тяжелым, так как он знал, что будущее может измениться в любой момент.

И к тому же Альфа Трион имел некоторую власть над этим. Перо (тот инструмент, который юный Орион Мирный посчитал простой пишущей принадлежностью) на самом деле было одним из артефактов, оставшихся после Тринадцати, самым мощным в исследованной части вселенной. С его помощью Альфа Трион мог вписать будущее в «Завет». Но это была слишком опасная сила, чтобы с ней экспериментировать, и не было никаких гарантий того, что альтернативный вариант будущего останется в книге. За «Заветом» всегда оставалось последнее слово. Это была книга самой судьбы.

Альфа Трион пролистнул вперед несколько страниц. Одна из особенностей «Завета» состояла в том, что читателю в настоящем времени было сложно понять язык книги на страницах, где говорилось о будущем. Даже Альфа Трион мог прочитать те страницы не всякий раз. Чем более отдаленным было будущее, описанное в «Завете», тем непонятнее и сложнее становился язык. Первые страницы книги были написаны языками, которые не были в ходу у кибертронцев вот уже тысячи звездных циклов¹⁷. Слова на последних страницах были написаны на языках, которые еще не были у кибертронцев в ходу.

Альфа Трион написал все это, в том числе части книги на еще не существующих языках. Орион Мирный этого не знал. Да и никто из подчиненных Альфа Триона в Городском Архиве не был посвящен в эту тайну. Никто из них не поверил бы, если бы им рассказали.

Далеко не все, даже самые доверчивые представители кибертронской расы приняли бы всерьез заявление о том, что Альфа Трион был одним из Первых Тринадцати и единственным, кто, как он считал, еще оставался на Кибертроне. А он видел историю планеты с самого начала. Был свидетелем того, как возникали союзы и расколы среди Праймов. Он собственными глазами видел убийство, разрушившее Тринадцать, из-за которого они вынуждены были скитаться по

¹⁷ В разных тф-вселенных это время обозначает от 7, 5 месяцев до 400 дней.

разным уголкам бескрайней вселенной. С «Заветом» на руках Альфа Трион остался на планете – записывать, наблюдать, помогать, насколько это возможно, не раскрывая правду о своей личности. Большинство кибертронцев уже не верило в Праймов или считало их персонажами полуисторических мифов. Это было на руку Альфа Триону. Короток век мифических персонажей.

А, может, настала пора появиться новым?

Альфа Трион пытался представить, каково постичь «Завет» в полном объеме. Собрать все знание, осмыслить прошлое и будущее, стянуть их воедино в своем сознании...

Это был крест архивариуса – упорно бороться за то, чтобы понять то, что выше понимания.

Услышав имя Мегатронуса, Альфа Трион поймал себя на мысли, что воспринимает его практически с ностальгией. Дни Войны Праймов были еще живы в его памяти. Золотой Век, наступивший, когда кибертронцы отправились через космические мосты к звездам, был одним из величайших периодов за всю историю исследованной части вселенной. Но от бывшего величия на сегодняшний день остались лишь рассказы. Альфа Трион помнил, как мало-помалу возникла система классов. Он потратил немало времени, обсуждая с Сентинелом Праймом¹⁸ пути развития кибертронской цивилизации. Но в итоге они разругались. Сентинел Прайм стремился заявить о себе через деяния и думал только о ближайших целях и результатах. Альфа Триону же не нужно было о себе заявлять. Он был одним из Тринадцати, неважно, знал ли об этом кто-то еще или нет. И он держал в голове более отдаленные перспективы.

Их последний спор окончился тем, что Сентинел Прайм сослал Альфа Триона в Городской Архив. «Сгинь среди архивных стеллажей, и пусть тебя покроет пыль, Альфа Трион! Кибертрон ты больше не нужен» - такие слова произнес Сентинел Прайм напоследок.

- Мегатронус... - прошептал Альфа Трион.

Итак, некто поднялся из безликой массы угнетенных рабочих и притязает на имя Мегатронуса.

Об этом, кстати, тоже было написано в «Завете». Альфа Трион не рассчитывал увидеть, что все сбудется буквально, однако с того момента, как предсказание появилось на страницах «Завета», оно должно было исполниться. Этот Мегатронус, этот гладиатор и рабочий с завода, имеющий грандиозные амбиции... Как много он знал о том Прайме, чье имя решил присвоить?

Альфа Трион заставил себя вернуться мыслями в настоящее. Он начал перебирать старые записи в поисках каких-либо свидетельств волнений в Каоне. Ему не потребовалось много времени на то, чтобы наткнуться на историю, которую архивариус никак не ожидал найти в строго упорядоченных кибертронских городах.

Он поднял голову от записей и открыл через Сеть соединение между своим столом и столом Ориона Мирного.

- Вернись обратно, пожалуйста – попросил он.

¹⁸ Его полное имя, согласно трансформерской энциклопедии - <http://tfwiki.net> (далее – тф-вики) - Сентинел Зета Прайм (Sentinel Zeta Prime). Офицер Элитной Стражи Кибертрона, впоследствии получивший титул Прайма. Имя Sentinel означает «страж»; зета (или дзета) – 6-я буква греческого алфавита. В игре «War for Cybertron», с которой переключаются многие моменты этой книги, он назван Зетой Праймом.

Орион Мирный стоял напротив Альфа Триона и ждал, пока архивариус закончит писать в большой книге, открытой на столе. Отложив свое перо, Альфа Трион посмотрел на Ориона.

- Вначале Мегатронус и не думал планировать революцию. По крайней мере, не в масштабе всей планеты. Он начал с того, что подчинил себе банды, которые заправляли на аренах в Каоне и Слоутер-Сити.

- Преступники... - начал Орион Мирный и остановился на полуслове. Он понял, что хотел высказать свои давние суждения о том, что такой вид преступности неизбежен в кастовом сообществе.

Альфа Трион выжидающе посмотрел на него, а затем продолжил:

- До того как у него появилось это имя – или он взял его сам – он уже был гладиатором-чемпионом. Он имел определенный успех. Это означает, что его сородичи уважали его за силу. Он стал лидером без особого труда.

Изображения и видео мелькнули на голографическом экране над столом Альфа Триона. Это были снимки погибших кибертронцев, каждый из которых был обозначен именем. Быстро пробегая по ним глазами, Орион Мирный обнаружил, что каждая жертва принимала участие в организации гладиаторских боев, а большинство из них были замечены и в других незаконных предприятиях.

На видео Мегатронус (вот тут-то Орион Мирный впервые увидел его) стоял над подергивающимся и искрящим корпусом одного из мелких криминальных авторитетов, уже знакомого Ориону по просмотренным раньше снимкам.

- Пора! - произнес Мегатронус прямо в камеру. Позади него несколько гладиаторов подняли правые руки, не нарушая молчания. – Вы, те, кого развлекают наши страдания, те, кто обращает наш труд в свое удовольствие! Вы забыли, что значит быть кибертронцем. Когда-то это была величайшая планета в галактике. Сейчас же мы пребываем в упадке. Но мы воспрянем вновь, потому что еще остались кибертронцы, которые жаждут возродить былую славу. У меня не было имени. Но теперь я беру себе имя Мегатронус в честь величайшего из Тринадцати, единственного, кто не склонялся ни перед кем. Только осознание того, как низко мы пали, станет основой понимания того, что мы должны возвыситься вновь. *Кибертрон!*

- Кибертрон! – прокричали гладиаторы в унисон.

Видео оборвалось.

- Ты не видел этого? – спросил Альфа Трион.

Орион Мирный отрицательно покачал головой.

- Ясно. Вот они плоды противодействия честолюбивым порывам. Мы воспитываем поколения кибертронцев, которые не представляют, что можно к чему-то стремиться.

Орион Мирный молчал, не зная, что сказать.

- Не бойся, Орион, - улыбнулся архивариус. – Я просто говорю правду. Это не игра, призванная загнать тебя в ловушку, чтобы ты запутался в собственных словах. Я только хочу

сказать, что мы живем в стабильном мире. Мало кто из нас представляет, что можно жить как-то иначе. А некоторые... некоторые из нас помнят, что когда-то были и другие миры. Некоторые из нас настолько безрассудны, чтобы желать, чтобы мы вернулись в прошлое.

Тишина в кабинете нарушалась лишь скрипом пера Альфа Триона, скользящего по страницам книги.

- Что вы пишете? – спросил наконец Орион Мирный.

- Я записываю то, что узнал, - ответил архивариус. – Со временем мы с тобой выясним, правильно ли я все понял. А сейчас ты должен вернуться к работе. Подумай над тем, что я сказал.

- Хорошо. – пообещал Орион.

И он так и сделал: размышлял о словах архивариуса всю дорогу через лабиринт коридоров Городского Архива, возвращаясь обратно к своему рабочему месту на 18 этаже, третьему по счету от северо-западного угла. Оттуда Орион Мирный мог видеть вдалеке огни Иакона, мерцающие в стужу, когда дул северный ветер. Ему нравилось сидеть близко к окну в отличие от большинства его коллег.

Некоторые из нас настолько безрассудны, чтобы желать, чтобы мы вернулись в прошлое.

Что Альфа Трион имел в виду? Орион Мирный прокручивал в голове слова архивариуса и все никак не мог прийти к какому-либо умозаключению. По крайней мере, к такому, которое бы его успокоило. Похоже, слова Альфа Триона содержали в себе ни что иное как одобрение попыток рассуждать (но не опасно ли о таком помыслить даже про себя, не то что вслух?) вне классовых категорий.

Помнить о том, что Кибертрон не всегда был разделен жесткими рамками.

Мечтать, что наступит день, когда планета возродится в своем былом величии.

Орион Мирный слушал записи, пополнял каталоги, индексировал сведения, однако его разум был далеко. Шумы Сети потеряли для него всякий смысл теперь, когда Альфа Трион открыл ему, что Кибертрон мог бы стать другим, таким, каким он был в прошлом.

Кем же был этот Мегатронус, этот гладиатор-бандит, убийца преступников и сам преступник, выражавший те же яркие устремления, которые Орион Мирный, не отдавая себе отчета, разделял всем сердцем?

Глава 3

Яма арены представляла собой прямоугольник и была достаточно велика, чтобы проводить в ней полковые учения. Двести механометров¹⁹ составляла каждая из ее коротких сторон, и в полтора раза больше – каждая длинная сторона. На дне валялись обломки руды, отходы из литейной, бесполезные из-за того, что содержание металла в них было слишком низким. Громоздившиеся через неравные промежутки кучи металлолома и горящего мусора мешали обзору и создавали неограниченные возможности для тактических засад и неожиданных атак. Четыре яруса сидений вертикально возвышались над ямой и уходили в потолок на высоте ста механометров. Софиты со всевозможными диапазонами света от инфракрасного до ультрафиолета заливали поверхность безжалостным сиянием. Трибуны были заполнены рабочими с фабрик и перерабатывающих заводов Каона, которые топали ногами в такт, так что балконы на ярусах ходили ходуном почти на пределе прочности металлокаркаса. Гул на арене уже стоял оглушительный, и в продолжение поединка он усиливался настолько, что гладиаторам приходилось сражаться с отключенными аудиодатчиками, спасаясь от непрерывного одуряющего воздействия белого шума.

Сто раз, а то и больше Мегатронус входил в яму арены – в эту или в иную, похожую. И каждый раз он выходил оттуда победителем. В Турнире Чемпионов (так пышно именовались эти состязания) теперь изменили правила для противников Мегатронуса, разрешив им начинать первыми и при желании трансформироваться. Они имели возможность сканировать любой предмет и маскироваться подо что угодно. Это был нечестный метод поединка, но и он работал в пользу Мегатронуса. Когда он давал противнику возможность сначала показать себя – например, организовать засаду – и выходил из боя живым, одержав полную победу несмотря на все преграды, он казался неуязвимым.

Молва о нем расходилась все дальше. Не так уж много звездных циклов прошло с того времени, когда Мегатронус считался только лишь одним из наиболее грозных гладиаторов каонской арены. Теперь же, без сомнений, он был наиопаснейшим противником. Таковым его признали давно, еще когда Мегатронус не успел обзавестись именем. А сейчас он выбрал имя, которое вселяло ужас в слабых и вдохновляло преданных – тех, кто последует за ним. То, что это имя принадлежало другому, волновало его в последнюю очередь, ибо ему, рожденному безымянным, было все равно, откуда произошло взятое имя.

«Здесь, - подумал он. – Мой противник рядом».

Его взгляд задержался на куче выброшенных запчастей: такую свалку можно увидеть в результате аварии на производстве, когда безжизненные кибертронцы лежат в ожидании восстановления и реконструкции. Тут все было банально, но Мегатронус давно понял, что мало кто из его противников имел какие-нибудь тактические хитрости.

Над ним и вокруг него гремела толпа. Мегатронус посмотрел на них и торжествующе поднял руки над головой, приводя зрителей в еще большее неистовство.

Это имело двойную цель. Во-первых, он заручался расположением толпы. А, во-вторых, лицедейство Мегатронуса, изображающего победу, тогда как бой даже не начинался, приводило

¹⁹ Единица измерения, примерно равная 1 метру. Как ни странно.

в бешенство любого противника, обладающего хоть толикой самоуважения. Разъяренные противники были неосмотрительны. Неосмотрительные противники становились мертвыми противниками. Алгоритм был безупречный.

Из кучи запчастей выскочил не один, а целых три боевых робота. Они были комбинаторами - результатом из Шоквейвовских экспериментов и, соответственно, обладали способностью к слиянию. Это Мегатронус сразу заключил по тому, как слаженно они двигались. Однако все трое были примитивными дронами, обладающими лишь зачатками того, что у более развитых кибертронцев называлось сознанием. Один тут же трансформировался в вездеход, снабженный шипастыми гусеницами с магнитами, и рванул к стене арены, чтобы закрепиться на ней повыше и открыть огонь с удобной позиции. Мегатронусу пришлось сфокусироваться на двух оставшихся, которые, не теряя времени, бросились в атаку. Первого он сбил выстрелом из бластера, второго отшвырнул прочь размашистым ударом. Не теряя ATV²⁰ из поля зрения, Мегатронус развернулся, чтобы помешать двум ботам-комбинаторам объединиться и напасть на него с флангов. Внезапно один из них поднялся на дыбы и выбросил струю коррозионного раствора, целясь в лицо Мегатронуса. Он успел уклониться в сторону, но почувствовал жгучую боль в плече, куда попали брызги. Другой бот выпустил руки-кинжи и совершил второй заход на гладиатора.

Мегатронус поймал клинок чуть выше того места, где он выходил из руки. Другая струя кислоты попала ему на спину. С ревом Мегатронус вырвал руку робота из сустава и бросил ее в толпу.

Он сделал это специально. Он хотел, чтобы они знали, насколько он опасен. Знали, что когда идешь смотреть на бой Мегатронуса, всегда лишь тонкая грань отделяет гладиатора от того, чтобы обрушить всю арену на головы зрителей. Он сражался, как будто с сознанием собственной близкой гибели и не берегся. Но в то же время как будто бы и с осознанием того, что он никогда не умрет и поэтому может без страха пойти на любой риск. Оторванная рука, с искрящимися контактами и подтеками энергона на виброрезвии, угодила во второй ярус. Часть зрителей бросилась врассыпную, другая попыталась ее поймать. В один клик²¹ Мегатронус увидел, как лезвие рассекло руку кому-то из зрителей. Через прогал между ярусами кто-то из толпы бросил злосчастную конечность в сторону верхнего ряда. Мегатронус видел, как в результате вспыхнула новая потасовка...

Но он не смог долго наблюдать, потому что ATV на стене открыло по нему массированный огонь из лазеров огромной мощности, чего Мегатронус не ожидал от бота столь малого размера. Вспышки огня на мгновение дезориентировали его, а кислотный противник вырвался вперед, захватив преимущество.

Мегатронус подставил спину под следующий энергетический залп, но все-таки добрался до покалеченного комбинатора. Всегда заканчивай убийством - такая у него была философия. Два раненых врага, как ни крути, все еще враги. Одним прыжком покрыл расстояние между собой и ними и обрушился всей своей более крупной массой и силой на дрона, увлекая его в кучу мусора. Кислотник опять выстрелил ему в спину, но Мегатронус не обратил внимания. Он выдержал лучший удар комбинатора, на какой тот только был способен, и дрон не сумел его убить. По крайней мере, раньше, до того, как Мегатронус ранил его, а заодно и его товарища на колесах.

²⁰ All Terrain Vehicle (англ.) – вездеход.

²¹ Единица времени, равна 1,2 минуты.

Он прижал раненого бота к земле, приставил дуло ионной пушки к уязвимому сочленению, где шея переходила в грудную клетку, защищенную многослойной броней, и выстрелил. Теперь три бота не смогут составить слияние. Это была еще одна причина закончить убийством.

Неистовые звуки донеслись до Мегатронуса. Единым истерическим воплем толпа отреагировала на первое убийство на состязании. Мегатронус поднял мертвого комбинатора над головой, раскачал и с грохотом саданул им об стену напротив того яруса, куда он бросал руку. Внезапно кислотник прыгнул ему на спину и начал примериваться в поисках слабых мест к затылку и шее Мегатронуса.

Но это был Мегатронус. У него не было слабых мест. Гладиатор выставил обе руки за спину, сдернул кислотника и швырнул его об пол, так что запчасти полетели... Мегатронусу осталось только добить жертву. На этот раз он собрался сделать это голыми руками.

Но сюрпризы на этом не кончились. Комбинатор вывернулся из захвата и пополз с неожиданной стремительностью по неровной поверхности арены на сближение с ATV, что заняло позицию на стене. Они тут же слились, став единой трансформой, которая прыгнула со стены и повисла в воздухе.

«Надо же, - подумал Мегатронус. – Я ошибся. Даже вдвоем они способны комбинироваться».

Противник остановился, зависнув на высоте где-то 40 механометров над центром ямы. Выпустив кабели-щупальца, комбинатор вцепился в перекладины и таким образом удерживался в воздухе. Откуда поливал Мегатронуса огнем из бластеров, в которые трансформировались его ноги, а в иные моменты спускался ниже, чтобы плюнуть кислотой. «Что за странные создания, эти комбинаторы, - думал Мегатронус. – Отказаться от индивидуальности, чтобы слиться вместе в нечто такое, как это». Слияние внушало ему отвращение. Он ненавидел их. Всех. Любой кибертронец, готовый пожертвовать собственной индивидуальностью, недостойн носить свое имя.

Мегатронус трансформировался в альт-форму, которую освоил вскоре после своего появления на свет. Это был танк, адаптированный для горнодобывающих работ, а также работ по сносу сооружений. Комбинатор дал деру, как только батарея из протонного бластера Мегатрона взорвалась вблизи его панциря и порвался один из кабелей. Тот упал. Комбинатор качался на оставшемся кабеле, съезжая вниз, все ближе к поверхности арены. Мегатронус же с ревом мчался по направлению к возвышению на другом конце арены, приближаясь к врагу с проворством, которого тот не ожидал. Тогда комбинатор зигзагообразными движениями бросился через яму, скользнув так близко от балконов, что зрители первых рядов кто отшатнулся, кто потянулся, чтобы коснуться его. Мегатронус в итоге настиг противника на вершине самой большой мусорной кучи на арене. Трансформировавшись обратно в робота в момент столкновения с комбинатором, Мегатронус схватил врага, одной рукой вцепился в плечо, другой сдавил грудную клетку. Вдруг оптика гладиатора уловила вспышку – враг наставил энергетическую пушку и выстрелил ему в лицо. Но Мегатронус вырвал второй кабель из тела врага, и они вдвоем упали у подножия кучи горящего мусора.

Дикое ликование толпы гудело в сенсорах Мегатронуса. Пора была закончить это. Он поднялся над обескураженным комбинатором, в его руках обнаружили по булавке. Мегатронус

придавил врага ногой, не давая ему сбежать. Комбинатор извивался, пытался разделиться. Однако безуспешно. Его конечности царапали поверхность, ища точку опоры, чтобы вырваться, но Мегатронус был слишком силен. Подняв обе булавы, гладиатор скользнув взглядом по толпе, которая вела себя еще неистовее, чем раньше. «Тьфу, комбинаторы...» - подумал он презрительно. А в следующий раз они пошлют миниконов, чтобы его запинать?

- Кому под силу сразить Мегатронуса? – прокричал он и нанес удар. Смазка и части корпуса противника разлетелись в разные стороны. – Никто! Никто не победит Мегатронуса!

Он бил снова и снова, пока от комбинатора не остались одни обломки. Тогда гладиатор убрал оружие и торжествующе поднял руки:

- Я ВСЕ ЕЩЕ ФУНКЦИОНИрую!

Мерным шагом он прошел из одного конца ямы к другому, обращаясь к толпе со словами:

- Кто из вас бросит мне вызов? Ну?! Хоть кто-то! Хоть впятером, вдесятером попробуйте одолеть меня теперь за все мои предыдущие победы! Никому не победить Мегатронуса!

Вернувшись к центру ямы, он пнул останки летающего комбинатора-инсектикона²² и швырнул несколько кусков толпе на трофеи.

- Помните! – закричал он. – Помните, что вы видели Мегатронуса! Это лучший день в вашей жизни! Помните!

Преклонение толпы пьянило его, как глоток энергона, как сама жизнь. «Никогда больше я не буду безымянным» - думал Мегатронус.

- МЕГАТРОНУС! МЕГАТРОНУС! МЕГАТРОНУС!

Что-то необычное происходило по мере того, как усиливался хор голосов. Как будто по единодушному порыву толпы последний слог прозвища гладиатора начал пропадать. Мегатронус внимал и чувствовал странное волнение, когда его имя преобразовывалось, менялось... трансформировалось. Ему дали новое имя свои же поклонники. Имя, которое не носил еще ни один кибертронек. Арена содрогнулась от мощного выкрика:

- МЕГАТРОН! МЕГАТРОН! МЕГАТРОН!

- О да! – решил он. – Я буду зваться Мегатроном!

И Кибертрон никогда не будет прежним.

Он стоял, приветственно подняв руки, среди клубов дыма, мусорных куч арены, возвышаясь над телами поверженных противников. Никому из кибертронцев не под силу противостоять ему.

Мегатрону уготовано свершить великие дела. Скоро он перестанет быть гладиатором. Он поведет гладиаторов за собой.

²² Инсектиконы (Insecticons) – роботы, напоминающие насекомых и по внешности и по характеру и поведению. Они, как правило, не слишком разумны, зато агрессивны и крайне непривлекательны. Но, как и у всех насекомых, у них есть свои преимущества.

Мегатронус с торжеством покинул яму арены и отправился в заброшенные технические тоннели под заводом, которыми некогда поставляли комплектующие для полуавтоматической горнодобывающей техники. Теперь же большая часть подземелья под комплексом завода была отведена под нелегальные, но очень прибыльные гладиаторские турниры. Здесь гладиаторы – как простые механоиды, так и кибертронцы, – жили, тренировались, сражались, а также ремонтировались. Тех же, кто умер, пускали на запчасти.

Еще недавно, примерно орбитальный цикл²³ назад, всем здесь заведовал криминальный синдикат, представители которого держали гладиаторов за бесправных болванчиков. А кому до них было дело? Класс, в котором рождались рабочие для фабрик Каона, находился в подчинении более высоких классов. Пока сырье исправно перерабатывают в готовые продукты, представители инженерных и правительственных классов даже не подумали бы манипулятором шевельнуть ради своих собратьев-кибертронцев, занятых каторжным трудом на перерабатывающих заводах и у плавильных печей. Преступный синдикат использовал обстановку с выгодой для себя. Во-первых, ими были придуманы гладиаторские бои. Во-вторых, они манипулировали исходом этих боев.

Мегатрон какое-то время терпел контроль криминальных боссов. Ситуация дошла до критической точки, когда в один прекрасный день они явились к нему с предложением сделки.

- Ты – лучший гладиатор из тех, что мы когда-либо видели, – сказали они. – В натуре, неуязвимый. Но трибуны пустеют. Зрители не придут, когда каждый знает, что ты возьмешь верх.

Это произошло в помещении, не отличающемся от того, куда вошел Мегатрон. После матча, похожего на тот, в котором Мегатрон только что сражался. И Мегатрон понимал, к чему все идет.

- Нам нужно, чтобы кто-то еще побеждал – продолжили боссы. – Не постоянно. Но время от времени. Начнем со следующего раза, когда ты отправишься на арену.

Это был момент, который случается, может быть, всего раз в жизни каждого. Момент, когда Мегатрон стоял перед выбором: до конца жизни быть под чьим-то контролем, или... сражаться за право идти своим путем до смерти.

И он выбрал бой. Через несколько мгновений боссы, как и их громилы-охранники, все, кроме одного, были перебиты. Уцелевшего Мегатрон отправил прочь, чтобы распространить весть: у гладиаторской арены сменилось руководство.

И вот Мегатронуса больше нет. Мегатрон размышлял об этом моменте, переломном в его жизни, когда пришел в медпункт и увидел, что Шоквейв и Саундвейв ожидают его.

- Скоро вы поведете за собой не только гладиаторов – сказал Шоквейв, приступая к осмотру повреждений Мегатрона.

Шоквейв был прикормленным Мегатроном сумасшедшим ученым. Это был такой ум, который, увидев двух смертельно поврежденных гладиаторов, попытался бы сделать из них одного суперробота. Он был напрочь лишен моральных принципов, которые даже Мегатрону не

²³ Единица времени, примерно составляет 1 месяц.

были чужды. Поэтому Мегатрон не доверял ученому. Однако Шоквейв был предан Мегатрону... пока. Гладиатор знал, что придет время, когда Шоквейв попытается свергнуть его. Но до тех пор гений Шоквейва всецело находился в его подчинении.

Совсем другое дело Саундвейв... Это был специалист по шпионажу, обладающий экстраординарными способностями. У него в подчинении находилась ватага миниконов, таких маленьких, что Мегатрон мог бы одной ступней раздавить нескольких из них. Саундвейв был единственным гладиатором, который дрался с Мегатроном и имел шанс одолеть его. Разумеется, они схлестнулись тогда в поединке до первой раны, не до смерти. Иначе сейчас здесь стоял бы лишь один. Саундвейв был почти таким же целеустремленным, как Мегатрон. Он был почти так же упорен. К тому же обладал набором способностей, которым Мегатрон готов был позавидовать: множественной трансформацией и 3-мя миниконами, которых он держал внутри себя в форме робота, но мог выпустить в любой момент в бой. Их звали Рамбл²⁴, Рэведж²⁵ и Лазербик²⁶.

Мегатрон огляделся и не обнаружил никаких миниконов. Это его устраивало. Он не доверял миниконам. Любим. А также его не устраивало хитрить, не нравилось лгать, за исключением случаев крайней необходимости. Мегатрон скорее предпочел бы взять то, что хотел на Кибертроне, своей силой.

Однако так поступать нельзя, и напоминание об этом было одной из причин, по которой он держал при себе Шоквейва и Саундвейва. Мегатрон был могуч (и отлично осознавал это), но и он нуждался в поддержке союзников, чьи способности дополняли его собственные.

- Легкие ожоги от кислоты – объявил Шоквейв. – А энергетическое оружие произвело незначительный эффект. Как всегда, Мегатронус, если бы не пара-тройка шрамов, не поверишь, что вы побывали в бою. Какие замечательные прототипы я мог бы создать из вас!

- Мегатрон.

Шоквейв вышел из ступора, вернувшись в реальность от мечтаний об армии супермеханоидов, созданных на основе Мегатрона, и заморгал:

- Что-что?

- Ты слышал, что кричала толпа? Я – Мегатрон.

Шоквейв и Саундвейв перебросились удивленными взглядами.

- Слава Мегатрону! – воскликнули они.

²⁴ Rumble переводится «грохот» или «ропот». Он выглядит как трансформер маленького размера. Встречается во многих произведениях тф. В Г1 имя этого трансформера перевели как Громила.

²⁵ Ravage – «разрушение», «уничтожение». Выглядит как хищное животное вроде кошки. Имя в переводе 6 канала – Грабитель.

²⁶ Laserbeak – «Лазерный клюв».

Глава 4

Орион Мирный любовался звездами, а между ним и далекими созвездиями блистали две точки – Лунная база-1 и Лунная база-2. Еще один ближайший к Кибертрону объект – станция «Триптикон»²⁷, находился вне поля зрения, на другой стороне планеты. Орион прогуливался по широким улицам и мостам Иакона и размышлял о том, что услышал от Мегатрона:

*- Каждый кибертронец имеет право на свободу!*²⁸

Допустим. Но что есть свобода? Если бы не было классов, если бы кибертронцы были не организованы и их не направляли бы на соответствующие линии производства... Если б каждый стал делать только то, что хочет, планета погрузилась бы в хаос. Орион Мирный вспомнил, что его учили, что свобода состоит в том, чтобы неограниченно трудиться над задачами, актуальными и необходимыми для класса, в котором ты родился. Неограниченный выбор приведет не к свободе, а скорее к застыванию в полной неразберихе.

Этому учил... Кто же? Сентинел Прайм никогда не произносил такого вслух. Однако при нем появилась классовая система, предохраняющая Кибертрон от ситуаций, когда со стороны личности возникла бы угроза расколоть кибертронскую цивилизацию на враждующие стороны.

- Кому выгодна кастовая система? Представителям высших классов! За чей счет живут высшие классы? За твой!

Орион Мирный поднялся на смотровую площадку башни, откуда он мог видеть весь Иакон. Ландшафт Кибертрона, живого выражения Праймаса, расходился, подобно аркам, во всех направлениях. Поверхность планеты раскалывали каньоны, ведущие к месту, где плазма истекала из Колодца Великой Искры в центре Кибертрона²⁹. Далеко-далеко на западе Орион Мирный мог видеть самые высокие пики Марганцевых гор. На севере, вне досягаемости для обзора, находился парк «Шесть лазеров над Кибертроном»³⁰.

При мысли об этом парке развлечений Орион ощутил укол злости. Он никогда там не был. Парк предназначался для высших классов. Лишь в необыкновенно редких случаях кибертронцу низшего класса доводилось побывать в нем. И Орион Мирный в число счастливиц пока не входил.

²⁷ Космическая станция неподалеку от планеты Кибертрон. Несмотря на то, что ее обычно хорошо видно с поверхности, о станции мало что известно.

²⁸ Эта фраза перекликается с лозунгом Оптимуса Прайма: «Каждое живое существо имеет право на свободу» в Г1.

²⁹ Это не имеющее аналогов место интересно тем, что через него на Кибертроне зарождается новая жизнь. Там находится каньон, а в нем Колодец (технический комплекс с несколькими уровнями, уходящий вглубь до самого Ядра Кибертрона), где располагается Великая Искра. До появления классовой системы каждый новорожденный должен был пройти от Колодца через подземелье в Хрустальный Город. Есть предположение, что где-то поблизости должен находиться другой трансформерский артефакт – Матрица Лидерства. Помимо трансформеров некое подобие жизни обретает любой механизм, оказавшийся вблизи Колодца.

³⁰ Название образовано по аналогии с парком «Six Flags», одним из самых крупных на Земле оператором парков развлечений. Кибертронский парк также упоминается во 2 сезоне сериала «Beast Wars»: когда опечаленный Сильверболт отказывается пойти с Рэттрепом в стрип-клуб, Читор приглашает его оторваться в «Шести лазерах».

- Личность знает, что для нее лучше! Кто, как я не, знаю, что мне нужно? Кто, как не вы, можете решить, что лучше для вас?

«Было бы неплохо посетить “Шесть лазеров”...» - подумал Орион Мирный.

Да вот только если бы все кому не лень заявлялись в «Шесть лазеров», каждый раз, когда возникнет такое желание, парк бы просто разнесли. Организованная структура была необходимостью. И личности не станут добровольно связывать себя узами структуры. Но куда они денутся?

Вот именно. Разумные существа объединяются вместе и принимают решения, направленные на общее благо. Не все из этих решений полезны каждому по отдельности.

Он запутался, не зная, что ему следует думать или чувствовать.

- Что мне нужно, так это разговор, который происходил бы не внутри моей головы, а в реальности – заключил Орион Мирный.

- Вот что мы сделаем, - заявил Джаз, после того, как Орион встретился с ним в «Старой смазочной Маккадама»³¹, где обнаружил его после долгих розысков. - Отправимся в Каон и посмотрим бои гладиаторов собственными глазами.

- Да ты что?! Они же незаконны. Я думаю, и смотреть-то на них незаконно! – воскликнул Орион Мирный.

- Однако не похоже, что людей это останавливает, - заметил Джаз. Он залпом осушил свою кружку виско³² и помахал бармену, чтобы налил другую. – Почему бы и нам не пойти? А если кто-нибудь из начальства узнает, если нас сцапают и будут допрашивать, я скажу, что провожу исследование культуры. Так и есть на самом деле, ты же знаешь.

Это была чистая правда. Орион Мирный познакомился с Джазом, потому что тот работал исследователем культуры, чья деятельность в некоторой степени была связана с разбором содержания всех передач и других данных, которые Орион Мирный ежедневно вылавливал из Сети. Выясняя ту или иную историческую подробность, Джаз довольно часто посещал Городской Архив, и они с Орионом Мирным постоянно пересекались. Так было положено начало дружбе.

Ориона немного пугала беспечность Джаза по отношению к жизни и начальству. Класс, к которому принадлежал Джаз, был несколько выше по иерархии, чем Орионов, так что ему было позволено больше. Однако, в отличие от Ориона, Джаза как будто бы тянуло к запрещенным вещам. Увидев где-либо возможность обойти правила, он тут же ей пользовался, заходя при этом, пожалуй, чуть дальше пределов разумного.

Орион потягивал свой виско.

³¹ Популярный бар на Кибертроне. Упоминается в нескольких выпусках комиксов.

³² Трансформерский напиток. Вязкий по консистенции. Оказывает бодрящий эффект. Название, по всей видимости, образовано по аналогии с земным напитком – виски, но его сущность аналогией виски не является, так как трансформеры пьют виско кружками.

- По-любому, Каон на другой стороне планеты. Я никогда не бывал так далеко... - только закончив фразу, Орион осознал, что хотел произнести слова небрежным тоном, но прозвучали они мечтательно.

Большую часть Кибертрона Орион никогда не видел. Ему приходилось слышать то, что говорили жители повсюду, на каждой радиомачте, на каждой станции на планете. Он раскладывал их разговоры и передачи по полезным категориям, чтобы такие, как Джаз, могли приходить в Городской Архив и использовать работу Ориона Мирного в качестве материала для построения различных теорий.

Внезапно он ощутил чувство родства с рабочими на заводах. Они производили машины. Орион Мирный производил архивы данных. Так в чем между ними разница?

Но стоило ему обмолвиться об этом, исследователь засмеялся:

- О да, Орион, ты не такой! Тебя твоя работа не убьет. И когда ты не сможешь больше работать, никто не станет пускать тебя на металлолом, и из твоего сломанного тела не наделают кубов данных или матриц изображения.

Слова друга поразили Ориона, как пощечина.

- Ты говоришь об этом с таким цинизмом, - заключил он.

- Те, кому повезло, должны знать, как им повезло – ответил Джаз. Затем он вернулся к своему виско, ожидая, пока Орион Мирный соберется с мыслями.

- Вот думаю, а что если бы я мог связаться с ним? – произнес Орион после паузы. Порция виско по обыкновению толкала его на подвиги.

- С кем? С этим Мегатроном? – Джаз отмахнулся. – Ну, может, и получится. А зачем тебе это?

- А ты разве не находишь его интересным?

Джаз засмеялся:

- По мне, все вокруг интересно. Я только и делаю, что ищу интересности. Давай так, Орион, - если ты хочешь поехать в Каон, поедem в Каон. Я могу взять разрешение на командировку по научным изысканиям. А также могу заявить, что нуждаюсь в помощи кого-то вроде тебя, чтобы собрать данные. Мне поговорить с архивариусом?

Орион Мирный обдумывал его слова некоторое время.

- История движется по циклам – произнес он наконец. – Уж много примеров тому я посмотрелся, пока ковырялся в архивах.

- Я думал, тебе не полагается ковыряться в архивах. Осторожнее, дружище, а то так выйдешь за границы своего класса.

- А как я могу не выйти? – Орион допил остаток виско. – У меня есть разум. Я могу мыслить и критически анализировать.

Джаз потерял дар речи и отозвался только спустя порядочное количество времени:

- Ну, как скажешь...

- Для тебя-то это ерунда. Ты можешь делать все, что заблагорассудится. А я простой служащий. – Орион Мирный перегнулся через стол к своему другу. Он полностью доверял Джазу и мог обсуждать с ним вещи, о которых не сказал бы более никому. – Где это написано, что я всегда должен быть служащим? Разве есть некий журнал учета, который Праймы держат где-нибудь в отдаленном уголке галактики, и там написано мое имя с припиской – «служащий»? О, не думаю...

- Ты говоришь прямо как твой друг-гладиатор, - заметил Джаз.

- Он не мой друг – поправил Орион Мирный и задумался. – Но, может быть, мне пора поговорить с ним.

Он знал, как работает Сеть. Ведь он провел столько времени, пробираясь через ее матрицы и пересечения. И одной из вещей, которые Орион Мирный выучил вследствие этого, был способ отправлять передачи через Сеть так, чтобы никто кроме адресата о них не узнал. В продолжение следующей рабочей смены, в глубокой тишине, сопровождающей процесс сбора данных в секции Городского Архива, Орион Мирный делал свою работу. Но одновременно с этим он разрабатывал план тайной передачи сообщения бунтарю-гладиатору Мегатрону.

Различные варианты того, что он мог бы сказать, прокручивались в сознании Ориона. Он обдумывал это всю рабочую смену. Но в конце концов решил написать что-то простое:

То, что ты говоришь, интересно. Но у тебя больше слушателей, чем ты предполагаешь. Давай поговорим.

Он прикрепил контактную информацию к сообщению, используя пустые участки области памяти, который не были промаркированы в текущей конфигурации Сети. Потом он отослал сообщение и стал выжидать, прочесывая Сеть на предмет того, что Мегатрон мог делать, думать, сказать или еще... замышлять.

На следующий день он снова встретился с Джазом «У Маккадама».

- Он ответил! – сообщил Орион Мирный.

- Он – это, я так понимаю, Мегатрон? – поинтересовался Джаз. – А что ты ему написал?

- Просто, что у него большая аудитория, чем он мог бы ожидать.

- А он что?

Орион Мирный покачал головой в изумлении:

- Он написал: «Ты не подозреваешь, насколько ты прав. А еще насколько прав я».

Джаз смеялся долго и громко.

- Какой дерзкий! – сказал он, отсмеявшись. – Впрочем, он не один такой, верно?

- А потом он согласился на встречу, - добавил Орион.

На лице Джаза появилось серьезное выражение:

- А ты готов рискнуть? Раньше я говорил об этом не всерьез. Однако это дело, о котором тебе стоит вначале поразмыслить. Для тебя эта поездка может иметь худшие последствия, чем для меня.

- Я готов – ответил Орион Мирный.

Альфа Трион поводил кончиком своего Пера по поверхности своего стола. Перед ним на экране пролистывался текст, содержащий всю переписку служащего Архива Ориона Мирного с гладиатором, обратившимся в революционера. Революционер – серьезное слово. Но, кажется, самое подходящее, если принимать то, что наговорил Мегатрон, за чистую монету.

ОМ: В рамках своего класса я могу читать данные и распределять их в каталоги, но мне запрещено их анализировать.

М: Как же ты определишь, куда их поместить, если сначала не проанализируешь?

ОМ: Я стараюсь не задавать вопросов о положении, с которым ничего не могу поделать.

М: Кто сказал тебе, что ты ничего не можешь поделать со своим положением? У меня вот даже не было имени. Я выходил на смерть ради потехи толпы. А теперь я – Мегатрон и сражаюсь когда, где и ради чего сочту нужным.

ОМ: С кем ты сражаешься?

М: С теми, кто говорит мне... Примерно то же, что говорят тебе... что мы не имеем права сами определять нашу судьбу. Интересно, что даже в Иаконе мои слова были услышаны.

ОМ: Это моя работа - слышать все.

М: Однако, ты не пишешь ответ всем, кого услышишь. И, конечно же, не отвечаешь всем подряд по каналам, которые ты скрываешь из боязни, что подслушают.

ОМ: Ну да...

М: Подавляющее большинство кибертронцев мечтает жить в Иаконе. А вот ты находишься там, однако не чувствуешь себя довольным. О чем это говорит?

ОМ: Нам нужно встретиться.

М: Встретиться? Зачем мне искать встречи с тобой?

ОМ: Если ты нацелен на что-то большее, чем Каон, тебе нужно распространить свое послание, чтобы оно нашло отклик не только среди классов, которые выплавляют руду и умирают в ямах арены.

М: Или же остальные кибертронцы должны выучиться считаться с этими классами. Даже ты не понимаешь, хоть и считаешь себя одним из нас.

ОМ: Тогда объясни мне то, что я не понимаю.

Альфа Трион закрыл глаза. Началось. В «Завете» он увидел это ясно. И вот теперь, в действительности, перед ним возникали смутные очертания. Время Ориона Мирного, служащего из Городского Архива, подходило к концу. Новое время потрясений и беспорядков обрисовывалось на горизонте. В этом не приходилось сомневаться.

Что было неясным, рассуждал Альфа Трион, так это вопрос, как много он может сделать, чтобы повлиять на грядущие события, заставить их развиваться в правильном направлении. Орион Мирный был молодым и неопытным. Не такого бы Альфа Трион предпочел избрать.

Однако у Альфа Триона не было выбора. Он, как и любой другой кибертронец, открывал для себя будущее только в тот момент, когда оно становилось настоящим.

Глава 5

В течение последующих циклов Орион Мирный продолжал переписку с Мегатроном. Их разговоры обострили отношение Ориона Мирного к понятиям класса, личности и свободной воли. По словам Мегатрона, их диалоги способствовали тому, что и сам гладиатор начал дорабатывать свои идеи.

- Ты заставляешь меня мыслить ясно, библиотекарь – признался Мегатрон по видеосвязи спустя несколько циклов после их первого контакта. – Лидеру это необходимо.

Орион Мирный подумал, что некоторые идеи Мегатрона не совсем понятны. Что именно Мегатрон намеревается предпринять? Они направят жалобы в Верховный Совет? Есть ли конкретный план?

- У меня имеются помощники, которые занимаются и этими вопросами тоже, - сказал Мегатрон, но в подробности вдаваться не стал.

Это заставляло Ориона Мирного нервничать – и было от чего переживать, по мнению Джаза.

- Ты должен точно осознавать, во что ввязываешься, - сказал ему друг. – Что бы ни случилось, я останусь наблюдать рядом. Но для тебя это может иметь очень серьезные последствия. Вот сейчас вы просто разговариваете. А дальше больше - дойдет до дела, которое затрагивает законы. Ты собираешься преступить закон?

Орион Мирный не нашел достойного ответа на этот вопрос и спросил об этом Мегатрона.

- Кто принимает законы? – был ответ Мегатрона. – Они спрашивали у тебя? Или разве у меня они спрашивали?

Орион Мирный на это тоже не нашелся, что сказать.

- Ты представляешь, дружище, - начал Джаз, - что произойдет, если каждый, кого не пригласили разрабатывать законопроекты, станет готовить революцию? Можешь вообразить, на что будет похожа эта планета?

- Ну нет! – воскликнул Орион. – Нам далеко до революции. У нас как раз наоборот, разве ты не видишь? Все молчат, что бы ни случилось. А кто решил, что мы должны делиться на классы? Что наши лидеры сейчас говорят об этом?

«Ничего!» - вот какой был ответ на этот вопрос. Лидер Сентинел Прайм не показывался на глаза. Верховный Совет в руководстве занимался мелочами и избегал крупных вопросов.

- По всей планете, - утверждал Мегатрон, и Орион Мирный вынужден был согласиться, - кибертронцы обленились и довольствуются подачками. Неужели это та самая раса, которая строила космические мосты? Для нас все еще горит сияние Великой Искры? Так почему же мы позволяем другим думать за нас, действовать за нас, решать, что мы должны делать, а что нет?!

Было что-то в Мегатроне, отличающее его от других. Орион Мирный мог наблюдать это, как и любой, кому доводилось вступить с Мегатроном в контакт. Его слова было сложно

пропускать мимо ушей. И когда Мегатрон говорил о свободе личности, сколько бы кибертронцев ни присутствовало при беседе, каждому казалось, что речь имеет именно о нем.

Но все-таки Орион Мирный никогда не видел Мегатрона вживую. Орион не был уверен, что стоит рискнуть. По правде говоря, он сомневался, что отважится на такое.

- Если ты хочешь понять Кибертрон, библиотекарь, ты должен увидеть Каон! – подзадоривал его Мегатрон.

- Может, это тебе стоит увидеть Иакон, чтобы лучше понять Кибертрон? – отвечал в том же духе Орион Мирный.

- О, не переживай, я увижу Иакон.

Что-то в тоне его голоса вызвало у Ориона Мирного желание сменить тему. Меньше всего на свете ему хотелось провоцировать конфликт с Мегатроном, как раз когда он только начал вникать в Мегатроновы идеи и начал... Подумать только, он, Орион! – начал участвовать в их обсуждении. Орион Мирный считал, что во многом его взгляды совпадают со взглядами непреклонного ветерана каонской арены. Однако он чувствовал, несмотря на их общность, серьезные расхождения точек зрения в вопросе о свободе и воле.

- Почему ты назвался Мегатронусом? – спросил Орион.

Он слышал, что Мегатрону уже приходилось отвечать на этот вопрос, объясняя свой поступок каждый раз чуть иначе. Гладиатор двигался вперед, прорабатывая свои идеи, совершенствуясь в ораторском искусстве. Орион Мирный осознал, что на его глазах развивается и набирает силы воистину великий лидер... Но чей лидер? Куда он поведет за собой?

- Я принял имя одного из Тринадцати, потому что, несмотря на то, что лишь он один назвал себя Падшим, все Праймы отпали от своей изначальной миссии. Они разрушили свое будущее, и, соответственно, наше настоящее. Падший – такой фундамент я избрал, поэтому выбрал себе такое имя. Ведь сейчас на Кибертроне в упадке идея о свободе вне классовых условностей. История рисует некоторых ботов преступниками за то, что они действовали так, как считали правильным. Если такое случится со мной, - что ж, так тому и быть. Я могу делать только то, что правильно.

По ходу разговора Мегатрон периодически выдвигал оружие своих форм трансформации. На заднем плане Орион Мирный мог видеть некоторых его ближайших сподвижников. Орион знал двоих из них: Саундвейва и Шоквейва. Саундвейв держал при себе миниконов, и это заставляло Ориона Мирного нервничать. Наличие миниконов внушало ему мысли о шпионаже и предательстве. Шоквейв держал себя холодно и по-деловому: он, ученый, странно смотрелся среди основной массы последователей Мегатрона.

Если судить по Шоквейву, создавалось впечатление, будто Мегатрон проникся идеей сближения представителей разных классов. Ученые и сталевары, о гладиаторах и говорить нечего, редко когда объединялись вместе. Разве только в случаях, когда первые командовали остальными. А здесь, как Орион Мирный, мог видеть, все происходило с точностью до наоборот. Распоряжался явно Мегатрон.

- В ямах Каона нет времени для сомнений, - продолжал Мегатрон.- Нет оттенков серого, нет тонких различий. Им место, может быть, в Городском Архиве, но не здесь. Здесь, внизу, ты принимаешь решение и не отступаешь от него ни на атом... Иначе ты умрешь.

Орион Мирный огляделся. Он находился в одиночестве в крыле Городского Архива и позаботился о том, чтобы изолировать этот канал от обычных протоколов поиска и сбора данных, которые отслеживали весь входящий и исходящий трафик Архива. Но все-таки он старался говорить потише.

- Неужели ты полагаешь, что Тринадцать оценивали свои действия таким образом? – спросил он.

- Для меня это не имеет значения, - ответил собеседник Ориона. – Мегатронуса давно уж нет. А мы с тобой здесь. То, что мы делаем, зависит не от Мегатронуса или Льежа Максимо³³ или какого другого мифического персонажа. Мы сами определяем свои поступки.

- Кто это «мы»? – спросил Орион Мирный несколько солярных циклов³⁴ спустя.

- Каждый, кто захочет присоединиться. Когда ты захватываешь мир, не стоит слишком привередничать с теми, кто готов выступить на твоей стороне - произнес Мегатрон со смешком.

- Значит, у тебя есть последователи в Каоне. А где еще?

- Такие вопросы задают шпионы ... - ухмыльнулся Мегатрон.

- Если бы ты беспокоился об этом, то давно прекратил бы общение – парировал Орион.

- Может да, может нет. Саундвейв сказал: мне нужно иметь в виду, что ты предашь меня. А я ему ответил, что если бы подозревал с твоей стороны предательство, то встретился бы с тобой на арене, Орион. И мы бы решили эту проблему, как подобает воинам. Ну, а ты вышел бы драться со мной на ринге за свои идеалы, а, библиотекарь? Сумеешь ли ты противопоставить свои принципы моим?

- Думаю, что да – сказал Орион Мирный. – И я буду драться за них с кем угодно.

Как только Орион произнес эти слова, он понял, что это правда. Орион Мирный и ранее знал, что есть большой мир за пределами рутинной работы, которую он делал, и класса, к которому он принадлежал. Речи Мегатрона зажгли в его душе огонь, но Мегатрон лишь пробудил то, что всегда было в Орионе. Хотя его искра никогда не загорелась бы столь ярко, если бы он не столкнулся с революционными идеями этого преступника-гладиатора.

- Тогда я расскажу тебе. У меня есть приверженцы в Бластер-Сити³⁵ и за Пустошами, в Слоутер-Сити. Я могу захватить космопорт на Гидраксе хоть завтра – пока Мегатрон говорил, Орион Мирный мысленно пытался сопоставить названия мест с картой Кибертрона. - По всей планете собираются кибертронцы, которые меня слушают. Они пойдут за мной, как только я призову.

³³ Еще один из Тринадцати первых трансформеров. Упоминается также в комиксах как злодей.

³⁴ Единица измерения времени. Солярный цикл соответствует 1 дню по земным меркам.

³⁵ Кибертронский город. По местоположению прилегает к Пустошам.

- Когда же?

- Когда придет время. Не забывай, библиотекарь, что мы с тобой еще не виделись. До тех пор пока мы не будем смотреть друг другу в лицо, мы обсуждаем только то, что, может, никогда не случится. Это примерно также, как если бы мы смотрели вверх на обломки космического моста и спрашивали себя, хорошо ли было бы отправиться по мосту снова на Велоцитрон или на Хаб. Мы – друзья и просто ведем дружескую беседу о вещах, в которые мы верим.

- Друзья... - подумал Орион Мирный.

Это казалось невероятным, однако так оно и было. Он все больше проникался дружескими чувствами к этому агитатору, преступнику и, вероятно, изменнику в глазах Совета. Но общество шло по пути все большего погружения в застой. Что в такой ситуации оставалось делать любому здравомыслящему кибертронцу?

- Вопрос на засыпку, - сказал Джаз, когда Орион Мирный спросил его об этом позже позже. – Я начал вникать в эти вещи. У твоего друга Мегатронуса – или Мегатрона – очень интересная история.

- Да знаю я его историю – отмахнулся Орион.

- Ну, конечно. Но я-то не знал и поэтому попытался глянуть и поискать, что смогу найти. Вот как ты думаешь, чего он хочет, Орион?

Орион Мирный долго раздумывал над ответом.

- Он хочет видеть Кибертрон, каким он был в прошлом. – ответил Орион наконец. – Кибертрон, где ты не был бы обречен Гильдией³⁶ на существование в рамках и классов, едва только появился на свет через Колодец Великой Искры. Кибертрон, на котором любой житель планеты может стать кем угодно. Кибертрон, где смотрели на звезды, боролись с квинтессонами³⁷, дерзали идти вперед и смотрели, как далеко простираются возможности.

- Это то, чего хочешь ты! – заявил Джаз. – Хватит делать вид, будто это не так!

Орион снова на какое-то время умолк.

- Ну да, это то, чего я хочу - согласился он.

- Ага! Я не скажу тебе, что ты не прав. Я скажу, дружище, что это опасные мысли. Как, по-твоему, высшие классы должны отреагировать на такую идею? Неужели ты думаешь, что они спят и видят, как бы вернуть те дни, когда успех каждого кибертронца основывался на личной доблести и стремлениях? – Джаз посмеялся над собственным сарказмом.

³⁶ Политическая организация на Кибертроне, которая следит за классовой системой и поддерживает ее. В их компетенции определять каждого новорожденного кибертронца в класс, к которому он будет принадлежать до конца своих дней. Гильдия появилась после ухода Праймов. Но их власть стала абсолютной после того, как генералами войск с одобрения Сентинела Прайма в форте Скайк была разработана идея классов.

³⁷ Враждебная инопланетная раса в трансформерской вселенной. Корыстные и жестокие враги любой жизни, но особенно трансформеров. В Г1 эта особенная ненависть была порождена тем, что квинтессоны создали трансформеров и тиранили их, пока те не восстали и не сбросили с себя ярмо рабства. С тех пор квинтессоны затаили глубокую обиду.

- Если я не могу заставить себя сделать то, что правильно, как я могу ожидать этого от кого-то другого?

Джаз кивнул. Они посмотрели вверх в бесконечную черноту небес.

- Ладно,- произнес Джаз. – Только не удивляйся, когда обнаружишь, что не все следуют таким стандартам.

- А я не рассказывал тебе, что Мегатрон заявил, что он будет драться со мной, если заподозрит, что я собираюсь предать его? – спросил Орион Мирный.

- Очень смешно! – фыркнул Джаз.

- Это правда.

- Тогда будь осторожен. Если он такое ляпнул, значит, наполовину убежден, что так и произойдет.

Орион рассмеялся.

- Ну тогда, мне лучше приступить к тренировкам и поучиться драться, - произнес он.

Слово Ориона не разошлось с делом. Каждый солярный цикл он стал выкраивать время для тренировок с братьями по классу. Он использовал оружие, которое мог создать в форме робота – ионную пушку и энерго-бластеры, а также постигал тонкости владения мечом и секирой. Последние он мог нести с собой или обнаружить как часть своей трансформации. Пока Орион Мирный дрался на учебных боях, он размышлял о Мегатроне, который большую часть своей жизни провел в сражениях не на жизнь, а на смерть. Вскоре к молодому боту присоединился Джаз, и они сражались вместе, оттачивая свои умения. Орион полюбил поединки и боевой азарт. Часто по окончании тренировки, когда его микросхемы кипели от энергии боя, Орион страшился возвращения к своему рабочему терминалу, в тишину Городского Архива.

Только его жажда знаний как о прошлом Кибертрона, так и обо всем, что касалось настоящего (хотя Орион Мирный не думал, что знание о настоящем представляет ценность), заставляла его возвращаться.

Кроме того, у Ориона еще были обязанности перед его классом.

Дружба с Мегатроном ясно обнаружила его внутреннюю дилемму. Мегатрон возродил в нем интерес ко всему, что происходит на Кибертроне – планете, где он обитал вместе с остальными кибертронцами. Однако сохранил Орион какую-никакую преданность своему классу, это привело бы к конфликту с Мегатроном, который упразднил бы все классы, как только получил бы власть.

- Но разве бы я на его месте поступил иначе? – спрашивал себя Орион Мирный.

В ответе не было определенности. Орион понимал мотивы Мегатрона. Может быть, он даже больше гладиатора жаждал свободы и перспектив, которые откроются, когда наступит конец классам и Гильдии.

Но различие между ним и Мегатроном, как подозревал Орион, состояло в выборе методов. Орион Мирный верил в то, что перемены можно произвести с помощью средств политики: распространение новых идей; отслеживание того, как окружающие зажигаются ими; привлечение сторонников в количестве, достаточном, чтобы обратить на себя внимание, - все это, наконец, приведет к тому, что Сентинел Прайм и Верховный Совет вынуждены будут отреагировать. Такова была позиция Ориона Мирного.

Порой он был озабочен тем, что Мегатрон не обладает таким терпением, как он. При этом к Ориону Мирному вдруг начали стекаться собственные последователи. Появлялись сообщения, где упоминался он, а не Мегатрон, или имя Мегатрона упоминалось, но на втором месте после имени Ориона. Орион Мирный, несмотря на то, что старался изо всех сил не привлекать внимания, становился известным.

События стремительно приближались к решающей стадии. Пора было наконец-то встретиться с Мегатроном лицом к лицу.

Орион Мирный смотрел в монитор своего рабочего терминала. Он продиктовал заявление на имя Альфа Триона, в котором испрашивал отпуск. Когда он покидал Городской Архив, архивариус вызвал его по прямой связи, однако Орион не отозвался. Он не знал, о чем говорить, и боялся, что Альфа Трион убедит его остаться.

Орион Мирный ясно представлял, что должно быть сделано. Осталось только воплотить план в жизнь.

Глава 6

Первой мыслью Ориона Мирного, когда он увидел Каон, было потрясение. Он никогда не видел ничего подобного. Конечно, Орион видел раньше фотографии, но одно дело – смотреть на картинку города, другое: оказаться на месте, когда все его сенсоры одновременно, со всех сторон улавливают массу новой информации.

Орион Мирный приехал в Каон в трансформе. Он прокатился через Калис³⁸, мимо Колодца Великой Искры, где рождались все кибертронцы. Затем пересек земли Торус³⁹ и подъехал к Ржавому морю⁴⁰, с южной стороны которого подступали Соник-Каньоны⁴¹. Обогнув Каньоны, Орион Мирный вступил в Пустоши и обнаружил, что прибранная, цивилизованная местность сменилась весьма неприглядной территорией. Металлические хребты и извилистые каньоны, езда через которые грозила провалом в ржавчину по самые оси, - были здесь обычным делом. Тут и там попадались остовы древних сооружений. Орион Мирный знал, что Пустоши были местом великих подвигов и значительных событий в истории Кибертрона. Но ему не удавалось получить доступ к архивным материалам, которые объяснили бы ему, что это были за подвиги и события. Так что он катил по дороге, жадно впитывая всю информацию, которую только мог извлечь из наблюдений за всем, что творилось вокруг.

Орион Мирный догадался, что когда-то на месте Пустошей был промышленный район. Теперь было трудно обнаружить здесь что-либо иное, кроме жалких остатков цивилизации, которая неотвратимо катится к упадку.

Однако это Орион Мирный намеревался изменить. Они с Мегатроном смогут принести перемены.

Город Каон располагался на плато и в три раза превосходил по площади Иакон. Над городом постоянно висело облако из дыма и соединений тяжелых металлов. В то время как архитектура Иакона была устремлена ввысь всеми своими башнями, арками, мостиками в жилых кварталах и прочими чудесами инженерного искусства, Каон представлял собой череду готовых обрушиться почерневших развалин. Колоссальные механические конструкции громоздились одна на другую. А новые строили прямо на них. Создавалось впечатление, будто город бомбили с орбиты, а потом то, что осталось, тяп-ляп собрали обратно слепые миниконы.

В режиме техники Орион Мирный проехал через окрестности Каона и трансформировался, когда выехал к центру города, где дороги начали путаться с висячими трубопроводами и рабочими мостками. Невозможно было ориентироваться в городе без спутника и сетевого

³⁸ Город, расположенный неподалеку от Иакона. Так же называется регион на Кибертроне.

³⁹ Город-государство на Кибертроне. Его центр – город Альтигекс. Термин «город-государство» появился в комиксах «Marvel» и «Dreamwave». Хотя предполагается, что такие города должны обладать внутренним суверенитетом, они подчиняются правительству Кибертрона. В этой книге каждый город-государство имел свое ополчение, но подчинялся Верховному Совету Кибертрона.

⁴⁰ Обширная область, наполненная коррозионными соединениями, расположенная вдоль экватора Кибертрона. Из моря выступает плато Гидракс.

⁴¹ Территория в южном полушарии Кибертрона. Примечательна непрерывным оглушительным шумом из-за подземных работ, ведущихся в этой местности, обвалами металлолома и фантастическими легендами (о том, что Соник-Каньоны – это уши Праймаса и что там расположен суперкомпьютер Вектор Сигма). Тем не менее в Соник-Каньонах есть населенные пункты, жители которых отличаются изрядным запасом прочности, деловитостью и очень громкими голосами.

интерфейса. В Каоне нельзя было полагаться на зрение. Не существовало способа определить свое местонахождение. В Иаконе же инстинкт ориентации в пространстве не подводил.

Что должен был чувствовать тот, кто живет здесь с рождения?

Перейдя на шаг, Орион Мирный стал искать строение, которое описывал ему Мегатрон. Оно располагалось к югу от центра Каона, между двумя шлаковыми ямами, столь глубокими, что Орион не мог увидеть дна, пока не подошел к самому краю. Строение представляло собой черный монумент в форме пирамиды с усеченной верхушкой, на которой была устроена посадочная площадка. Мегатрон рассказывал, что внутри когда-то велись кибер-гидравлические работы. Это было идеальное место для проведения гладиаторских боев, а также производства для черного рынка оптики и аудиозапчастей. Ведь эти детали быстро выходили из строя в сильно загрязненной атмосфере Каона и особенно – в гладиаторских поединках: повреждение сенсоров было самой распространенной травмой у выживших бойцов.

Ниже заводских цехов проворачивались настоящие дела. Примерно в половине хика⁴² под уровнем улиц простиралась развернутая сеть подземных уровней. Они использовались под размещение опорных механизмов, жилья рабочих, хранения материалов и для трубопроводов. Таким образом, находилось достаточно пространства для проведения гладиаторских боев. Под одним только Каоном таких мест было больше дюжины. Еще 20 находилось в Слоутер-Сити. И гораздо большее количество обнаруживалось в близлежащих поселениях в Пустошах вплоть до восточной оконечности Соник-Каньонов.

Однако сердце гладиаторской профессии было здесь. Все бойцы съезжались в Каон, чтобы сделать себе имя. В случае с Мегатроном это произошло буквально. А ныне, после того, как Мегатрон сверг власть криминального синдиката, который контролировал бои, он стал обращать гладиаторов в солдат своей новой армии. Орион Мирный с трепетом подошел к пирамиде, как будто она хранила в себе какой-то неведомый секрет Кибертрона.

У черного входа отирались 2 кибертронца. Первый был поменьше, чем Орион Мирный. Он был черно-белый, оптика – как красные прожекторы. Зато второй оказался громилой. Этот трансформер превосходил Ориона по массе раза в 4 – 5 и держал при себе огромную булаву размером практически с Ориона. Он загородил ей путь.

- Вход для зрителей с другой стороны, - произнес тот, что поменьше.

- Ты, должно быть, Баррикейд⁴³? – осведомился Орион Мирный. Он повернулся к здоровяку. – А ты, Лагнат⁴⁴ - верно? Мегатрон предупредил меня, что вы можете здесь дежурить. Я пришел увидеться с ним.

- Значит, ты просто совершаешь променады через наш прекрасный Каон, чтобы увидеться с боссом? – недружелюбно откликнулся Баррикейд. – Подозрительно. Он ничего нам не сказал.

⁴² Единица измерения, равная примерно 1 километру.

⁴³ Barricade переводится «баррикада», «преграда». Кому, как не трансформеру с таким именем перекрыть дорогу Ориону Мирному? Трансформер по имени Баррикейд упоминался в старых комиксах, но наибольшую известность получил после фильма Майкла Бэя, где он хитро маскировался под полицейскую машину с девизом на дверке «Карать и покорять» вместо «Служить и защищать».

⁴⁴ Lugnut переводится «зажимная гайка». Это тяжелая, округлая гайка, которая используется, чтобы прикрепить колесо автомобиля к его оси. Возможно, это имя характеризует крупного, но не далекого трансформера.

- Ты уверен? – Орион Мирный перевел взгляд на Лагната, который не проронил ни слова.

Кажется, с ним все понятно. Лагнат будет просто стоять и смотреть, что бы ни случилось, пока кто-нибудь из начальства не прикажет ему действовать.

Фокус обращения с такими, как он, заключался в том, чтобы ненавязчиво дать им понять, что вы являетесь одним из начальства.

- Лагнат! Должно быть, он сказал тебе? – продолжил Орион.

Лагнат поднял на него ошарашенный взгляд: неужели кто-то с ним заговорил?

- Эээ... Может быть... - протянул он. – Я не всегда...

- Замолкни! – оборвал товарища Баррикейд. Он перевел взгляд на Ориона Мирного. – Откуда тебе известно, что босс сказал и кому?

- Мне известно то, что он сказал мне – ответил Орион.

Патовая ситуация. Орион Мирный ощущал напряжение. Баррикейд не мог вынести мысль о том, чтобы быть выставленным на посмешище перед Лагнатом, который так легко поддавался влиянию. Или нет? Может быть, он притворялся, чтобы проверить Ориона?

Городской Архив был от Каона очень-очень далеко...

- Послушай, Баррикейд, - обратился Орион Мирный. Ему показалось, что пора поставить точку. – Я останусь здесь с этим здоровяком. А ты спроси у босса. Это легко, правда?

- Я сам знаю, что легко, а что нет - огрызнулся черно-белый, но все-таки, к радости Ориона, пошел внутрь. - Лагнат! – прибавил он уже возле открытой двери. – Не отпускай этого механоида!

«Механоида?» - подумал Орион.- «Ну да, ему же надо поставить меня на место».

Похоже, гладиаторы не склонны были обуздывать свои эмоции. Орион Мирный прикидывал, следовало ли ему отреагировать на оскорбление или наоборот правильнее было смолчать, чтобы реакцию не сочли за провокацию. Потом ему пришла в голову мысль, что он слишком склонен к размышлениям, к обдумыванию каждого своего шага и осмыслению поступков других.

«А что еще остается, кроме как мыслить? - сказал бы Мегатрон. – Что тебе остается делать, когда на протяжении всей жизни тебе говорили, что нельзя анализировать, нельзя думать самостоятельно... и вдруг ты получаешь такую возможность?».

Орион Мирный всецело одобрил эту мысль. Но тут же ее сменила новая: к такому выводу он мог прийти еще до знакомства с Мегатроном.

И внезапно Орион осознал, что находится на грани того, чтобы стать революционером. По сути, поступком бунтовщика можно было назвать и саму встречу с Мегатроном, ведь слава о нем уже распространялась. По Сети ходили тревожные слухи о том, что Сентинел Прайм «обеспокоен» и что Верховный Совет собирается «принять меры».

Если Орион Мирный продолжит в том же духе, Сентинел Прайм вполне может проявить беспокойство по поводу него. Простой служащий Городского Архива привлекает внимание Сентинела Прайма! Или Верховного Совета!

Это не поддавалось воображению.

И все же... Разве он мог поступить иначе? Каждый кибертронец имеет право на самоопределение. Орион Мирный верил в это, и его друг Мегатрон разделял эту веру.

Помяни кримзика – вот и он. Мегатрон появился у входа в пирамиду. За спиной у него маячил сердитый Баррикейд.

- Я вижу, ты успел познакомиться с некоторыми местными полумразумными формами жизни - заявил он. Трансформеры обменялись рукопожатием. – Приятно встретиться с тобой лично, мой друг.

- Взаимно – ответил Орион Мирный.

Друг. Этим словом он мог назвать ранее очень немногих. Может быть, только Джаза и кое-кого из ныне полузабытых одноклассников со своего первого учебного курса, когда он только появился на свет из Колодца Великой Искры. Тогда они вместе постигали умение трансформироваться.

Внутри пирамиды было углубление. Внутреннее пространство тут и там пересекали балки и помосты для рабочих. Больше всего места отводилось под сиденья для зрителей. Оборудование было задвинуто в дальние углы.

- Мы тут готовим воздушные состязания, - пояснил Мегатрон. – Я участвовал в здешних боях. Правда, больше в подземелье.

- И всем этим заправляешь ты? – поинтересовался Орион Мирный.

- Баррикейд занимается насущными проблемами, а на Шоквейве обязанность следить, чтобы гладиаторы были здоровы, а еще он собирает их обратно по кусочкам после боя.

Вдали в полумраке Орион Мирный различил легкий перестук крошечных сервоприводов, по которому безошибочно узнал миниконов. Мегатрон усмехнулся.

- Саундвейв шпионит за каждым. Даже за мной. А уж за тобой и подавно! Вот так он демонстрирует свою преданность.

Они продолжили беседовать, пока Мегатрон показывал Ориону Мирному пирамиду и основные подземные уровни. Трансформеры прошли через учебно-тренировочный пункт, где кибертронцы, выстроившись в шеренги, проходили военные учения под руководством инструктора по строевой подготовке. Неподалеку, всего уровнем ниже, располагался огромный машинный цех, в котором под бдительным оком специально подготовленных военных кузнецов производилась броня и оружие.

- И все это для гладиаторских боев? – спросил Орион Мирный.

- Возможно, - отозвался Мегатрон. – Мало ли для чего могут потребоваться услуги хорошо обученных бойцов...

Дрожь прошла по схемам Ориона.

- Моя позиция заключается в том, что нам надо распространять идеи о свободе и праве на самоопределение, – заговорил он, – и что мы будем действовать словами, спорами, убеждениями. Сентинел Прайм, конечно, медленно реагирует. Верховный Совет пока, кажется, демонстрирует нерешительность. Но в итоге проблема затронет их спокойный мирок и потребует своего решения. Не думаю, что надо поднимать вооруженное восстание.

- Может быть, такой ситуация видится из Иакона, – заметил Мегатрон.

- Не отрицаю, – продолжил Орион Мирный, проявляя настойчивость. – Но ты достиг славы как гладиатор. Вот тебе и кажется, что любая проблема должна быть решена боем.

- А тебе кажется, что любую проблему можно решить обсуждением – парировал Мегатрон.

- Кажется, надо прийти к компромиссу – прервал трансформеров Баррикейд. Он только что догнал их после того, как отходил на пару циклов с какими-то поручением. – А тут, Ориончик, компромисс означает согласие с боссом.

- Полегче там! – рявкнул Мегатрон. – Это ученый из Иакона. А не какой-нибудь грузчик или плавильщик, на которого ты можешь пасть разевать. Орион Мирный – друг. Мой друг. И сторонник нашего движения.

Он задержал взгляд на Баррикейде, который первый опустил свои рубиновые глаза-прожекторы.

- Понял, босс, – произнес он. – Я не хотел никого обидеть.

- Я не обиделся, – отозвался Орион Мирный.

- И все-таки, – заговорил Мегатрон. – Мы только и делаем, что говорим. И здесь, в этой пирамиде, где большинство таких, как я, сражалось и умирало, мы всего лишь болтаем о свободе. Пора действовать! Некоторые преданные мне кибертронцы покинули планету в поисках кое-каких артефактов Праймов. Если их поиски увенчаются успехом, значит, наше дело правое. А остальные...

- Что остальные? – не удержался Орион Мирный.

- Тут наши позиции расходятся, мой друг. Некоторые воинственно настроенные, пылкие жители Каона не считают, что идеи надо распространять через убеждение. Они верят в убедительность действия.

- Тогда нам следует дистанцироваться от них, прежде чем они наделают глупостей! – выпалил Орион. – Насилие на данном этапе не принесет хороших плодов.

- Не принесет хороших плодов? А вообще какие-нибудь плоды принесет? – спросил Мегатрон.

Ориону Мирному потребовалось некоторое время на то, чтобы понять, что великий гладиатор подразнивает его.

- Но это неправильно! – произнес он. – Если горстка провокаторов станет громить Кибертрон и прикрываться нашими именами, наши идеи будут опорочены. Нас сочтут экстремистами. О нас будут судить по худшим поступкам наших последователей.

- Может быть, - проговорил Мегатрон. – С другой стороны, если мы верим в самоопределение и свободу воли, то должны уважать право наших последователей не соглашаться с нашими методами и выбирать собственные.

В философском смысле это, конечно, было правдой. Но Орион Мирный знал, мог сказать, мог чувствовать до глубины своей искры, что их с Мегатроном дискуссия недолго пробудет чисто философской.

Настанет время, когда ему придется отстаивать свою точку зрения. Но пока это время не пришло. Не здесь, на поле Мегатрона, среди его сторонников, которые даже не подозревали, что большинство идей Мегатрона по сути Орионовы.

Разумеется, и обратное так же верно.

- Ну как, ты со мной, библиотекарь? – задал вопрос Мегатрон.

Орион Мирный окинул взглядом стоящих вокруг экс-гладиаторов, представителей низших классов кибертронцев. Он не вписывался в их круг, но не испытывал страха.

- Я поддерживаю твои идеи, - объявил Орион Мегатрону, - Ведь это и мои идеи тоже.

- Превосходно! – сказал Мегатрон.

Он повернулся к гладиаторам, которые прекратили работу и теперь не отрывали от него глаз. Орион Мирный подумал, что более зверские рожи можно было сыскать разве что в Слоутер-Сити. Но это были именно те кибертронцы, которые приведут к новой эпохе свободы.

- Кибертронцы! – воззвал Мегатрон. – Мой друг, Орион Мирный! Вместе мы поведем всех обитателей нашей планеты к новой эре восстановления былого величия!

- МЕГАТРОН! МЕГАТРОН! МЕГАТРОН! – зазвенели вопли.

Бывший гладиатор наклонился к Ориону Мирному, пока хор голосов наполнял пирамиду.

- Скоро они будут скандировать и твое имя – пообещал он.

- Пока придерживаются этой идеологии. Они могут скандировать все, что захотят.

Мегатрон засмеялся.

- Для нашего движения нужно название, - сказал он.- Что-нибудь в духе других великих движений в кибертронской истории...

Орион Мирный действительно думал об этом еще давно, с тех самых пор, когда он воспринял всерьез идею, что может как-то повлиять на будущее Кибертрона. В архивах Иакона было полным-полно информации о давно исчезнувших и забытых движениях, названия которых были связаны с убеждениями их лидеров, - одним словом, квинтэссенция философских систем...

- Автоботы - произнес Орион Мирный. – Потому что мы стремимся к автономии и в ней видим основное право каждого живого существа.

- Интересно. А я тут тоже подобрал одно имя... - начал Мегатрон. Казалось, он хочет что-то добавить к сказанному, но в этот момент подошел Шоквейв и тихо произнес несколько слов. Орион Мирный не смог расслышать.

- Ага, - сказал Мегатрон. – Пойдем со мной, библиотекарь. Кое-что случилось. Ты захочешь на это посмотреть.

Глава 7

Позже из тщательного анализа разрушений в Сети следователи сумели выяснить, что серия скоординированных взрывов, прогремевших в «Шести лазерах», на Юрайе⁴⁵, Полигексе⁴⁶, Станиксе⁴⁷, Бластер-Сити и на некоторых территориях Соник-Каньонов, произошла меньше, чем за цикл.

- Совершенно очевидно, что организатором взрывов является главарь преступной банды, подпольный гладиатор, называющий себя Мегатроном. – заявил верховный советник Галоген⁴⁸.

Он, как и остальные советники, наблюдали за ситуацией. Галоген был самым старшим членом Совета. Он заведовал делами в Бластер-Сити и в Пустошах. Больше орбитальных циклов, чем любой кибертронек мог припомнить, Галоген ратовал за то, чтобы присоединить плато Гидракс с прибыльным космопортом к своим владениям. Поэтому некоторые кибертронцы склонны были верить, будто, что он ни говорил, все одно сводится к попытке аннексии.

Оружейный завод в Бластер-Сити примыкал к стальному каньону. Его трубы и технические выходы располагались почти вровень с поверхностью. Как только сырье извлекли из каньона, его начали перерабатывать, а на освободившемся пространстве построили завод. Бомба была прикреплена к резервуару, который содержал плазменное топливо для дуговых горелок, что использовались в производстве чрезвычайно мощного оружия и боеприпасов. В тот момент, когда раздался взрыв, обсерватории на лунных базах зафиксировали вспышку, которая ослепила белым светом линзы телескопов, направленных в ту область Кибертрона.

С земли это выглядело так, как будто столб энергии вырвался из каньона и разросся до небес, принимая форму воронки, от которой палило жаром и светом. Обломки: маленькие, вроде фрагментов трубопровода, и огромные – целые градирни⁴⁹, которые до этого момента охлаждали небольшой термоядерный реактор, обрушились дождем в радиусе многих хиков на Пустоши и на головы несчастным кибертронцам, которые работали, строили планы или просто оказались не в том месте не в то время.

И в Бластер-Сити потеряли цену искры трансформеров. Потеряли смысл насущные проблемы. Никто не имел точного представления, сколько кибертронцев погибло, когда оружейный завод взлетел на воздух.

Впрочем, свидетели этой картины сознавали одно: войска Совета только что потеряли важный источник боеприпасов.

⁴⁵ Кибертронский город-государство. Самый крупный в землях Торус. Граничит с Иаконом.

⁴⁶ Поселение, которое расположено в северном полушарии Кибертрона. Там находится крепость Даркмаунт (Черная Вершина).

⁴⁷ Регион в юго-западной части Кибертрона.

⁴⁸ Halogen («галоген»). Галогенами называется группа химических элементов, таких, как фтор, хлор, бром или йод. Это неметаллы и сильные окислители по своим свойствам.

⁴⁹ Охладительная башня - <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%F0%E0%E4%E8%F0%ED%FF>; на Земле такие сооружения отличаются очень крупным размером.

Когда Мегатрон получил сообщение о взрывах, Орион Мирный как раз разговаривал с ним по защищенному каналу Сети. Орион провел тестирование, как работает аппаратура, бывшая в его распоряжении в Городском Архиве... А после этого Мегатрон поручил Саундвейву разработать дополнительный уровень защиты.

- Если когда-нибудь тебе понадобится что-то скрыть... или кого-то убрать, Саундвейв – этот тот бот, который расскажет тебе, как – объяснил Мегатрон.

- Буду иметь в виду, - ответил Орион Мирный.

А в следующее мгновение сообщения о бомбах начали наводнять эфир.

- Во имя Великой Искры! – вскричал Орион Мирный. – Что это?

Через видеосвязь он увидел, как Мегатрон отметил поступающие сообщения, а затем повернулся лицом к экрану.

- Орион! – обратился Мегатрон. – Для меня настал момент высказаться. Кибертронцы должны узнать, что не так будет действовать наше движение. И должны узнать немедленно. Ты в Иаконе, верно?

Орион Мирный кивнул.

- Мне нужно открыть канал, который нельзя отрубить. И чтобы передача пошла по всем классовым приемникам вплоть до канцелярии Совета. Сможешь устроить?

Мегатрон не окончил фразу, а Орион Мирный уже прикидывал нужные параметры. По закону такая задача была в компетенции одного из классов программистов, а не класса служащих, к которому принадлежал Орион. Однако Орион Мирный достиг полного понимания справедливости, и его поступки знаменовали то, что он живет вне классовой системы.

- Готово, - произнес Орион Мирный и кинул Мегатрону ссылку.

А затем он стал наблюдать, как впервые Мегатрон выходит из тени и является на общественное обозрение на Кибертроне.

- Я не имею никакого отношения к этим взрывам. Но не отрицаю возможности того, что боты, устроившие их, были в какой-то степени вдохновлены моими суждениями о том, что каждый кибертронец имеет право на самоопределение. – Мегатрон обвел могучей рукой толпу, как бы выделяя дугообразным жестом срез представителей разных классов. - Я скорблю о погибших. Но сколько среди тех, кто умер, было трансформеров, которые получали удовольствие, наблюдая, как я сражаюсь насмерть в гладиаторских боях под Каоном? А сколько других кибертронцев погибло ради их удовольствия? И теперь те кибертронцы, которые рискуют жизнями вам в угоду, требуют, чтобы вы предоставили им право распоряжаться собой! Ни один кибертронец не вправе указывать другому кибертронцу, что можно, а что нельзя!

Стало очевидно, что у Мегатрона под контролем была гораздо более крупная сеть, чем Орион представлял. Случившееся было для него неожиданностью. Неужели Мегатрон срежиссировал целое представление, потому что Орион Мирный был в Каоне, на родной территории Мегатрона, чтобы свидетельствовать об этом изнутри?

- Я – Мегатрон. Я веду тех, кто избрал последовать за мной. И я отрекаюсь от тех, кто во имя меня творит ужасные деяния. Я сражаюсь не бомбами, а логикой. Я верю не в убийства, а в противоборство идей. Дадим виновникам этих взрывов почувствовать всю мощь кибертронского правосудия! – Мегатрон приблизился к камере, его лицо заполнило экран, а выражение стало холодным и грозным. – Если я обнаружу их первым, мое правосудие будет быстрым и более безоговорочным.

— — — —

Как утверждали некоторые весьма благочестивые и консервативные кибертронцы, Соник-Каньоны – это уши Праймаса, средство отслеживания событий во вселенной, в которой обитают его порождения. А также в этих каньонах, по слухам, располагался великий суперкомпьютер Вектор Сигма. Хотя минуло много орбитальных циклов с того времени, когда кто-либо из кибертронцев непосредственно взаимодействовал с ним. Большинство не знало наверняка, функционирует ли еще Вектор Сигма, или даже существовал ли он вообще.

Череда взрывов произвела прорыв далеко у северо-западной оконечности Каньонов, там, где согласно легенде когда-то находился древний вход к интерфейсу Вектора Сигмы. Изначально все могли только гадать: это было попыткой завалить камнями достославный компьютер или проникнуть в недра каньонов, за их металлические стены?

Другими словами, кто-то пытался уничтожить Вектор Сигма или же получить доступ к нему? Или, может быть, в Соник-Каньонах скрыто нечто-то такое, добраться к чему можно было с помощью бомб? Даже те, кто знал, что на самом деле Вектор Сигма расположен в подземном укрытии под Иаконом, слушал теории заговора с интересом.

По Сети мелькало гневное квохтанье высших классов. Неужели не осталось ничего святого? Что этим подонкам взбрело в голову? А в дальнейшем они нанесут удар по самим основам общества – по тому, что сделало Кибертрон Кибертроном?

- Мегатрон. – слышались мнения. – Без сомнения, за этим стоял он. Мы наслушались о нем достаточно, чтобы понять это.

- Совет должен что-то сделать. Этот Мегатрон должен сидеть в тюрьме. В противном случае в следующий раз он взорвет какой-нибудь музей или Городской Архив – продолжали анонимы.

- Его нужно арестовать! – гудела Сеть.

- Или, может быть, для нас всех будет лучше, если Мегатрон умрет...

— — — —

Орион Мирный не мог оставаться безучастным. Он взломал канал СМИ с помощью приоритетного кода из Городского Архива.

- Это Орион Мирный - представился трансформер. – Я добытчик данных в Городском Архиве, работаю под началом Альфа Триона. Я здесь, чтобы засвидетельствовать, что Мегатрон не несет никакой ответственности за то, что произошло.

Каналы передач вокруг него едва не обрушились в потоке сигналов обратной связи. В этот момент прекратилось существование Ориона Мирного как служащего архива и началось его существование в качестве преступника/террориста/революционера/сумасшедшего. То, что Орион успел запечатлеть по ответной реакции в каналах – до того, как дал команду Сети изолироваться и переключить фокус на регулируемый канал коммуникации Совета, – повергло его в шок.

В тот момент, когда он высказывался в поддержку Мегатрона, он мог с таким же успехом оказаться на его месте. В глазах кибертронской общественности Орион Мирный и Мегатрон сейчас были со-лидерами движения, которое устраивало чудовищные взрывы по всей планете.

- Нет! – воскликнул Орион Мирный. – Я знаю Мегатрона. Он этого не делал. А я тем более. Вы все должны выслушать. Вы должны понять!..

Но в глубине искры Орион услышал слова Мегатрона: *«Они никогда не поймут, так как это их не заботит. Пока их положение лучше нашего, к пониманию они стремятся в последнюю очередь»*.

Орион Мирный надеялся, что это не окажется правдой.

Шоквейв, Саундвейв и другие лейтенанты Мегатрона, стоящие вокруг него, наблюдали. Посторонний взгляд мог бы отметить, что они довольно прохладно встретили чужака, осмелившегося взять на себя столь активную роль. Орион Мирный также заметил такое к себе отношение. Был ли способ разрешить эту ситуацию, изменить это отношение? Орион Мирный полагал, что лучшее, что он мог делать, - это доказывать себе самому, на что он способен. Он не гонялся за расположением Мегатроновых прислужников. Он хотел достичь уважения. Его интересовало получение хорошего мнения о себе в глазах лишь тех, кто заслуживал хорошего мнения в его глазах и тех, кто верил в правое дело.

Излюбленный аттракцион с горками в парке «Шесть лазеров над Кибертроном» назывался «Плазменный вираж». Столбы, на которых он держался, представляли собой сложную конструкцию из балок, по которым на магнитных рельсах носились вагонетки. Скорость и гравитационная сила были таковы, что вызывали у посетителей аттракциона головокружение и жажду снова прокатиться. Этим балкам была 71 штука. Они занимали значительную площадь поверхности и были надежно укреплены приварными болтами.

Когда Орион Мирный создал канал для первого обращения Мегатрона к кибертронской общественности, через Сеть на гигантский экран в помещении внутри пирамиды поступило сообщение о другом взрыве.

Тридцать шесть миниконов, чьи полированные тельца блестели в яркой подсветке знаков и логотипов на вагонетках, рассеялись под основаниями балок. Они построились концентрическими кругами: один - вокруг внешних балок, второй, поплотнее, - близко к центру трассы «Плазменного виража». Над ними по треку с ревом и визгом проносилась очередная

вереница вагонеток. Стоящие в очереди кибертронцы заметили миниконов, но не обратили внимания. Они все думали только о том, как бы поскорее попасть на аттракцион.

И вдруг 36 миниконов взорвались 36 атомными бомбами. Огромная стальная конструкция «Плазменного виража» потонула в слепящей вспышке высвободившейся энергии и поглотила кибертронцев. Все, кто оказался поблизости, кто оказался на пути смертоносной электромагнитной волны, - погибли, как если бы они сами принесли с собой бомбы.

Это случилось как раз, когда Мегатрон окончил речь. И Орион Мирный понял, что никто не станет его слушать.

Истина не имела значения.

«И все же... - подумал Орион Мирный. – Для меня она имеет значение. Я буду драться за нее. Пускай даже в одиночку, но я заставлю их посмотреть правде в глаза».

- Я должен вернуться в Иакон, - сказал Орион Мирный.

Мегатрон сжал его плечо:

- Не держи зла, брат. То, что случилось, произошло по воле Праймаса. Иначе и быть не могло. Ведь все мы – слабые создания нашего Творца, разве нет?

- Мы обладаем собственной волей, - откликнулся Орион Мирный. – Код Праймаса – это то, что ведет нас к знанию, когда мы должны или не должны подвергать ее испытанию.

Два кибертронца стояли лицом к лицу.

- Мы же друзья, - напомнил Мегатрон. – Вместе мы совершим великие дела. Нужно просто отдавать себе отчет, что хоть мы и дали ход событиям, это не значит, что они будут разворачиваться в соответствии с нашими планами. И это тоже своего рода проявление свободной воли, разве не так?

- Так – нехотя согласился Орион. Он чувствовал, что бессилён опровергнуть слова Мегатрона, поднаторевшего в спорах.

У того был огромный ораторский талант. Мегатрон – чемпион арены – заводил толпу еще с начала своей карьеры. Орион Мирный – совсем другое дело: он был простым служащим и не имел нужды ни в чем подобном. Орион Мирный решил в дальнейшем обратить на это особое внимание и поучиться ораторскому искусству. Мегатрону не стоило все время позволять говорить за Ориона или высказывать его идеи относительно движения, которое они возглавляли совместно.

Центр поселения Полигекс возник на месте крыла древней крепости Даркмаунт. Струя магмы извергалась здесь из недр Кибертрона, образуя то, что местные называли Верхней Заводью, во впадине, возле которой была построена большая часть Даркмаунта. Когда-то крепость была защищена естественной плавильней от примитивных жизненных форм, возникающих попутно с зарождением жизни кибертронцев. Те деформированные механизмы с

угасающими искрами кучковались возле Нижней Заводи, наполненной расплавленной огненной массой, пока не погибали и фрагменты их искр не возвращались в Колодец. К настоящему времени укрепления Даркмаунта представляли собой руины, хотя территория вокруг Верхней Заводи была обитаема. А Нижняя Заводь представляла интерес для небольшого поселения ремесленников-фабрикантов. Они пользовались неисчерпаемыми ресурсами тепла для изготовления своих работ, и те в свою очередь служили украшением в жилищах высших классов.

Вдалеке от заводов расплавленной магмы, на противоположной от Даркмаунта стороне долины, построили себе жилища некоторые из наиболее рискованных представителей высших классов. Это были любители искусства, энтузиасты, тусовщики, которые притягивали к себе восторги других тусовщиков тем, что жили в отдаленных районах и с дикой скоростью носились в трансформе с вечеринки на вечеринку по большим городам Кибертрона.

Между ними и крепостью заметно возвышался над долиной город Полигекс. Бомбой, которая там рванула, были разрушены скалы. Будто в замедленном кадре они обрушились водопадом обломков в Нижнюю Заводь, увлекая с собой ряд экстравагантных домов. Жертв оказалось мало, но все из известных классов. Среди них был знаменитый художник Хроматрон⁵⁰. Смерть застигла его в процессе создания проекционной модели Мегатрона, чье лицо он впервые увидел в передаче по Сети за день до этого.

Мегатрон смотрел, как Орион Мирный уходит.

- Брат... - произнес он, зная, что Орион может не услышать. – Пойми, я не хотел этого. Мир выглядит иначе со дна ямы, не так, каким он кажется среди стеллажей Городского Архива.

Шоквейв и Саундвейв молча стояли позади Мегатрона, пока огромная дверь в пирамиду с грохотом не захлопнулась за Орионом Мирным. Затем Саундвейв спросил:

- Мне последовать за ним?

На Станиксе находился один из радиальных узлов обширной конструкции данных, которую кибертронцы спустя гигациклы⁵¹ называли Сетью. Получая данные с центральных серверов и банков данных Городского Архива Иакона, каждый узел служил для резервного копирования и в качестве точки распространения коммуникаций, которые не нужно было санкционировать или направлять через центральные процессоры.

Сам узел располагался внутри зубчатого кряжа на восточной окраине города Станикса. Выше него находится неприступный форт Скайк – тренировочный центр для войск Совета, а также местных подразделений сил гражданской обороны. Именно в Скайке первые генералы ополчения разработали идею разделения на классы.

⁵⁰ Chromatron – это имя, похоже, образовано сочетанием слов Chroma («глубина цвета») и tron (популярное окончание имен в трансформерской вселенной). Такое имя говорит о том, что его носитель обладал немалыми художественными способностями. Но этот персонаж упоминается только на страницах данной книги.

⁵¹ Единица измерения времени. Соотношение с земным временем неизвестно. Возможно, в 1 гигацикле 10⁹ циклов, а значит примерно 190 тыс. земных лет.

И именно в Скайке бомба разрушила штаб-квартиру, где находился действующий судья войска. Его звали Гоунтлет⁵². Он гордился историей этого места, а также историей сил ополчения в Станиксе. Он верил в классовую систему и не представлял жизни вне класса военных, в который был направлен в момент своего появления на свет через Колодец Великой Искры.

Гоунтлет распорядился засекретить сообщения из Иакона относительно личности этого Мегатрона. Он был в глазах Гоунтлета одним из представителей низших классов – мятежников, ищущих, как бы подорвать систему, которая служит Кибертрону с незапамятных времен. Судья ждал, когда Совет придет к такому же выводу и предпримет активные действия против этой криминальной клоаки, заполонившей Каон и Пустоши.

Он надеялся принять участие в этих действиях. Особенно сожалел Гоунтлет о том, что за всю свою жизнь ему пока не удалось увидеть крупномасштабных боев.

Бомба, которую принес неизвестный миникон, взорвалась прямо под трибуной на плаце Поле Роу, на северо-западном углу форта Скайк. Взрыв был такой силы, что разнесло весь угол форта. Электромагнитные импульсы вызвали каскадные аварии в сетевом узле, расположенном внутри кряжа.

Сто восемьдесят три кибертронца были убиты взрывом, завалены обломками или погибли от ЭМИ, повредившей их системы. Среди погибших был Гоунтлет.

Альфа Трион видел, как распускались огненные цветы на лике Кибертрона. Он был на грани отчаяния. Архивариус видел это раньше. Ведь он участвовал в войне за Кибертрон, в войне, на которой брат шел против брата, которая угрожала устройству планеты и всей вселенной.

А теперь, похоже, еще одна подобная война подступила к порогу.

На экране шла передача из Юрайи, показывали очередное повторение того, что Альфа Трион уже видел по всей планете. Обломки, разбросанные и искалеченные тела. За кадром анонимный голос брал на себя ответственность за взрывы:

- ОТ ИМЕНИ НИЗШИХ КЛАССОВ. ЗАБЫТЫХ. УГНЕТАЕМЫХ. НЫНЕ МЫ НАСТУПАЕМ НА ВАС!

Орион Мирный промчался через Пустоши, в его сердце пьянящее возбуждение боролось с предчувствием, которое он не мог отбросить.

Хоть мы и дали ход событиям, это не значит, что они будут разворачиваться в соответствии с нашими планами.

Так что же Мегатрон планировал?

Орион Мирный убеждал себя не думать об этом. Мегатрон знает, как достичь своей цели. Орион Мирный знал другой путь. Вдвоем они могли бы совершить великие дела. Сегодня произошла оплошность, ошибка. Неизбежная? Орион старался не задумываться. Однако

⁵² Gauntlet (англ.) – рукавица. Но также этим словом называется прогон сквозь строй (вид наказания). Видимо, суровый бот был...

следовало учесть, что Мегатрон был прав в одном: случившееся на Кибертроне говорило о появлении нового радикального движения, и мятежники выступали против давно сложившейся классовой системы.

Многие кибертронцы в первый раз с момента, когда они очнулись у Колодца Великой Искры, поняли, что они могли жить не так, как всегда жили.

Орион Мирный прибыл в Иакон, на ходу трансформировался, ворвался на улицу и побежал, не сворачивая, к Городскому Архиву. Альфа Трион ожидал его у дверей в помещение комплексного поиска данных.

- Мне нужен совет!

Альфа Трион кивнул:

- Тебе нужно не только это.

Они прошли внутрь.

Глава 8

- Это будет означать войну – сказал Альфа Трион.

Орион Мирный молча кивнул. Он осознавал это.

Альфа Трион поводит Пером по своему рабочему столу, как он делал, когда собирался сказать что-то печалившее его:

- И у тебя нет иного выхода, кроме как оказаться в центре происходящего...

Размышляя о событиях, Орион Мирный находил, что это невероятно. Он простой служащий. Ему никогда не приходилось драться, за исключением нескольких несерьезных тренировок с Джазом, когда он еще не знал лично Мегатрона. Какой толк от Ориона будет на войне?

Неужели и правда война была единственно возможным результатом в цепи событий, которые начались с этих взрывов?

Подумав хорошенько, Орион Мирный понял, что цепь событий начала происходить значительно раньше. Можно сказать, что это началось с того момента, когда он впервые вступил в контакт с Мегатроном. Но, возможно, если не Орион Мирный, так кто-то другой сделал бы это. А, может быть, развитие событий стало неизбежным с того момента, как Мегатрон присвоил себе имя.

Хотя зачем на этом останавливаться? Если уж на то пошло, выбор Мегатрона мог быть предопределен из-за существования и поступков Падшего, еще во времена Праймов. А что в свою очередь предопределило роковое убийство, разрушившее Тринадцать? Насколько далеко придется заглянуть в поисках причин и следствий, прежде чем станет понятно, что некоторые вещи имеют непостижимые причины?

- Трудно смириться с мыслью, что у тебя необычная роль в этой истории? – спросил Альфа Трион.

- Да, - согласился Орион.

- Мегатрон, может быть, тоже не обрел той роли, на которую рассчитывал... - продолжил архивариус. – Какое впечатление он на тебя произвел?

- Почему вы спрашиваете меня? Вам виднее.

- Я с ним лично не знаком. Давай же не будем делать вид, будто ваша встреча не состоялась.

Орион Мирный опешил. У него не было мысли обмануть Альфа Триона, но он также не склонен был распространяться о своем знакомстве с Мегатроном.

- Что ж, - сказал Орион. – Нет смысла притворяться. И я не жалею о том, что встретился с ним.

- Тогда я повторю свой вопрос. Что ты думаешь о нем?

Орион Мирный вздохнул:

- Это лидер, и у него много последователей. Больше, чем может показаться, я считаю. Он верит в то, во что также верю я. Он искрой радуется о благе кибертронцев. Вот такое впечатление сложилось у меня о Мегатроне.

Орион помолчал. Он ожидал ответа, но слышал только тишину. Тогда он осмелился спросить:

- А что думаете вы?

- Вот, что я думаю об этом Мегатроне... – Альфа Трион мановением руки открыл огромную книгу, лежащую на его столе, но тотчас закрыл ее, не посмотрев на страницу. – Он верит в то, во что избрал верить. Не сомневайся. Над чем тебе следует поразмыслить, так это над одним вопросом: не подорвут ли в итоге методы Мегатрона его идеалы?

Некоторое время Орион Мирный хранил молчание. Альфа Трион не мешал ему размышлять. В конце концов архивариус спросил:

- К какому ты пришел выводу?

- Я думаю, - произнес Орион Мирный. – Во что бы Мегатрон ни верил, я должен быть рядом, чтобы препятствовать его методам.

- Как ты считаешь, это он приказал взорвать бомбы?

- Нет! – Орион Мирный покачал головой.

- Почему?

- Хотел бы я найти более убедительные аргументы... Но мое заключение сводится к следующему: если бы Мегатрон приказал нечто подобное, он постарался бы донести до каждого кибертрона известие, что это его рук дело.

Альфа Трион кивнул:

- Да. Если Мегатрон провалится, то не из-за своих идей, а из-за своего самомнения.

- А разве бесхарактерная личность будет к чему-то стремиться? – спросил Орион Мирный.

- Знай, Орион, - произнес архивариус. – Во времена войны заметно открывается истинная натура сражающихся. Но, возможно, ты никогда не узнаешь правду о...

-... Мегатроне. Ага! – вырвалось у Ориона Мирного.

Альфа Трион строго глядел на него, пока Орион не ощутил острое раскаяние за свое несвоевременное восклицание. Когда архивариус вновь заговорил, его тон был суров:

- Только глупец перебивает старших. Война на пороге. Если она начнется, в ней тебе придется узнать и свою истинную натуру.

Орион Мирный вышел после аудиенции у Альфа Триона и вдруг – какая неожиданность! – увидел Шоквейва, ожидающего его в зоне общественного пользования Городского Архива.

- Библиотекарь! – сказал механохирург. – Не окажете ли вы честь сопровождать меня на экскурсии? Я плохо знаю Иакон. Обычно я провожу время в менее приятных обстоятельствах.

Ориону Мирному не нужно было прилагать усилия, чтобы понять, что за этим скрывалось.

- Что бы вы хотели посмотреть в Иаконе?

Когда они отправились к главному входу, Шоквейв указал Ориону на локацию, отображающуюся на маленьком экране, выдвигающемся из запястья трансформера.

- Кажется, я знаю, где это... - сказал Орион Мирный.

Обсерватория Иакона была оборудована лучшими средствами астрономического наблюдения наземного базирования на планете Кибертрон. Она была одним из любимых мест Ориона Мирного, и он отправлялся туда всякий раз, когда выпадала возможность, чтобы не забывать о судьбе, которая ждала смелых кибертронцев, - тех, кто осмелился покинуть пределы своей планеты и путешествовать к звездам. И тут, в обсерватории, куда он привел Шоквейва, в тени от большого солнечного телескопа он заметил Мегатрона.

Орион Мирный нервничал и был немного сердит.

- Ситуация выходит из-под контроля – заявил он.

- То, что должно было случиться, относится не к тому виду ситуаций, что поддаются контролю – заметил Мегатрон. – Мы должны сознавать это. Далеко не все кибертронцы собираются вечно сидеть сложа руки и болтать. Некоторые намереваются действовать.

Что-то в тоне голоса друга встревожило Ориона. Он старался говорить неспешно, опасаясь, что стоящий рядом Шоквейв поймет его превратно:

- Ты хочешь сказать, что знал об этих взрывах?

Мегатрон в свою очередь старался аккуратно подобрать слова:

- Мне приходилось слышать о том, что нечто должно случиться.

Орион Мирный был потрясен. В этот момент он осознал, что между ним и Мегатроном гораздо меньше точек соприкосновения, чем он раньше считал. У них общие цели – это бесспорно. Но становилось очевидным то, что у них разные методы. Возможно, они никогда не найдут общий язык.

- А я еще защищал тебя! – возмутился Орион Мирный.

- Послушай, брат! – сказал Мегатрон. – Я знал, что это случится. Да. Я не пытался этому помешать. Почему? Потому что не имел возможности. Я не контролировал ситуацию. За что же мы сражаемся, как не за идею об отсутствии контроля над жизнями наших собратьев-кибертронцев? Я не хочу, чтобы они совершали теракты. Не желаю, чтобы гасли искры невинных.

Но вот жестокая правда. - Мегатрон повернулся и указал Ориону Мирному на экран на стене, где транслировали ужасные кадры с мест взрывов. – И эта правда вот в чем. Я могу дистанцироваться от них и тем самым внушить к себе больше доверия. Если эти преступники, кем бы они ни были, продолжают в том же духе, я на их фоне окажусь благоразумным и здравомыслящим. Это продвигает нас вперед, брат. Как ты не осознаешь этого?

Орион Мирный осознал. Но ему эта позиция казалась отвратительной.

- А хочешь узнать нечто такое, о чем ты, вероятно, никогда не догадывался? – спросил Мегатрон.

- Чувствую, ты все равно найдешь способ просветить меня – ответил Орион.

Мегатрон направился к выходу.

- Моя очередь побыть гидом – заявил он.

Несколько циклов спустя ошеломленный Орион Мирный оказался в первом ряду гладиаторской ямы в подземных недрах Иакона.

- А ты думал, только каонцы обожают этот спорт? Или только представители низших классов? – язвительно уколол его Мегатрон.

В яме два поскрипывающих кибертронца – явно уволенных с какого-то промышленного предприятия – давали отпор целой орде миниконов. Больше миниконов, чем Орион Мирный сумел сосчитать, уже валялись раздавленными и сломанными на полу ямы, которая, в отличие от каонских ям, была сделана из стального сплава. У того, что покрупнее, через спину и плечи шла надпись - имя Гидро⁵³. Он был подранен и истекал энергоном через десятки крошечных ран. Второй был в лучшей форме, пока они сражались спина к спине с помощью виброрезвий. Причем, клинки явно собрали с помойки. Орион Мирный отвернулся. Вот и снова появление Мегатрона способствовало тому, что он узнал о Кибертроне нечто такое, чего ему не надо было знать.

- Ты напрасно придираешься к моему классу из-за обиды за свой – произнес Орион Мирный. – Классовая система помогла мне не больше, чем тебе.

- И на этот раз, друг, ты ошибаешься, - ответил Мегатрон.

Один из гладиаторов упал, сраженный, когда миниконам удалось разрубить связки на его правой ноге. Орда навалилась на него в то время, как второй гладиатор, Гидро, сметал миниконов размашистыми искрящими ударами своего виброрезвия.

- Твой класс в безопасности. Вы наблюдаете. Вы перемещаете данные и помещаете их, куда вам прикажут. – Мегатрон постучал кулаком по своей груди. – А мой класс умирает! Мы погибаем во время промышленных аварий, когда раскаленные сплавы заливают нас, или когда происходит утечка энергии из трубопроводов, сжигающая наши процессоры, или когда жидкий азот разрушает наши конечности, или когда с крана срываются кубы килоединиц необработанной

⁵³ Персонаж упоминается только в «Исходе». Его имя наверняка связано с греческим корнем «гидро» (вода).

руды, превращая наши тела в металлолом! Мы умираем. А вы смотрите. Не сравнивай наши классы!

Мегатрон вернулся к просмотру поединка.

- Гидро! – взревел он, поднимая руку.

Другой здоровяк-гладиатор был мертв, но миниконы никак не могли уняться. Пока они сосредоточились на попытках растерзать его тело, Гидро истреблял их. Но вот на него бросилась едва ли не целая дюжина миниконов. Гидро прижался спиной к одной из стен ямы. Один из миниконов оказался у него под ногой, и гладиатор давил его, пока череп врага не треснул в дожде искр.

- ГИДРО! – в толпе набирал обороты хор голосов. – ГИДРО! ГИДРО! ГИДРО!

И, невероятно, но на другой стороне ямы Орион Мирный увидел кричащего и сотрясающего кулаками воздух Джаза.

Он был с двумя кибертронцами, которых Орион Мирный не знал. Один был черно-желтый, а второй по виду явно сикер⁵⁴ – его корпус был красный с серебром, а фигура отличалась угловатыми формами. Джаз здесь? Орион Мирный не мог поверить.

- Это твой друг? – кивнул Мегатрон, заметив, что Орион уставился в одну точку.

- Да. Его зовут Джаз.

- Никогда не знаешь, кого встретишь внизу в ямах. – заметил Мегатрон. Он засмеялся и похлопал Ориона Мирного по плечу. – Что ж, друг, одно из последствий свободы от классовых условностей – то, что ты получаешь возможность видеть мир, каков он есть. Порой это означает видеть вещи, которые ты бы не хотел видеть.

Толпа разразилась громоподобным воплем, когда Гидро одолел последнего миникона. Он вцепился во врага и порвал его на запчасти. После этого гладиатор отбросил то, что осталось от миникона, подальше, запрыгнул на верхушку барьера, отделяющего толпу от ямы, и стоял там, пытаясь удержать равновесие.

- ГИДРО! ГИДРО! ГИДРО! – скандировали зрители.

-Пожалуй, тут некоторая конкуренция, - произнес Мегатрон с усмешкой.

- Соревноваться с матерым каонским ветераном? – Орион Мирный разыграл святую простоту. – Конечно, это не для нас, слабаков. Бедным иаконцам остается только молиться, чтобы их миновал бич подземелий из Пустошей.

- Ого! Его чувство юмора возвращается! – Мегатрон казался довольным.

⁵⁴ Элитная группа трансформеров-летчиков. Они трансформируются в истребители и отличаются специфическим телосложением. Их лидера зовут Старскрим. Слово «seeker» означает «охотник», «искатель», но также «самонаводящийся снаряд». Интересно, что в книгах Дж. Ролинг о Гарри Поттере «сикером» называется ловец в игре в квиддич.

Транслируемые на стену голограммы, висевшие над ямой, показывали Гидро, собирающего дань восхищения своей аудиторией... Вдруг эти картинки исчезли, сменившись многообразной вереницей видов пожара и разрушений.

Толпа замолкла. А затем пополз смущенный шум голосов. Орион Мирный смотрел на голограммы. Взорвался завод. Группа кибертронцев бежала строем через перекресток, где-то за кадром выстрелила тяжелая энерго-пушка, и четверых из них скосило огнем. Остальные побежали дальше.

- Это же Альтигекс⁵⁵! – воскликнул кто-то рядом с Орионом.

- Но что случилось?

По одному из экранов Орион Мирный мог наблюдать, что войска Альтигекса отреагировали. Тщательно подготовленные бои гремели в городе. Другие камеры беспорядочно транслировали из Сети на доступные участки стен, и все заплотонили различные картины новостей. Устроившись на возвышении у края арены, Гидро наблюдал сначала с раздражением, но потом выражение его лица сменилось шоком.

- Тебе не кажется, что это гражданская война? – спросил Мегатрон.

Орион Мирный бросил на него яростный взгляд:

- Ты как будто бы рад этому!..

- О нет! Я буду оплакивать погибших, как и любой кибертронец. – Мегатрон указал на один из экранов, где силы гражданской обороны открыли массированный огонь по паре кибертронцев. Их тела исчезли во вспышке ионного разряда, когда батареи их оружия взорвались в воздухе, как видимое явление невидимого исчезновения энергона. – Вот эти двое. Я оплакиваю их. А тебя просто повергла в шок их смерть. В этом мы с тобой отличаемся, Орион.

Орион Мирный понял, что это было правдой. Он видел картины разрушений, но они не были связаны с тем, что он чувствовал... потому что, как служащий, он был все еще и за и против свободной воли. Орион размышлял, потому что наконец-то получил возможность размышлять над этим. Но ему еще никогда не приходилось переживать что-то на собственной шкуре.

- К чему же мы идем, Мегатрон? – спросил он, видя, как Альтигекс охватывает пожар.

- К тому месту, которое всегда было нашей целью, мой друг, - ответил гладиатор. – Власть никогда не дается просто так. Ее нужно взять. И мы свое возьмем!

Мегатрон пошел к двери. Инстинктивно Орион Мирный пошел следом.

- Пора нам присоединиться к ним – сказал Мегатрон.

- Присоединиться к сражающимся? Почему?

⁵⁵ Город на Кибертроне. Там располагается большая часть кибертронских научно-исследовательских центров по изучению космоса.

- Да нет, не к сражающимся. Пока нет... - Мегатрон остановился подождать, пока Орион Мирный нагонит его. – Но мы должны отправиться в Альтигекс, так как этот город был последним известным местом нахождения Матрицы Лидерства.

Глава 9

Все, что Арморхайд⁵⁶ хотел делать, это смешить окружающих. Он происходит из класса артистов, и, следовательно, ему позволялись некоторые вольности в социальном плане, совершенно недопустимые для большинства классов. Направлением своего искусства он выбрал комедию, а публику нашел в Альтигексе, а именно в Большом Зале Альтигекского казино. Оно представляло собой орбитальную станцию, подвешенную в заданном положении и видимую из Иакона и других крупных северных городов. Казино Альтигекса было убежищем для тех, кто бежал от условностей. Здесь собирались артисты, социально недовольные, те, кто предпочитал наблюдать устройство общества со стороны. Это была аудитория Арморхайда, и дело его жизни состояло в том, чтобы дать им на мгновение забыть о рутине классовых обязанностей и изоляции на планете, заброшенной в космическом пространстве, отрезанной от других кибертронских колоний с момента разрушения космических мостов так много циклов тому назад...

Он рассказывал шутку про космические мосты – тщательно продуманный анекдот на тему буйной фантазии у сборщиков оплаты за проезд. Анекдот был неудачный и пошел плохо. Тогда артист начал импровизировать, чтобы поскорее закруглиться. Публика смеялась, потому что это была его публика. Он выступал для них в Альтигекском Большой Зале множество раз. Едва ли они прервали бы его из-за провальной шутки.

Но все-таки он переживал, ведь сегодня был вечер всех вечеров: великий недоступный лидер Сентинел Прайм находился среди публики.

Сентинел Прайм!

Это был самый важный вечер в жизни Арморхайда, в его карьере. Но даже его старые номера, гарантировано вызывающие смех, не сработали. Народ, должно быть, знал, что здесь находится Сентинел Прайм, и тоже нервничал.

А затем случилось сразу 2 события.

Первое заключалось в том, что Сентинел Прайм – Хранитель классов, маршал кибертронской армии, лидер, которому по слухам сам Кибертрон пожаловал Матрицу Лидерства, – засмеялся. Причем, ни над чем иным, а над последней арморхайдовой неудачной шуткой.

А вторым событием оказался взрыв всей внешней стены станции, сопровождаемый громадным порывом воздуха, которому предшествовал звук, безошибочно определяемый, как звук детонации взрывного устройства.

Старскрим⁵⁷ инстинктивно трансформировался, когда в Большом Зале загремели взрывы, но тут же замер в процессе и вернулся в форму робота, успев оттолкнуть Сентинела Прайма с пути

⁵⁶ Имя *Armorhide*, пожалуй, тоже можно перевести как «Броневик». Популярное имя у трансформеров. Например, так звали десептикона в сериале «*Robots in Disguise*», миникона из «*Армады*» и автобота из серии игрушек по фильмам Бэя.

⁵⁷ *Starscream* – «звездный крик». Один из самых популярных персонажей в трансформерской вселенной. В Г1 его имя перевели как Скандалист.

рушившейся колонны. Искусственная гравитация станции с момента взрыва дестабилизировалась. Затем воздух начало вытягивать в космос, заодно утягивая и зрителей.

Через отверстие в стене появилось несколько кибертронцев, кое-кто из них еще не успел трансформироваться из режима техники. Один из них щелкнул по подключенному к стене устройству. Тотчас же по одному из динамиков, подключенному к главной аудиосистеме Зала, пошел звук.

- Мы – десептиконы! – раздался крик из динамиков. – Мы захватим Альтигекс во имя отказа от классов! Во имя свободного Кибертрона! Во имя Мегатрона!

«Захватить Альтигекс?» - удивился Старскрим. – «Значит, наземные войска тоже задействованы...».

Голос слабел, поскольку весь воздух улетучивался из Большого Зала. Старскрим наклонился и коснулся головы Сентинела Прайма.

- Лидер, - позвал он. – Нам следует...

Ракетный огонь и грохот энергетических взрывов оборвали его. Вторжение кибертронцев (некоторые из них по-прежнему недотрансформировались в режим робота из форм истребителей) через проломы во внешних стенах Альтигекса продолжалось.

- Я буду драться! – закричал Сентинел Прайм. Слова завибрировали в аудиодатчиках Старскрима внутри его головы. – Кто такие эти десептиконы? Как они посмели?! Кто такой Мегатрон?

Ионный разряд ударил в тело Сентинела Прайма, сбив его с ног и заставив прокатиться через ряд сидений. Старскрим открыл ответный огонь, сдерживая нападающих и прикрывая Сентинела Прайма, пока тот не поднялся на ноги. Лидер выглядел потрясенным и – Старскрим отметил это с удивлением – испуганным. Ими? Этим сбродом? С презрительной усмешкой Старскрим загнал выстрелом одного из нападавших обратно в дыру, через которую они пытались пролезть. Затем он последовал за Сентинелом Праймом в один из проходов, поддерживая порядок при отступлении, вместе с остальными зрителями, которых не покалечило и не убило во время нападения.

Он подтолкнул Сентинела Прайма вперед, но не отходил от него ни на шаг:

- Лидер, мы защитим вас! Сейчас вам не время драться.

И Сентинел Прайм согласился. Старскрим презирал его сейчас. Не только из-за того, что это пушечное мясо Мегатрона успешно провернуло свою операцию. Время Сентинела Прайма давно прошло. Он не осознавал это. Но Старскрим знал. Точно также это знал Мегатрон.

Это понимали и два его подчиненных – Скайварп⁵⁸ и Тандеркрекер⁵⁹, ожидающие в техническом коридоре, где атмосферное давление все еще было на максимальном уровне и сохранилась энергия. Старскрим выдвинул Сентинела Прайма вперед.

⁵⁸ Skywarp означает «деформация в небе». В Г1 его имя перевели Деформер.

⁵⁹ Thundercracker. В Г1 его звали Громовержец, так можно перевести и его имя в оригинале.

- Вот два моих надежных лейтенанта – объявил Старскрим. – Они будут защищать вас, пока мы не разберемся с этим бардаком.

Сентинел Прайм кивнул.

- Уходи, Старскрим, - сказал лидер. – Если сможешь найти помощь, сделай это. А если нет, то по крайней мере Расскажи всем правду о том, что произошло здесь сегодня.

Когда-то Сентинел Прайм был великим воином. Старскриму были известны предания. Но сейчас былой герой растерял свои силы, стал соучастником затормаживания и медленной гибели, гибели тысячи классов. Пришло время для нового лидерства, которое восстановит то, что было потеряно и забыто. Эта операция, взятие Альтигекса, была декларацией для Кибертрона и одновременно первым ощутимым признаком того, что десептиконы были чем-то большим, чем краснобайством и специфической позицией арены.

Скайварп и Тандеркрекер хорошо позаботятся о Сентинеле. В недрах Каона, где закончится его путь...

Далекое взрывы и вой сирены эхом звучали по всей тороидальной форме города Альтигекса. Он никогда не будет достаточно устойчивым, чтобы противостоять нападению десептиконов. Это было одной из причин, почему они выбрали именно это место и время для своего первого открытого акта революции. Старскрим добрался до покинутого Большого Зала, не встретив никакого сопротивления. Единственным, кто находился в Зале, был комик, чьи жалкие шутки, к счастью, прервали в момент нападения. Он носился взад и вперед по сцене и, потеряв самообладание, целился в случайные элементы конструкции. Завидев Старскрима, он вскинул на плечо ракетницу.

У Старскрима не было ни времени, ни желания драться. Он трансформировался и с ревом улетел прочь. Ракеты комика взорвались далеко позади. Старскрим спешил на встречу, далеко на самое дно, ему предстоял путь через всю планету в Пустоши. И если пожар в Альтигексе был каким-то знаком на пути к грядущему, он не хотел опоздать. Требовалась некоторая решимость, чтобы довести дело до конца... и у Старскрима были кое-какие планы относительно своей роли в этом движении. Мегатрон был не единственным трансформером, имеющим виды на то, каким мог бы быть Кибертрон.

С момента окончания обращения захватчиков в Большом Зале не было слышно ни звука. Лишь далекий вой сирен вибрировал через пол и ноги Арморхайда. Тот осторожно выглянул из-за стойки, на которой держались осветительные приборы. Вторжение? На Альтигекс? И оно началось здесь, во время его выступления?

Не смешно.

Каждый, кто бежал из Зала во вспышках отчаянного заградительного огня, который нападающие пытались подавить, - каждый совершенно игнорировал Арморхайда.

Тем более не смешно.

Это заняло всего несколько циклов. Захватчики подорвали одну из внутренних стен. Их цель, очевидно, состояла в том, чтобы дестабилизировать станцию. У Арморхайда, как и у

большинства постоянных обитателей и частых посетителей Альтигекса, матрица сенсоров была специально адаптирована к резким и сильным скачкам давления и температуры. К моменту, когда его сенсоры адаптировались, Арморхайд заметил, как разбегаются последние из его зрителей. Сентинел Прайм последним ушел через главный вход на станцию, сопровождаемый угрожающей фигурой охранника. Вот уж кто не посмеялся ни над одной из обычных шуток Арморхайда.

Нечто необычное произошло здесь. Даже более необычное, чем факт открытия отколовшейся ячейки кибертронцев-ренегатов, нападающих и убивающих других кибертронцев. Вся ситуация была явно спланирована, как будто нечто особенное привлекло нападавших в Альтигекс и в Большой Зал.

Арморхайд был простым комиком. Он и думать не хотел о политике. Но пришло время всем кибертронцам выбирать сторону.

Кому бы он рассказал о случившемся? С наружной стороны в станции через дыру не было видно никого вооруженного. Не все десептикины – или как они там себя называли? – были сикерами. Они могли трансформироваться и в какой-то другой вид техники.

Стараясь не терять бдительности – вдруг десептикины вернутся, Арморхайд направился к дыре и просунул голову в космическую пустоту. Слева от себя он увидел звезды и маленькие фрагменты станции, дрейфующие в пустоте. Внизу проглядывались явные признаки войны в землях Торус, центром которых был Альтигекс. Вспышки взрывов и инверсионные следы сикеров крестами пересекали небо над городом.

Справа Арморхайд увидел транспортное средство, способное перемещаться как по поверхности, так и взлетать до низкой орбиты, но рассчитанное на малую дальность полета. Оно было прикреплено к станции магнитами.

«Отлично!» - сказал Арморхайд про себя. Несмотря на то, что рядом не было никого, кто мог бы услышать, а даже если бы были, его все равно не услышали бы из-за вакуума, он все равно не произнес ничего вслух, опасаясь, как бы остальные кибертронцы не подумали бы, что он болтает сам с собой. Вот только...

«Залезай в корабль, идиот!» - подтолкнул он себя и так и сделал. Кому-то в Иаконе нужно услышать об этом. Если б еще суметь прорваться через хаос, который творится на поверхности в землях Торус...

Пустоши тянулись без конца и без края вокруг Мегатрона и Старскрима, которые впервые встретились лицом к лицу.

- Операция в Альтигексе прошла успешно – похвалил Мегатрон. – Ты отлично сыграл свою роль.

- Это было несложно. Я же защищал Сентинела Прайма какое-то время.

Старскриму хотелось, чтобы они могли увидеть Альтигекс из Пустошей, но ближайшими кибертронскими объектами для наблюдения были лунные базы и некоторые чудом

сохранившиеся сверкающие колонны космического моста. Никто не знал, как привести его в действие и вообще работает ли мост. Возможно, никто никогда этого не узнает...

Хотя именно это жаждал узнать Старскрим. Он хотел повести десептиконов снова в необъятные просторы вселенной... и возможность стать лидером десептиконов была первым шагом на пути к этой цели.

Конечно, на первом этапе следовало заключить союз с Мегатроном и проследить за тем, чтобы условия этого союза были наилучшими из возможных. Старскрим согласился с планом по устранению Сентинела Прайма, потому что его поставили перед необходимостью совершить сделку. Но окончательный характер этой сделки пока еще не был определен.

Мегатрон заметил, что Старскрим не сводит с неба глаз.

- Альтигекс – наш, - произнес бывший гладиатор. – Отныне каждый кибертронец знает, что десептиконы – это сила, с которой нельзя не считаться и что наши противники – слабы, дезорганизованы и не способны оказать сопротивление. Когда новая история Кибертрона будет написана, я – единственный, кто будет ее писать. Куда ты-то лезешь?

- Не стоит угрожать мне, Мегатрон. – откликнулся сикер. – Если хочешь войны, ты можешь ее развязать. А вот если хочешь победы в войне, то тебе не обойтись без меня и моих воинов. Совет будет в большом количестве разворачивать войска ВВС, а ты сейчас располагаешь кучкой гладиаторов, которые разбираются в воздушных боях не больше, чем в химическом составе звездобразования.

- Что ж, один – один – признал Мегатрон. – Хорошо. Я могу сейчас взять и уйти, а ты можешь сделать собственный выбор. Но предупреждаю: в следующий раз, когда мы увидимся, мы уже не так поговорим.

- Я отправлюсь на станцию «Триптикон», вот что – объявил Старскрим.

- «Триптикон»? Что тебе там делать?

- Ты и понятия не имеешь, не так ли? – Старскрим был в восторге. Пока он знал нечто, чего Мегатрон не знал, у него было наиболее выгодное положение. И самое главное – это кратчайший путь к тому, чтобы самому стать лидером десептиконов. – Защищать станцию! – заявил сикер. – На «Триптиконе» находится много чего опасного для Кибертрона, если это попадет не в те руки...

Мегатрон дернулся, как если бы собирался броситься на сикера. Часть его вооружения мигала. Но он медлил.

- Я спрошу тебя прямо, - произнес он, взяв себя в руки. – Старскрим, ты с нами?

- Я не против вас, Мегатрон. – отозвался сикер. – Добавить мне нечего. Совет, возможно, еще послушает...

- А, уклоняешься от решения. Это хороший способ потерять все при любом раскладе. Вот Верховный Совет и представить не мог, что гладиатор низшего класса может иметь какие-либо амбиции, выходящие за пределы планов на очередную битву. – Мегатрон презрительно улыбнулся.

- Все точишь на них зуб? – Старскрим покачал головой. – Мегатрон, если собираешься драться, ты должен делать это на ясную голову! Большинство кибертронцев - даже те, кто не согласны с тобой – не волнуются по поводу классовой системы. Ты пойдешь против них, потому что они не разделяют твоей навязчивой идеи?

- Я пойду против всей вселенной, если четко будет проведена черта – произнес Мегатрон.
– Берегись, Старскрим, чтобы тебе не оказаться на противоположной стороне.

Он перекувыркнулся в воздухе, совершая трансформацию в одновременном воздушном маневре, и с ревом улетел прочь. Старскрим посмотрел ему вслед. А затем он написал сообщение всем сикерам, которым мог доверять: *«Встречаемся на “Триптиконе” немедленно»*.

Мегатрон ломал голову, читая перехваченное сообщение. «Триптикон»? Эта полуживая куча мусора? Что там может быть настолько ценного, что Старскрим предпочел сидеть на нем, нежели принять участие в войне за Кибертрон?

Надо было это выяснить.

И для этого, подумал Мегатрон, ему понадобится библиотекарь.

Глава 10

После нападений, когда потери были подсчитаны, и Сеть гудела, возмущенная общественным резонансом и домыслами, Орион Мирный пришел за советом к Альфа Триону.

- Сентинел Прайм был на Альтигексе, - Ориону Мирному было тяжело говорить.

- Много времени прошло с тех пор, когда присутствие Сентинела Прайма где бы то ни было имело значение.

Перо скользнуло за грань обзора, когда Альфа Трион в раздумьях крутил им в пальцах, подобно метроному. Орион Мирный подумал, что вот и снова архивариус поражает его своим отсутствием... Чего же? Сопереживания? Нет. Орион Мирный не сочувствовал всем институтам, которые разграничили кибертронское общество: классам, лидеру и так далее. Это было странно ждать эмоций от архивариуса, на чьих плечах был Городской Архив, и которому было вверено заботиться об истории цивилизации.

Орион Мирный списал все на стрессовые обстоятельства.

- Меня беспокоит, - начал Альфа Трион. – что Мегатрон, отведав, что представляет собой вооруженное восстание, войдет во вкус. Тебе известно, что все гладиаторские турниры на Пустошах, включая Каон, прикрыли? Теперь все воины жаждут присоединиться к этим десептиконам.

Он стоял и смотрел в окно из своего рабочего кабинета на роскошную панораму Иакона.

- Орион Мирный, он знал о взрывах? Ты видел, что Мегатрон отрицал это. Ты поддержал его при отречении от этих террористов.

Альфа Трион обернулся и посмотрел в глаза Ориону.

- А что тебе подсказывает интуиция? – спросил архивариус. – Захват Альтигекса был затеей отколовшейся ячейки бандитов? Или прикрытием для Мегатрона, наблюдающего с безопасного расстояния за событиями, которые он организовал?

Орион Мирный не знал ответа на этот вопрос. Он думал, что идеи Мегатрона соответствуют его идеям. И в то же время он знал характер Мегатрона, его вспыльчивость, крутость, агрессивность даже в остроумии. «Невозможно, - решил Орион Мирный, - чтобы Альфа Трион был прав, что Мегатрон действительно войдет во вкус разрушений и не найдет сил остановиться, предаваясь им». Возможно, Мегатрон всегда был на этом пути. Как иначе объяснить то, что он вступил на поприще гладиатора? А может быть это гладиаторские бои сделали его таким?

«Дело прошлое, - подумал Орион. – И бесполезное». Затем он осознал, что такие размышления совершенно не свойственны служащему Городского Архива. Орион Мирный не мог удержаться от улыбки.

- Я вижу выражение твоего лица, но не улавливаю, что тут смешного – отметил архивариус. – Но я задавал вопрос... Что скажешь?

- Только то, что я не знаю, и что моя улыбка означает скорее иронию, чем желание посмеяться – осторожно сказал Орион Мирный. – Я прошу прощения, что отвлекся.

- Ты знаешь этого Мегатрона лучше, чем кто-либо еще в Иаконе. Если бы ты консультировал Верховный Совет, что бы ты предложил? – спросил Альфа Трион.

- Если бы я что?.. – Орион Мирный смешался, не находя в себе сил представить идею, что он действительно мог бы давать советы верховным властям.

Но чем больше он задумывался об этом, тем больше чувствовал, что это реально. Он знал Мегатрона и мог сообщить некоторые полезные сведения о положении вещей. Но еще полезнее было бы...

- Архивариус! – почтительно обратился Орион Мирный. – Что если бы Мегатрон и я – мы оба – предстали бы перед Верховным Советом? Я взял бы на себя смелость быть посредником и объяснить свое видение ситуации, но и они должны выслушать жалобы непосредственно от него.

Альфа Трион обдумывал эту идею. Эскадра сикеров прочертила небо над башнями Иакона – очень не похоже на санкционированные деловые рейсы. Орион Мирный удивился: куда же они полетели и по чьему приказу?

- Что ж, – откликнулся Альфа Трион в конце концов.

– Вы свяжетесь с Советом и представите меня?

- Есть определенные часы для определенных классов, когда принимают жалобы для рассмотрения Советом.

- Гори они синим пламенем, эти часы! – воскликнул Орион. - Сейчас, когда Альтигекс в руинах и Сентинел Прайм пропал без вести, когда Мегатрон имеет шансы ввергнуть Кибертрон в гражданскую войну, вы хотите поговорить о классах?!

- Ты не так меня понял. У меня нет ни малейшего желания обсуждать классы. Я считал классы плохой идеей, еще когда они только учреждались – произнес Альфа Трион. – Но они существуют, и с этим нужно мириться. Особенно если кое-кто испрашивает аудиенцию, которая может серьезно отвлечь советников. Если ты станешь где-либо выступать с такой идеей, Орион, тебе следует хорошенько все обдумать, а не действовать напропалую.

На мгновение Орион Мирный осознал иронию. Мегатрон упрекал его в том, что он размышляет, а не переживает. Альфа Трион упрекает в противоположном. Орион мечтательно подумал о том, что, возможно, он ищет или уже нашел некую золотую середину.

- Назвался лампочуком – полезай в контейнер – сказал Орион Мирный. – Я буду признателен, если вы поговорите с Советом.

Альфа Трион вздохнул.

- Я сделаю это – пообещал он.

И после того, как Орион Мирный покинул кабинет Альфа Триона, одна фраза архивариуса крутилась в его сознании: *«Я считал классы плохой идеей, еще когда они только учреждались»*.

Насколько же стар Альфа Трион? Мог ли он быть?..

«Невозможно!» - решил Орион Мирный. – «Тринадцать мертвы. Если они вообще когда-либо существовали. Их нет давно, неизвестно сколько времени. Теперь нет никакого смысла цепляться за старые мифы!».

Орион Мирный договорился встретиться с Мегатроном. Не в Каоне, а на огромном неиспользуемом участке космопорта на плато Гидракс. Некогда космопорт был самым оживленным местом на Кибертроне, поскольку здесь стартовали корабли, отправляясь через космический мост, соединяющий планету с множеством миров, открытых кибертронскими исследователями. «Что за зрелище это, должно быть, было!» - подумал Орион Мирный. – «Всекие разные расы появляются и уходят. Органические и механические существа сходятся и обмениваются идеями, технологиями...». Но ныне здесь царила тишина. Подавляющее большинство взлетов и посадок было автоматизировано. Полумозговые корабли привозили сырье с Триптиконского пояса астероидов. Единственные пилотируемые космические рейсы на Гидракс и с плато шли сплошным потоком из судов снабжения, отправляемых к лунным базам. А еще случалось, - отправляли свежий экипаж для замены основного состава на станции «Триптикон».

Именно о ней захотел поговорить Мегатрон, как только они встретились в ангаре, где раньше находились полумозговые космические аппараты, теперь же он стоял пустой, с открытой настежь дверью и обрушившейся крышей. Сломанная техника и детали космических аппаратов, разбросанные тут и там, делали ангар похожим на гладиаторскую яму. Не хватало только оживленных и неистовых зрителей.

Их встреча проходила в напряженных условиях: трансформерам приходилось быть настороже из-за войск охраны, в духе которых вполне было сначала стрелять, а потом разбираться.

Раз уж Альфа Трион считал, что война неизбежна, Орион Мирный заключил, что рано или поздно кто-нибудь попытается захватить плато Гидракс и космопорт. Орион задавался вопросом: а что если Мегатрон уже разработал план захвата? Или, может быть, за него это планировал кто-то из бунтарского десептиконского движения?

- Библиотекарь, - обратился Мегатрон. – Мне нужно, чтобы ты кое-что разыскал для меня.

Но Орион Мирный не склонен был соглашаться на просьбы, памятуя, что из этого получилось в прошлый раз.

- Сначала нам нужно решить, что мы собираемся делать, Мегатрон – произнес он. - Ситуация на Альтигексе создает нам очень плохую репутацию. Сентинел Прайм пропал. Нападавшие, называющие себя десептиконами, утверждают, что действуют по твоим указаниям. Тяжело будет это объяснить.

- Так ты говоришь, что мы должны объясняться? – подвел итог Мегатрон.

- Верно.

- Ты сказал, что Альтигекс создает нам плохую репутацию. Нам? Кому нам?

- Ты и я связаны. Я высказывался в твою защиту. И теперь что бы ни случилось, ассоциируюсь с твоим именем или с этим термином «десептиконы»... который ассоциируется также и со мной. И мне не нравится это. Я не хотел, чтобы все так сложилось...

- Конечно-конечно, - поддержал Мегатрон. – Однако все именно так сложилось. Это сработало. Весь Кибертрон сейчас обсуждает классы и привилегии.

- Правда? Ты, должно быть, хочешь сказать - весь Кибертрон, кроме миллионов трансформеров на каждом канале Сети, чьи вопли страдания вызывают к тебе. Ты не в курсе этого?

- Я в курсе того, о чем следует волноваться, брат, - отозвался Мегатрон.

- Вот как предстанешь в кандалах перед судьей Верховного Совета, посмотрим, как ты запоешь!

- А кто меня туда отправит? Ты, брат? О, мне так не кажется... - произнес Мегатрон. - Можешь осуждать мои методы, но каждый цикл, который проходит без попыток с твоей стороны остановить меня, свидетельствует о том, что ты это одобряешь. Ты, как и я, хочешь довести дело до конца. Только ты не хочешь смотреть на то, что должно произойти, чтобы результат был достигнут.

Орион Мирный начал вскипать от возмущения. Он понимал, что Мегатрон проверяет его, смотрит, насколько сильно его можно поддеть, не разрушая их дружбы. Орион подумал, что они с Мегатроном верят в основном в одни и те же вещи. То, что он говорил Альфа Триону, было правдой. Важно было не допустить, чтобы подобные стычки стали помехой главному: Кибертрону, освобожденному от классов, населенному жителями, каждый из которых выбирает свой собственный путь с момента появления на свет в Колодце Великой Искры до момента, когда искра возвращается к своему Создателю.

- Ну, а ты все-таки рассчитываешь на меня, чтобы получить вещи, которые тебе не удаются так хорошо, - заявил Орион Мирный.

Мегатрон кивнул и хлопнул Ориона по плечу.

- Разумеется, я так и поступаю. И одна из таких вещей – самая насущная для нашего движения в настоящий момент – разузнать, что находится на станции «Триптикон» - на лице Мегатрона играла улыбка. Насмешливый комментарий Ориона Мирного уже был выкинут из памяти.

- Это связано со Старскримом? Он – сикерский офицер, таких, как он, немало. Почему ты думаешь, что ему известно что-то особенное?

- Не могу сказать, - произнес Мегатрон, покачив головой. - Лучше тебе не знать. Один из секретов успешного восстания заключается в разделенности.

Орион Мирный не знал, что сказать на это.

- Точно также как я не хочу знать, как тебе удалось добиться аудиенции у Верховного Совета, - неожиданно заявил Мегатрон. Увидев выражение лица Ориона Мирного, он добавил. – Да. Я знаю. Откуда? Ну, тебе не стоит спрашивать...

- Ты узнал это, потому что располагаешь миниконами Саундвейва, которые шмыгают по всему Кибертрону, выискивая сведения – произнес Орион Мирный. – Я не дурак, Мегатрон.

- Ага – подтвердил бывший гладиатор. – Не дурак. И не такой наивный бот, каким ты кажешься иногда. Я должен буду иметь это в виду...

Последние слова он произнес таким задумчивым тоном, что Ориону Мирному стало любопытно, о чем же Мегатрон размышляет в настоящий момент. Но Орион был не настолько дотошен, чтобы прямо задавать вопросы. К тому же это значило бы отвести разговор от чрезвычайно важной темы предстоящего выступления перед Верховным Советом. А оно – Орион Мирный был уверен – являлось их лучшим шансом остановить насилие, прежде чем оно усугубиться, и создать наилучшую платформу для реформ, которые они выдвигали.

- Мы можем появиться перед Верховным Советом в пять мегациклов, - сказал Орион Мирный.

Это также давало ему время на предварительный поиск в архивных записях того, что могло бы пролить свет на тайны станции «Триптикон». Если там были какие-то тайны... Ну и способ выбрал Старскрим, чтобы сыграть роль в этом восстании – или, возможно, подавить его, - чистое безумие! А что если они отправятся на «Триптикон» и вдруг обнаружат там пристанище сил противника, готовых взять бунтовщиков под стражу и судить их за измену?

- Итак, - произнес Мегатрон. – Мы должны предстать перед Советом и изложить наши аргументы. Я не хочу анархии, брат. Но заметь, что когда мы только разговаривали друг с другом вне Сети и вели себя послушно, ничего не менялось. Теперь, когда они не могут больше нас игнорировать, у нас будет аудиенция в большом конференц-зале в присутствии всего Совета. Видишь, какое дело?

- Это ты к тому, о чем уже говорил: присутствие террористов делает тебя более привлекательным, не так ли? – Орион Мирный вздохнул.

- О да. Это приносит результаты.

Орион Мирный подумал, что не может этого отрицать.

- Ну что ж, - сказал он. – Это будет утешением всем погибшим в Альтигексе и «Шести лазерах».

- Если их смерть значит, что мы получаем аудиенцию у Верховного Совета вместо тотальной гражданской войны, тогда в будущем мы будем знать, что это была оправданная жертва – произнес Мегатрон.

- Но они не выбирали пожертвовать собой, Мегатрон. Какое уж тут самоопределение? Слишком легко ты обрекаешь других на жертвы во имя своих целей.

Мегатрон размышлял какое-то время.

- Да, брат, - произнес он наконец. – Может и так. Вот одна из причин, почему я рад твоей дружбе. Ты заставляешь меня держать в уме те вещи, которые в противном случае мне слишком легко было бы позабыть.

Глава 11

Хрустальный Город⁶⁰ стоял уже терациклы⁶¹ и представлял собой памятник единения кибертронской изобретательности и эстетики. Он переливался и сиял, поскольку материалы, из которых он был построен, улавливали всевозможные спектры света, создавая зрелищные эффекты его преломления, видимые на много хиков вокруг. При определенных метеорологических условиях даже жители Иакона могли увидеть, как он мерцает, словно мираж, у самого горизонта. То был памятник одновременно успехам и аристократии Кибертрона. Последние требовали красоты наряду с функциональностью.

Научные достижения шли здесь рука об руку с художественными инновациями. Саундвейв ненавидел это место. Для него оно отдавало разнеженностью.

- Рамбл, Френзи⁶², на выход! – приказал Саундвейв.

Два миникона, которых он носил с собой, прыгнули на пол и стали ждать инструкций.

- Операция «Поиск Матрицы». Параметры – в соответствии с предыдущим инструктажем – продолжил Саундвейв. – Не позволяйте никому обнаружить вас. А если кто-то вас заметит, позаботьтесь, чтобы он никому уже не смог ничего рассказать.

Серия последовательных писков была ответом миниконов. Вообще-то они могли говорить, но на миссии, особенно на такой, где расчет времени имел решающее значение, как здесь, они, как правило, общались закодированными сигналами. Миниконы скользнули в тень, а Саундвейв остался на страже, дабы предупредить момент, если их всех обнаружат. Он не хотел открытого боя. Вероятность провала была слишком велика. Но в этот раз риск был оправдан. Саундвейв не терял контакт с обоими миниконами через прямую видеосвязь, изображение проигрывалось как бы на внутренней части его оптики.

В какой-то момент он задумался: не открыть ли и не выпустить Рэведжа и Лазербика. Но в конце концов решил, что это слишком опасно. Чем больше своих миниконов он пошлет, тем больше вероятность, что кого-то он в итоге потеряет. А на этой миссии не исключены были потери, ведь Саундвейв нацелился на глубочайшие секреты Хрустального Города.

Даже Старскрим, который в прошлом провел большую часть своей карьеры ученого в лабораториях, находящихся среди этих бесконечно преломляющихся стен, не знал всех секретов Города. Никто не знал.

За исключением, пожалуй, Омеги Суприма⁶³. И этот Омега Суприм внушал Саундвейву беспокойство. Саундвейв не для того проделал весь этот путь, чтобы оказаться расщепленным на молекулы одной из ракет стража. Даже ради освобождения Кибертрона... Как бы то ни было, это

⁶⁰ Кибертронский город необыкновенной красоты. Это дом для научной элиты Кибертрона (но в этом плане он не единственный. В комиксах упоминается Нова Хронум – еще один город, где обитали ученые). Еще там работал Шоквейв. Хрустальный Город также фигурировал в основном сериале «Transformers. Generation 1».

⁶¹ Единица времени. Соотношение с земным временем неизвестно. Но можно предположить, что в 1 терацикле 10^{12} циклов и таким образом подсчитать, что 1 терацикл составляет примерно 1,9 млн. земных лет (если исходить из того, что цикл равен минуте).

⁶² Frenzy переводится «бешенство», «неистовство». Очень характерно для такого имени этот персонаж вел себя в фильме Майкла Бэя. В Г1 он более спокойный. Его имя перевели – «Дикий».

⁶³ Легендарный страж Хрустального Города, трансформер гигантского размера и огромной силы.

дело надо было довести до конца. Саундвейв подумал, что ему удалось убедить Мегатрона в своей преданности. Но истина заключалась в том, что он ждал, как будут развиваться события. Способности Саундвейва также могут быть полезны Верховному Совету и кибертронским силам обороны. И вообще любой другой группировке, которая выступит, чтобы бороться за будущее Кибертрона.

Вот, например, Ориону Мирному. Саундвейв остро ощущал, что Мегатрон недооценивает «библиотекаря». Время покажет... Однако на данный момент время – это то, чем Саундвейв не располагал. Он отступил за пределы особо охраняемого периметра вокруг Хрустального Города и стал ждать, пока миниконы не пришлют ему первую передачу условных сигналов.

Френзи вышел на связь ровно один цикл спустя. Ничего необычного. Через полцикла последовал сигнал от Рамбла. Сенсоры миникона также не уловили ничего особенного. Саундвейв начал задаваться вопросом, а что же он ищет. Нет, он знал, что ищет. Но он задумался, а действительно ли это может находиться в Хрустальном Городе, ведь 2 миникона смогли обшарить все вокруг и автоматические датчики не засекли их присутствия? Либо в Хрустальном Городе что-то изменилось со времени их последнего посещения, либо объекта их поиска давно нет.

Саундвейву подумалось – а вдруг Матрица больше не работает? Не существовало способа узнать это, кроме как возложить на нее руку.

Действительно ли кибертронская цивилизация росла и развивалась в прошлом благодаря Матрице Лидерства?

Правда ли, что фрагмент давно сломанного мифического меча⁶⁴ следует отдать выбранному лидеру, будто бы это как-то повлияет на качества лидера? Саундвейв не был суеверным. Он никогда не придавал большого значения старым преданиям о Кибертроне, легендарным подвигам Праймов (Тринадцати) и тому подобным вещам. Саундвейв знал, как работает сознание разумных существ. Вплоть до настоящего времени его жизнь была посвящена разведыванию таких вещей о кибертронцах, которых они не жаждали раскрывать кому бы то ни было. Занимаясь этими делами какое-то время, очень быстро отучаешься от суеверий.

Рабочие в Хрустальном Городе были научной элитой Кибертрона, выдающимися мыслителями и инженерами планеты, способными творить чудеса. Тем не менее, подумал Саундвейв, космические мосты, мертвые и медленно разваливающиеся, все еще дрейфовали на своих орбитах. Какая польза от научной элиты, если она тратит все свое время на переработку предыдущих достижений и даже не думает о новых, собственных свершениях? «Если Матрица в Хрустальном Городе, – размышлял Саундвейв, – некоторым ученым хватит ума, чтобы использовать ее в экспериментах на цветовые предпочтения или в чем-нибудь столь же глупом!».

Два информационных потока поступали от Френзи и Рамбла по мере того, как миниконы продвигались ближе в центр Хрустального Города, а оттуда вниз, в подземные лаборатории, где проходила основная работа. Под поверхностью Кибертрона эксперименты встречали гораздо меньше помех от рассеянного космического излучения и обычного радиационного фона, а также повседневных электромагнитных помех, характерных для высокоразвитой технологической

⁶⁴ Матрица Лидерства, по легенде, была вправлена в рукоять меча первого трансформера из Тринадцати.

цивилизации. Если Матрица – или другой важный артефакт – находится в Хрустальном Городе, искать следовало внизу.

- Обнаружил перспективные материалы экспериментов! – доложил Рамбл. – Интегрированная система вооружения с применением энергии обратной связи на базе поглощающих блоков.

«Неважно» – подумал Саундвейв. И моментально отправил ответ. – Продолжить поиск. Сообщать только важную для текущей миссии информацию. Где же Матрица?

На худой конец он мог вернуться к Мегатрону и все же обернуть провал в свою пользу. Саундвейв был готов стать начальником шпионской сети у десептиконов, в которой, кажется, так нуждался Мегатрон. Сбор сведений, в особенности опасных сведений, был одним из любимых занятий Саундвейва. Но в конце концов специалисты по шпионажу становились жертвами одной специфической проблемы: их основные работодатели начинали требовать не просто информацию, которую предоставлял шпион, а информацию на самого шпиона. Такой расклад был на руку соперникам. Саундвейв терпеть не мог соперников.

И если бы он сумел приметить местонахождение Матрицы, чтобы некоторые фанатичные экс-гладиаторы Мегатрона смогли взять штурмом это место, Саундвейв положил бы вполне себе хорошее начало для того, что обещает принести эта война.

В общих чертах он попытался представить, может ли Верховный Совет предложить ему лучшее. Кажется, едва ли. Они не собирались сходить со старой стези. Саундвейва не особенно беспокоило прошлое положение вещей. Но если мир должен измениться – и Мегатрон позаботиться о том, чтобы это произошло, с библиотекарем или без него, – Саундвейв хотел быть на стороне победителей, когда это случится.

Френзи вышел на связь:

- Большая часть подземных лабораторий изолирована. Всюду предупреждающие знаки о вторжении из подземелья. Изучить или продолжить разведку?

- Приоритет - разведка – отрезал Саундвейв. – Сконцентрируйся.

Вторжение из подземелья? Интересно. Кто знает, что может скрываться там внизу в подземелье спустя терациклы после последних разведывательных экспедиций или же после прерывания традиции, согласно которой каждый кибертронец, выйдя из Колодца Великой Искры, должен был пройти через подземелье к Хрустальному Городу? «Вот, - подумал Саундвейв, - еще один шаг к слабости и упадку. Когда молодым кибертронцам приходилось выживать в трудных условиях, они выходили из испытания закаленными и готовыми ко всему, что от них потребуется».

А теперь они всюду развесили дурацкие знаки и трепетали перед тем, что находилось по другую сторону давно не открываемых дверей. Если Мегатрон сможет вернуть боевой дух Кибертрона, думал Саундвейв, любой побочный ущерб оправдан.

Френзи и Рамбл одновременно рапортовали о перехвате сообщений в локальной сети. Кто-то глубоко в недрах Хрустального Города вел разговор о Мегатроне. Передача была основательно зашифрована, но фрагменты, которые Саундвейву удалось разобрать, тут же

повергли его в шок. Некто предвидел, что Мегатрон был страшной угрозой. Причем, речь шла о мерах, которые, как Саундвейв надеялся, не должны быть приняты ни в коем случае.

Кажется, ученые Хрустального Города задумали пробудить стража. Они задумали пробудить Омегу Суприма!

- Френзи! Рамбл! Немедленно обратно! – скомандовал Саундвейв.

Оба миникона пропищали, что бегут. Специалист по шпионажу практически не находил в себе сил ждать их. Если на защиту старого порядка на Кибертроне встанет Омега Суприм, Саундвейв не был так уверен, что хочет быть революционером...

В записях Городского Архива было далеко не глухо относительно содержимого станции «Триптикон». Построенная в далеком прошлом как простая космическая станция, она находилась на орбите в той же плоскости, что обе лунные базы. Совсем недавно промелькнули слухи, что станция была оживлена... Орион Мирный задумывался: могло ли это быть правдой? Кто это сделал?

Неужели вся станция превратилась в разумное существо? И ей была дарована искра?

Зачем?

Записи подсказывали, что нечто было помещено глубоко в «Триптикон» приблизительно в то же время, когда станция активировалась. Орион Мирный искал информацию, где только мог, но везде наткнулся на тупики. Записи были изменены или же удалены. Защитные барьеры были возведены так, что не пробраться. В конце концов Орион Мирный пошел к Альфа Триону. Не столько для того, чтобы узнать ответы, сколько потому, что независимо от того, кем он стал, Орион Мирный все еще был служащим Городского Архива. Проблемы со структурой данных его тревожили.

- Архивариус! – позвал Орион, стоя на пороге кабинета Альфа Триона. Он ждал, пока Альфа Трион закончит писать что-то в книге, лежащей на его столе.

Когда смотритель архива поднял глаза, Орион Мирный продемонстрировал некоторые из своих находок на голографических экранах, расположенных на стене кабинета.

- В записях, касающихся станции «Триптикон», имело место большое количество манипуляций с данными – объявил он. – Особенно по поводу появления искры. Почему «Триптикон» сделали живым существом? Какие из этих материалов, - Орион Мирный указал на несколько документов на ближайшем к двери экране, - указывают на то, что на станции скрыто нечто чрезвычайно важное?

Альфа Трион внимательно изучил записи. Он оглянулся назад на свою книгу. Одна рука коснулась листа, как будто архивариус хотел перевернуть страницы. Но вместо этого он захлопнул книгу и повернулся к Ориону Мирному.

- Я не знаю, что там скрыто, Орион, - признался Альфа Трион. – Но мне известно, что Триптикон был построен... Точнее мне следует сказать, создан... Ему была дарована искра. Для

того чтобы служить хранителем чего-то такого, что древние предшественники Верховного Совета вынуждены были спрятать.

- А кто-нибудь из членов этого древнего Совета еще жив? – поинтересовался Орион Мирный.

Архивариус снова глядел в окно.

- Сентинел Прайм. – бросил он. – Если он все-таки не умер. Но то, что находится на станции «Триптикон», то, что должны так ревностно охранять... Я понятия не имею, что это.

Что-то в тоне Альфа Триона побудило Ориона Мирного рискнуть задать еще вопрос:

- А случайно задачу охранять это не поручили еще и сикерам?

- Да. Спроси у них, что им известно.

Спросить у них, что им известно...

Легко сказать! Орион Мирный не знал никого из сикеров. Конечно, он видел их в небе. Он знал, что предназначение одних сикеров – воздушные операции, а другие могут работать в условиях космоса. Знал, что среди их лидеров выделяется Старскрим, чье имя упомянул Мегатрон. Также на записях видеокамеры этот сикер был замечен защищающим Сентинела Прайма во время нападения десептиконов на Альтигекское казино. А еще Орион Мирный знал, благодаря нескольким передачам о станции «Триптикон» в Сети, которые не успели подправить, что Старскрим и кое-кто из его офицеров сейчас на станции.

Что они собираются делать, он понятия не имел. Тем более Орион Мирный не знал, как связаться со Старскримом или что ему сказать, чтобы получить ответ, а не нарваться на прямой отказ. Неужели на «Триптиконе» находилось некое супероружие, которое берегли от ненадлежащего применения? Или же тайное знание, артефакт Праймов, оставленный для будущих поколений кибертронцев, чтобы использовать его, когда придет время и настанет крайняя необходимость?

Записи на этот счет хранили молчание. Подобным образом поступал и хранитель Архива, Альфа Трион, когда Ориону Мирному так нужно было с ним поговорить.

Но все это значило мало до тех пор, пока они с Мегатроном не представят перед Верховным Советом свою точку зрения и не узнают, как смотрит на их идеи правительство Кибертрона. Орион Мирный вернулся на свое рабочее место и снова принялся («Возможно, в последний раз...» - печально подумал Орион) за задачи и выполнение обязанностей своего класса. Он читал, сопоставлял, распределял по категориям и индексировал материалы.

Также он обдумывал ответ Мегатрону, который непременно спросит о результатах этого поиска. Удалось ли ему выяснить что-то стоящее? А если так, означает ли это, что он может распоряжаться найденным по своему усмотрению и не делиться с Мегатроном?

Орион Мирный размышлял над перспективой хранить тайны. Раньше он не имел такого свойства. Оно ставило его в неудобное положение, но зато он был достаточно честен, чтобы

признать это. Орион Мирный осознал, что если у него есть тайны, которые нельзя раскрывать, он был кем-то большим, чем служащий Городского Архива. В одной из версий «Завета», которая была распространена по Городскому Архиву, Орион Мирный когда-то прочитал: *«Во время великих событий обнаруживаются великие кибертронцы. Но в иные времена великие события создают великих кибертронцев».*

Не это ли происходит сейчас?

Глава 12

Орион Мирный не выходил на связь с Мегатроном до тех пор, пока Альфа Трион не известил его о том, что Верховный Совет запланировал экстренное совещание, на котором должны будут рассматривать вопросы об антиклассовом возмущении и гражданских свободах на Кибертроне. Но теперь он рассказывал об этом Мегатрону с волнением и радостью.

- Хорошо сработано! – поздравил его Мегатрон. – Вот видишь, мой друг, у тебя имеются связи, о наличии которых ты и не подозревал. Все дело в твоём классе. Как думаешь, отреагировал бы Совет, если бы аудиенции у них просил я?

- Не представляю, - честно ответил Орион Мирный. – Но зато я отлично представляю, как они отреагируют, если в конференц-зале ты больше проявишь намерение осыпать их жалобами, чем искать пути решения вопроса.

- Ну, я просто гладиатор. Буду говорить, как сумею...

Орион Мирный рассмеялся.

- Ты уже давно не «просто гладиатор». Может быть, пора перестать делать вид, что ты простой и невежественный? При входе в Зал Совета тебе следует представиться лидером законного движения. Если они подумают, что ты только гладиатор, то оборвут тебя в наноклик и у тебя никогда не будет второго шанса.

Мегатрон сделал паузу и размышлял над этим.

- Я могу рассчитывать на твой совет, друг... Я подумаю... - после очередной паузы он вдруг спросил. – Могу ли я рассчитывать на то, что ты будешь говорить за меня?

- Да. Можешь положиться на меня. Я буду отстаивать то, во что мы оба верим.

- Тогда увидимся в пять мегациклов – закончил Мегатрон.

- Согласен, - произнес Орион Мирный. – Только не переборщи с самопиаром. Ты должен знать одну вещь о Совете: они не любят, когда их затмевают.

Верховный Совет в Иаконе проводил заседания в помещении, построенном в форме, напоминающей искру с лучами, расходящимися в трех направлениях от центра, где за высокими, слегка изогнутыми трибунами стояли советники. У каждого был под рукой молоток, и каждый мог подать председателю сигнал о желании выступить. Также там была галерея с балконами, расположенными в несколько рядов над зоной обзора центральной площадки. Там было отнюдь не пустое пространство. Кибертронцы всевозможных форм и размеров толпились в галерее. Миниконы дрались за места с лучшим обзором с неуклюжими трансформерами из союза «Удар молнии»⁶⁵. Те, кто был способен сливаться в одного гигантского робота, держались вместе в дальнем углу. А мультиформеры сновали по Залу, а то и свешивались с балконов или зависали в воздухе над сидениями. В конференц-зале было заметное оживление, но все же царил порядок.

⁶⁵ Или «Lightning Strike Coalition». Так называлась подгруппа трансформеров на Кибертроне, куда входили в основном диноботы. Упоминается в комиксах.

Войска Верховного Совета позаботились о том, чтобы разместить отдельно зрителей, поддерживающих реформы, и протестующих, а также отсадить чиновников и политиков подальше от тех, кто из чистого интереса пришел поглазеть на прения в Совете. Орион Мирный стоял у стены, примерно посередине между помостом советников и дальней стеной конференц-зала, в которой было 13 дверей, что символизировало преемственность традиций Праймов.

Сегодня председателем заседания был Галоген, который, если верить легенде, знал лично кого-то из Праймов и видел все, через что прошел Кибертрон, начиная с момента изгнания Падшего. Большой жизненный опыт и беспристрастность этого советника должны были способствовать непредвзятому отношению к плану отказа от классов и возвращению к более открытому общественному строю, такому как после войны Праймов. А, может быть, еще повлияет тот факт, что Ориона Мирного поддерживал Альфа Трион...

- Но все-таки не следует забывать, что здесь присутствуют другие советники, которые отвергнут эти идеи на корню, потому что они против всего того, что нарушает прежнее положение вещей – произнес Альфа Трион.

- Но почему? – для Ориона Мирного такая позиция казалась нелепой. – Если совсем нет перемен, то нам незачем вообще покидать Колодец Великой Искры.

- «Почему»? Интересный вопрос! Рассмотрим это. Если ты находишься перед Верховным Советом и оцениваешь его как воплощение существующего порядка, то, покушаясь на изменение существующего порядка, ты... - Альфа Трион наблюдал, как Орион пытается это осмыслить. – Верно. Ты бросаешь персональный вызов им. Так что ты и твой друг гладиатор будете встречены в этом Зале как противники. Имей это в виду.

И Орион Мирный вспомнил слова Альфа Триона, когда впервые в жизни предстал перед трибунами советников и был поражен великолепием Зала. Здесь все светочи кибертронского прошлого провозглашали свои идеи и свидетельствовали о своей вере. Орион чувствовал себя недостойным войти в их ряды и все еще находился под впечатлением того, что Совет согласился выслушать идеи служащего и гладиатора, которые придумали новый путь для развития кибертронского общества.

Конечно, Орион Мирный должен благодарить Альфа Триона... Чем больше ему попадалось имя Альфа Триона в материалах Архива, чем больше он сопоставлял его с великими событиями в истории Кибертрона, тем отчетливее Орион Мирный понимал, что архивариус был чем-то большим, чем казалось на первый взгляд. Орион Мирный не был дураком, и если Альфа Трион являлся всего лишь архивариусом, то всему Кибертрону стоило пересмотреть свои представления об обитателях вместительных закрытых библиотек и хранилищ знаний.

Орион Мирный осознал, что без Альфа Триона его бы здесь не было.

Но, как ни парадоксально, в Зале Совета Альфа Трион не присутствовал. Свое отсутствие на заседании Альфа Трион объяснил тем, что не хочет, чтобы Зал стал связываться у него с предстоящими дебатами. Орион Мирный задавался вопросом, не является ли это какой-то проверкой? Ему так и представлялся Альфа Трион, обращающийся к нему со словами: «Ну вот, я устроил тебе аудиенцию. Теперь все зависит от тебя и твоего друга гладиатора. Посмотрим, сумеете ли вы чего-то добиться».

Орион Мирный подумал, что в это самое время Альфа Трион наблюдает через Сеть, а его Перо шуршит и царапает, царапает и шуршит...

Председатель Галоген постучал молотком по своей трибуне, тем самым дав понять, что заседание Верховного Совета началось.

- Мы собрались здесь, - объявил он громким голосом, - Чтобы рассмотреть проблему, имеющую серьезные последствия. Именно эта проблема толкнула наше общество от мира на грань гражданской войны всего за считанные мегациклы. Верховный Совет в первую очередь безоговорочно заявляет, что осуждает совсем недавно имеющие место акты насилия. Их виновники должны быть призваны к ответу. И одна из целей сегодняшнего заседания состоит в том, чтобы рассмотреть, кто должен за это ответить!

Кроме того, будет поднят вопрос о легитимности классов. Совет считает, что классовая система установлена законно и что Сентинел Прайм, взявший на себя контроль в продолжение ее существования, поступал благоразумно. Если бы он был здесь, то мог бы говорить за себя сам. Однако это подводит нас к констатации печальных фактов... Среди кибертронцев есть такие, кто предпочел насилие и террор как средства, чтобы прийти к обсуждению и согласию.

Изображение Галогена стало транслироваться на несколько сетевых камер, объективы которых обзоредали все происходящее в конференц-зале.

- Сентинел Прайм! – обратился Галоген. – Совет верит, что вы живы и здоровы. Мы призываем ваших похитителей одуматься, освободить вас и предстать перед органами правосудия! Независимо от того, насколько полезны эти дебаты, беззакониям нет оправдания!

- К делу! К делу! – заверещал самый маленький из советников со своей трибуны в конце ряда.

Звали его Рэтбэтом⁶⁶, и этот советник-миникон был известен своей коррумпированностью и тем, что он представлял определенные интересы в высших эшелонах кибертронского общества. Про Рэтбэта говорили, что он без взятки не верит ни во что больше одного цикла. Орион Мирный никогда не говорил с ним.

Несколько голосов подхватили и стали повторять его высказывание. Галоген постучал молотком, призывая всех к порядку.

- Я прошу держать себя в руках, коллеги – строго сказал он. – Как иначе можем мы требовать от аудитории, чтобы они держали себя под контролем?

После паузы он продолжил.

- Ходят слухи, что бывший гладиатор, ныне известный как Мегатрон, ответственен за исчезновение Сентинела Прайма. Это наиболее тревожное обвинение, и оно должно быть рассмотрено. Кроме того, говорят, что сикеры и их командир Старскрим действовали заодно с Мегатроном в его сомнительных операциях. Это также необходимо рассмотреть, несмотря на

⁶⁶ Ratbat. Имя этого советника образовано сложением двух слов rat (крыса) и bat (летучая мышь). Миникон с таким именем фигурировал в разных сериалах, в том числе «Transformers. Generation 1», где в переводе 6 канала его имя звучало как Крысак. В общем, совершенно нельзя сказать, что носитель этого имени благороден и добросовестен. Как коррумпированный и вредный член Верховного Совета Кибертрона Рэтбэт показан в комиксе «Megatron Origin», где он плохо кончил, решив затеять игру с десептиконами.

недавнее отбытие Старскрима на станцию «Триптикон». – Галоген сделал паузу. – Вступление было утомительным. Давайте теперь послушаем граждан Кибертрона. Для начала Верховный Совет, под страхом лишения свободы и дальнейшего судебного разбирательства, приказывает выступить кибертронцу из Каона, известному как Мегатрон.

В предвосхищении выступления по Залу прошел шум и гул голосов. Все присутствующие, включая Ориона Мирного, стали искать взглядом Мегатрона. Очень немногие из них видели его вживую, однако почти все составили о нем представление из передач по Сети.

Его нигде не было видно. И вдруг, откуда ни возьмись, Мегатрон появился в центральном проходе на площадке и вскоре занял место на свидетельской трибуне перед возвышением, где заседал Совет.

- Я здесь по требованию Верховного Совета, - заявил он.

Галоген и другие советники долго смотрели на него, изучая с ног до головы.

- Так это вы рабочий с каонских предприятий, так называемый гладиаторский чемпион, взявший себе прозвище Мегатрон? – спросил секретарь заседания, могучий сикер по имени Контрейл⁶⁷.

- Я.

- По какому праву вы взяли себе такое имя?

- По своему собственному, я никого не спрашивал.

Дерзкий ответ вызвал среди аудитории волну удивления, с оттенками в равной мере и одобрения и осуждения. Галоген стукнул молотком и звук прекратился. Контрейл смерил нарушителей в галерее грозным взглядом, а затем продолжил.

- Разве вы не знаете, что имена даются в Колодце Великой Искры и нигде более? - тон его голоса приобрел новый оттенок.

- Я в курсе этой традиции, - ответил Мегатрон. – Но не считаю, что это единственная возможность получить имя.

- Ну, мы же не будем вписывать в протоколы то, как гражданин предпочитает идентифицировать себя! – вклинился Рэтбэт. – Без сомнения, есть более важные вопросы для обсуждения.

- И также, без сомнения, протоколы этого заседания следует вести тщательно – заметил Галоген.

Рэтбэт кивнул и умолк.

- Вы присягаете перед Советом, - продолжил Контрейл, – говорить правду и только правду?

⁶⁷ Имя Contrail означает конденсационный след (оставляемый в небе летательными аппаратами, летящими с большой скоростью на большой высоте).

- Да будет так! – ответил Мегатрон. – Хотя я боюсь, что вся правда, которую я готов сообщить, придется не по вкусу тем членам Верховного Совета, которые требуют поклонения, а не взаимодействия равных.

Снова по галерее пронеслось ворчание и шепот, и снова Галоген призвал аудиторию к тишине, а Контрейл пристально глядел на каждого, кто имел дерзость встретиться с ним взглядом. Орион Мирный не сводил с него глаз. Он не разговаривал, не шумел, однако не собирался позволять кому бы то ни было запугать себя. Царство иерархий на Кибертроне подошло к концу. Или по крайней мере его влияние существенно уменьшалось. Орион Мирный мог оглядывать Зал, и он видел это по одним только позам и настроению аудитории. Он задавался вопросом: если советники тоже это видят, может быть, они уже про себя прикидывают, не принять ли перемены, которые провозглашают Орион Мирный с Мегатроном? По всей вероятности, если советники так и сделают, они объявят это их собственным поступком, сделанным по их собственным соображениям. Орион Мирный понимал это и решил, что он согласен на какую угодно показуху, если это значит, что их цель достигнута. Но он не знал, как к этому относится Мегатрон.

Похоже, он может про это разузнать.

Контрейл кивнул Галогену в знак того, что ознакомление и приведение свидетеля к присяге завершено и выступление можно начинать.

Глава 13

- Вначале, - произнес Мегатрон. – У меня не было имени.

Он сделал паузу, чтобы убедиться, что смысл дошел до слушателей. В Зале Совета царила тишина.

- Мы все были безымянными. Мы общались друг с другом внизу в шахтах и у плавильных печей посредством электронной подписи. Мы идентифицировали друг друга по функциям. Мы давали друг другу прозвища. Я был Д-16, названный так по сектору шахты, где я производил подрывные работы⁶⁸. Потом я изведal свой первый поединок в гладиаторской яме. – Мегатрон до сих пор обращался как будто бы только к Совету. Но тут он поднял руку и указал на команду ботов-рабочих на втором балконе. – Вот где я впервые узнал, что представляет собой жизнь низших классов, о которой никто из вас не раздумывал и наноклика. Каждый кибертронец на этом балконе видел своими глазами, как умирало больше других кибертронцев, чем все вы, присутствующие в этой галерее! Наши жизни не имеют ценности!

Его голос на последней фразе раскатился громом. Галоген непроизвольно постучал молотком.

- Пока однажды... - голос Мегатрона звучал сквозь гул молоточных ударов. – Пока мы не решили, что представляем ценность. Мы, низшие классы. Мы, боты, которые умирают на подземных заводах и фабриках, производя все те вещи, которые вы здесь принимаете как сами собой разумеющиеся. Мы узнали, что являемся личностями, столкнувшись друг с другом в гладиаторских ямах Слоутер-Сити и Каона. Каким образом мы это узнали?

Мегатрон подождал несколько мгновений, пока зрители вникали в вопрос. Но в Зале, как и в галерее, опять было тихо. Похоже, аудитория ожидала, когда Мегатрон разразится следующей репликой.

- Мы узнали, что являемся личностями, потому что когда мы убивали наших противников на арене, мы видели в их смерти осознание, что они были индивидуумами. И таким образом мы понимали, что и мы тоже... Отнимая жизнь, мы ее познавали. Всего-навсего живой товар одноразового применения, - гладиатор, чьи останки выбросят на свалку, разберут, утилизируют, а полезные запчасти распродадут торговцам подержанным хламом в Иаконе или Хрустальном Городе. Будучи таким одноразовым товаром, мы вдруг открыли, что представляем ценность. Кто-то готов платить нам за то, что мы делали. Кто-то развлекается, когда мы убиваем, и рвет и мечет при виде нашей смерти.

Итак, если наши жизни имеют ценность, даже в глазах других, таких же ничтожных трансформеров, как мы, то мы имеем право на имена. Вот такая последовательность событий привела к тому, что сегодня я предстал перед вами. Мой друг Орион Мирный! Благодаря тебе наше дело достигло трибун Верховного Совета. Я хотел бы поблагодарить тебя за твоё внимание и помощь – на этой удивительно спокойной ноте (или по крайней мере таковой она показалась Ориону Мирному) Мегатрон закончил выступление.

⁶⁸ Между прочим, под номером D-16 производителем «Такага» продавалась тф-игрушка Мегатрон в Японии. Буква Д означает «дестроны» (Destrans) – так называют десептиконов в Японии.

Он замолчал, ожидая вопросов. Они вскоре последовали.

- Какое отношение вы имеете к терактам, случившимся несколько мегациклов назад в «Шести лазерах» и в других местах? – поинтересовался Контрейл.

- Я не имею к этому отношения, - ответил Мегатрон. – Но такого рода вопросы вызывают бурную реакцию. Я сам принимаю это близко к искре. Разница между мной и теми, кто устроил взрыв в «Шести лазерах», состоит в том, что я направляю свои эмоции в определенное русло, что я думаю о будущем благе для всех кибертронцев. Я отвергаю любые действия, если они в конечном итоге не станут провозвестниками новой лучшей эры на Кибертроне!

«Хорошо сказано!» - подумал Орион Мирный. Он вспомнил свой разговор с Мегатроном, когда гладиатор заявил, что на фоне экстремистов он будет казаться благоразумным и здравомыслящим. И то, что он стоял здесь, перед Верховным Советом, и делал заявления о ценности личности в то время, как представители Гильдии с шумом пробивались в первые ряды галереи, являлось тому доказательством.

- Очевидно, что вы необыкновенны. Особенно для своего класса – произнес Контрейл вызывающим тоном. – Выходит, вы не несете ответственности, несмотря на то, что ваши речи вдохновляют этих несчастных? А если ваше лидерство воспримут всерьез, вы все равно не собираетесь принимать на себя такую же ответственность, какую, например, имеет Совет и его члены?

- Вам стоило бы побеспокоиться о том, что произойдет, если мое лидерство *не* будут принимать всерьез, - заметил Мегатрон.

- Кажется, нам уже доводилось видеть подобное, - раздался чей-то рокошующий бас.

Этот голос принадлежал Драйвтрейну⁶⁹, одному из основателей группы трансформеров, известной как конструкторы. Драйвтрейн происходил из средних классов, связанных с проектированием сооружений и строительным делом. Его влияние в Верховном Совете было результатом долгой службы и постепенного завоевания расположения других советников, которые происходили из более высоких классов, связанных с наукой, искусством и государственным управлением.

- Повторю еще раз. Я не имею никакого отношения ни к взрывам, ни к нападению на Альтигекское казино! – Мегатрон проявлял упорство.

Орион Мирный не мог решить, восхищаться ли ему Мегатроном или возмущаться из-за того, что он мог вот так стоять перед лицом Верховного Совета и отрицать очевидное. Орион Мирный увидел движение в дальней части галереи и заметил, что вошел Саундвейв. На плечах у него было по миникону. Маленькие боты слезли вниз по руке Саундвейва и растворились в толпе.

- Повторяй сколько угодно, я все равно не поверю, - говорил Драйвтрейн. – Только укрепишь мою убежденность в том, что это ты со своим сообщником, служащим из учреждения по историческим записям, спланировал нападение и похищение при помощи боевых роботов, которые называют себя десептиконами и притом открыто провозглашают преданность тебе!

⁶⁹ Drivetrain (англ.) переводится «трансмиссия», «силовая передача», «силовой блок». Имя говорит о том, что это очень сильный трансформер и, видимо, упорный работник.

- Десептиконы? – повторил Мегатрон. – Какое интересное название...

- О, ты так считаешь? – продолжал наседавать Драйвтрейн. – Но ты же сам его придумал, а то нет?

Мегатрон выпрямился во весь рост. Он был крупнее большинства кибертронцев, а его боевые шрамы серебрились в рассеянном освещении Зала Совета и, казалось, почти что светились.

- Я скажу, что вам следовало бы воздержаться от обвинений в мой адрес и тем более в адрес моего друга, пока у вас на руках нет фактов. Что всякие там боты могут говорить, меня совершенно не волнует. Но если это слово «десептикон» передо мной, лежит прямо у ног, я так и быть принимаю его на свой счет! – произнес Мегатрон. – Иногда обман необходим⁷⁰. Когда те, кто должен прислушиваться к истине, попирают ее, они достигнут понимания лишь тогда, когда их перехитрят и заставят увидеть их собственную лживость!

- Молодец, Драйвтрейн! Ты его спровоцировал – пропищал Рэтбэт.

Миникон рыскал глазами по сторонам, изображая ожидание реплик от других советников. Но их не последовало. Орион Мирный вдруг подумал, что все это выступление было фарсом, и они никогда не найдут с Советом общего языка...

А что если война началась еще до того, как они вошли в Зал? Может быть, даже до того, как Альфа Триону удалось устроить им аудиенцию?..

Скандал разразился как раз, когда Орион Мирный был отвлечен елейными тирадами Рэтбэта по поводу проблемы выбора и общего блага.

- Что, Верховный Совет до сих пор не понял, что это наше право?! – орал Мегатрон под звук молотка Галогена. – Каждый кибертронец имеет право задавать вопросы о деятельности Совета! А также требовать изменений, когда их действия не соответствуют их кругу полномочий!

Это, по всей видимости, были заключительные слова пламенной речи, большую часть которой Орион Мирный прослушал из-за того, что отвлекся. Мегатрон замолчал.

- Что скажет Гильдия? – прохрипел старый Галоген.

- Представитель Гильдии - Сигил⁷¹, просит слова, - отозвался кибертронец, еще более древний и дряхлый на вид, чем Галоген.

Вообще эти почтенные трансформеры вышли из Колодца в один и тот же день. Говорили, что с тех пор они поддерживают друг друга всякий раз, когда возникает какой-то конфликт.

- Говори, Сигил! – единогласно потребовал Верховный Совет.

- Гильдия заявляет о своем законном праве! – Сигил указал на собрание руководителей, которые управляли классами и осуществляли полный контроль над кибертронцами, распределяя новорожденных по классам. – Тысячи орбитальных циклов... Нет, паче того... С момента ухода

⁷⁰ Слово *decepticon*, как известно, образовано из слова *deception* – обман.

⁷¹ *Sigil* – переводится «знак», «символ», «печать». По всей видимости, этот трансформер – олицетворение своей Гильдии.

Праймов Кибертронская Гильдия направляет население в жизни и работе. Без оной Гильдии не развивалась бы цивилизация. Не было бы ни космических мостов, ни космопорта на плато Гидракс, ни лунных баз. Не было бы и «Телетраана-1» и города Иакона, дабы разместить этот суперкомпьютер.

Сигил обернулся к Совету после первой части своего выступления, рассчитанного на публику.

- Можно ль одному татю.... Одному гладиатору, на совести которого столько смертей невинных... Можно ли такому убийце позволить подорвать основы, заложенные самим Праймасом, когда он создал сию планету и зародил на ней жизнь в Колодце Великой Искры?!

Его слова транслировали через Сеть на весь Кибертрон, и казалось, ему внемлет сама планета. В Соник-Каньонах тишина нависла над ремонтными бригадами, работающими с интерфейсом Вектора Сигмы. В продолжение своей речи Сигил, казалось, набирается сил.

- Гильдия обеспечивает благоденствие всех кибертронцев. Она создала условия, при которых каждая личность может найти свое место в нашем обществе. Ибо если какой-то недовольный преступник получит шанс перекроить все то, что мы создавали в течение мегациклов упорным трудом, то я боюсь за будущее нашей цивилизации. Я боюсь за Кибертрон!

Гул одобрения и ропот прокатились по конференц-залу. Галоген постучал по трибуне, призывая аудиторию к тишине, а потом указал молотком на Ориона Мирного.

- Выступить сюда пришел и еще один трансформер. – произнес он громко. – Что скажешь ты, Орион Мирный, служащий из иаконского Городского Архива?

- Я скажу, что Сигил наживает себе недругов среди несчастных кибертронцев, потому что у него искра – самая напыщенная на свете! – откликнулся Орион Мирный.

Он был зол на Сигила за искаженную передачу фактов. Орион Мирный решил, что все поставлено на карту и бессмысленно прятать злость.

У него была репутация спокойного и уравновешенного бота. Если повезет, его демонстрация гнева будет отмечена советниками и донесет до них, сколь много кибертронцев сочувствуют зарождающемуся антиклассовому движению и в особенности харизматичной фигуре Мегатрона.

Покинув свое место возле стены, Орион Мирный проходил через толпу по центральному проходу, разговаривая во время движения, а остальная публика расступалась перед ним. Мелькнула мысль о том, что он мог видеть едва уловимые признаки ободрения на лицах большинства из них. И он знал, что на лицах некоторых из них мог прочитать явную неприязнь.

- Так вы заявляете о том, что Гильдия имеет власть определять жизнь каждого кибертронца? – спросил Орион Мирный. – Неужели этого хотели Тринадцать? Является ли совпадением то, что Гильдия получила власть и внедрила классовую систему именно тогда, когда Кибертрон оказался отрезан от остальных трансформерских миров? Вы же ограничиваете кибертронцев во все более узком пространстве, даете все меньше и меньше места, где они могли бы к чему-то стремиться, захотеть к чему-то прийти, что-то увидеть и совершить. Вы создаете мир, в котором никто не видит дальше своего носа. Где все лишены воображения.

- А вот я могу вообразить, чем кончится это заседание! – пискнул Рэтбэт.

В Зале раздался смех. Орион Мирный стал оглядываться по сторонам, опасаясь, что потерял расположение аудитории.... И вдруг заметил Джаза, прямо в центре нижнего балкона. Яркие цвета корпуса выделяли этого трансформера. Джаз выбросил руку вперед и сжал кулак.

Держись, Орион!

Орион Мирный повернулся к Совету. Он размышлял о своем выступлении, представлял, что мог бы сказать. Но сейчас, когда настал момент, Орион Мирный не знал, с чего начать.

Поэтому он начал просто и искренне.

- Собратья-кибертронцы! Члены Верховного Совета! Послушайте меня. Мегатрон говорил резкие слова, но это правда. Он знает правду о жизни многих кибертронцев, чье существование в большинстве случаев мало замечают. И если он злится, то этот гнев порожден любовью к идеалу. До глубины искры Мегатрон переживает из-за нашего крушения этого идеала.

Недавние теракты были жестокими и непростительными. Однако это были только симптомы. На Кибертроне творятся беспорядки, и эти нападения – еще не конец, потому что они - закономерная реакция обитателей планеты на слишком долгое пребывание под контролем. Их потенциал все время оставался нереализованным в ложных рамках классов и Гильдии.

Для живого существа, обладающего искрой, естественно быть свободным. И для кибертронца, рожденного со способностью менять форму, трансформироваться, естественно стремление делать выбор своей роли в жизни кибертронского общества. Если классы и Гильдия борются против изменений – они ведут бой против нашей собственной природы, против самой сути Кибертрона. Отсутствие изменений – это не стабильность. Это энтропия. Только мертвое остается неизменным.

Кибертронца нельзя свести просто к механической сумме запчастей. От крошечного миникона до могучего гештальта, от простейшего процессора до ученых, которые открывают нам законы вселенной, - каждый из нас имеет живую искру, которая делает нас теми, кто мы есть, а не просто тем, что мы есть. Искра внутри толкает нас к возможности свободы. Ведет к идее, что мы вольны выбирать, кем стать, как каждый из вас, советников. Так почему же нам в этом праве отказано? Свободу одного бота нельзя дать или отнять другому. Это идет вразрез с самой природой искры, с самой сущностью Кибертрона!

В прошлом, во время великих лишений, благородные кибертронцы оказались достойны стать Праймами и вывели нашу цивилизацию из кризиса. Относительно недавно Сентинел Прайм – один из славных представителей Элитной Стражи⁷² – объединил всех кибертронцев против страшной угрозы. Тогда верховные советники сражались плечом к плечу со сталеварами и служащими, чтобы изгнать интервентов. К чему эти интервенты стремились? Поработить нас, превратить в свои вещи, лишить нас исконного, дарованного с искрой права на самоопределение. Неужели мы изгнали квинтессонов только для того, чтобы быть поработченными классовой системой и Гильдией? Неужели мы разрушим это новое движение, призывающее к свободе,

⁷² Термином «Elite Guard» также назывались особые войска автоботов, куда отбирались лучшие из лучших. Этот термин фигурирует в некоторых комиксах и в сериале «Transformers Animated», где это название перевели как «элитные войска». В начале 2 сезона на Землю в Детройт прилетают несколько представителей элитных войск.

пожертвуем свободой ради порядка? Я говорю: нет! Порядок, установленный насильно, не может быть залогом истинного мира. *Нельзя строить мир через тиранию*⁷³.

Для всех кибертронцев настало время вновь объединиться. И я говорю: нам нужен новый Прайм, который объединит нас. Но не такой Прайм, который двигал бы нас, подобно винтикам в гигантской машине, который требовал бы, чтобы мы стали безмозглыми дронами и рабами, - в мире, полученном такой ценой, только стазис. Руководители Гильдии и Хранители классов более чем достаточно действовали в такой манере. Посмотрите, к чему это нас привело! Кибертрону нужен лидер, провозглашающий свободу, - Прайм, который признает, что все кибертронцы – автономные роботы, принадлежащие лишь самим себе, сами хозяева своей судьбы.

Повторю еще раз. Автономные роботы!

Мы будем помнить этот момент в этом Зале Совета как момент, когда свободные роботы сбросили оковы тирании, которая отнимала у нас красоту искры. Сегодня мы все автономные роботы – автоботы. Назовемся так, если требуется имя, чтобы сплотить нас. Мы, автоботы, заявляем, что освобожденная однажды искра никогда снова не станет жертвой тирании!

Сегодня вы должны выбрать нового Прайма. Выбирайте основательно, ведь тот, кто станет Праймом, либо приведет Кибертрон в новый Золотой Век нашей истории, либо попустит, чтобы темная энергия гнева и вражды охватила нашу планету, погрузив ее в хаос и войну.

Члены Верховного Совета! Выбор за вами. Я желаю вам мудрости...

Орион Мирный осознал, что его выступление было успешным, потому что когда он закончил, весь Зал хранил молчание. Даже те боты, которых Орион Мирный считал своими противниками, невольно призадумались над тем, что он сказал. Осознание этого захватило его в наноклик, сразу после произнесения последней фразы. Орион Мирный поднял обе руки, сжал кулаки и прокричал:

- За Кибертрон! Автоботы!

Под стук молотка Галогена аудитория разразилась криками:

- АВТОБОТЫ!

- За свободу! АВТОБОТЫ!

- АВТОБОТЫ!

Крики прозвучали высоко в галерее, дальше от того места, где расположились самые старые и преданные последователи Мегатрона. А оттуда звуки стали распространяться по конференц-залу.

- АВТОБОТЫ! АВТОБОТЫ! АВТОБОТЫ!

В этот раз потребовался почти цикл, прежде чем Галоген и остальные советники сумели уgomонить аудиторию. И тут Орион Мирный заметил нечто странное. Когда он поймал взгляд Мегатрона, он ждал увидеть одобрение. Вместо этого Орион обнаружил в выражении лица своего

⁷³ Эта фраза явно контрастирует со знаменитым девизом «Мир через тиранию!» - лозунгом Мегатрона в других трансформерских сериалах.

друга злость. Он не понимал, в чем причина. «Но, брат, - мысленно спросил Орион Мирный, - Что для нас важнее - достижение нашей цели или улаживание мелких разногласий в наших методах?».

Он не знал, чем так раздражен Мегатрон, однако Орион Мирный знал своего друга и предполагал, что они это обсудят. Если не во время заседания Верховного Совета, так после. У Мегатрона явно что-то было на уме, а он был не такой кибертронец, чтобы сдерживать свои эмоции.

По крайней мере, сдерживать долго.

Глава 14

- В этой ситуации есть нечто большее для любого из вас. Орион Мирный, и ты, Мегатрон, вы назовете своих последователей автоботами и десептиконами. – сказал Галоген после того как наконец кое-как сумел водворить тишину в Зале Совета. – На сегодняшний день ваши действия поставили эту планету на грань войны. Мегатрон! – продолжил советник, указывая молотком на великого гладиатора. – Не имеет никакого значения, приказывали ли вы своим десептиконам похитить Сентинела Прайма или нет. Важно то, что ваши десептиконы его похитили. И, Орион Мирный, не играет роли то, составляли ли вы с Мегатроном планы или вели философские споры, потому что ваши действия в итоге во многом способствовали нынешнему кризису.

Как ни больно было принять это, Орион Мирный знал, что он должен. «Смирение предшествует славе⁷⁴» - было сказано где-то в «Завете». – «И где смирение не проложило дорогу, слава не пройдет».

- Да, советник, - произнес Орион Мирный.

Такой ответ, кажется, понравился Галогену. Во всяком случае больше, чем надменное молчание Мегатрона. Галоген начал говорить.

- Проблема свободы пребывала в забвении слишком долго. Мы, члены Совета, должны признать, что отчасти в этом есть и наша вина. Я стою перед вами, граждане Кибертрона, и выражаю сожаление о том, что я не разглядел и не понял, что накопленное недовольство было вызвано установлением классовой системы.

- Советник! – вклинился Рэтбэт. Четверо других членов Совета, включая Контрейла, поддержали его. Рэтбэт продолжил. - Конечно же, вы не пожелаете разрушить классовую систему, которая сейчас так полезна для нас и так стабильна?

- Рэтбэт, ты не понимаешь, что разрушение классовой системы уже произошло. Это случилось, когда прогремели взрывы в «Шести лазерах», Соник-Каньонах и других местах, где от рук фанатиков погибли невинные. И еще это случилось в Альтигекском казино, где наш лидер – наш отстранившийся, недовольный, равнодушный лидер – сгинул, по всей видимости, даже без боя.

Эти слова вызвали шум и ропот неодобрения.

- Настало время увидеть, что находится перед нами! – воскликнул Галоген. – Слишком долго мы умышленно проявляли слепоту.

Орион Мирный и Мегатрон стояли рядом и прислушивались. Они обменялись взглядами. Орион Мирный все еще видел на лице своего друга гнев, но также видел, что они все еще союзники, все еще действуют совместно. Что бы Верховный Совет ни сказал, движение не заглохнет.

И что бы Совет ни сказал, они уже одержали победу.

⁷⁴ Аналогичное высказывание встречается в Библии: «Перед падением возносится сердце человека, а смирение предшествует славе» - Притч. 18:13.

- Без лидера наша цивилизация обречена, - продолжал Галоген. – Верховный Совет, с его 13-ю спорящими голосами, может рассматривать и обсуждать вопросы, но в конечном итоге лишь одна личность должна принимать решения. Это делал бы Сентинел Прайм, но он...

- Нам не ведомо, где Сентинел Прайм. – закончил Сигил.

«О нет, - подумал Орион Мирный, - Так нельзя! А если мы не найдем его в ближайшее время?.. На что же нам полагаться? Ведь, таким образом, отсутствует структура, которая могла бы решить проблемы, которые мы подняли...»

Он посмотрел на Мегатрона и по выражению его лица понял, что он думает о том же самом. Вот только очень по-разному они отреагировали. Вид Мегатрона, казалось, говорил о том, что он с большим удовольствием возглавил бы полное и окончательное разрушение структур кибертронской цивилизации. А Орион Мирный хотел свободы. Но если это значит, что не будет Кибертрона, не будет ни Иакона, ни Гидракс, ни Соник-Каньонов... разве такая свобода несет благо?

- Тихо! – прикрикнул Галоген. – Не время для комментариев из галереи. Пока здесь говорит Верховный Совет, и обсуждение еще не окончено. – Советник взял паузу, чтобы собраться духом. – В отсутствие Сентинела Прайма мы должны предпринять некоторые меры, в которых предпочли бы проявить личную инициативу.

- Что вы подразумеваете под этим? – обратился Мегатрон. – Если сейчас момент кризиса, как вы говорите, в такое время нужно не речи произносить. Ну-ка послушаем, что у вас на уме, только четко и по существу!

Галоген смерил его взглядом, полным оскорбленного достоинства, но смолчал. В этом взгляде Орион Мирный мог прочесть все, что было не так с Кибертроном, все, что будоражило в нем жажду перемен. Неужели кто-то волнуется по поводу протоколов Верховного Совета, по поводу соблюдения Галогеном приличий, по поводу грандиозной театральности в размахивании молотками и затыкании недовольных на галерее? Ничто из этого не было настоящим. Ничто не имело значения.

Потому что где-то в яме под поверхностью, может, в Каоне, может, в Иаконе... прямо сейчас умирает очередной гладиатор.

- Что ж, скажу так четко и по существу, как могу – сказал Галоген.

Мегатрон попытался было что-то возразить, но Орион Мирный положил руку ему на плечо.

- Давай послушаем, что они скажут, - сказал он тихо.

Мелькнул момент напряжения, но затем Мегатрон расслабился.

- Там имели место попытки обнаружить Матрицу Лидерства, - сообщил Рэтбэт. – Мы подозреваем, что за этим стоят бойцы тех десептиконов.

- Кажется (по крайней мере, очень вероятно), что какая-то группировка недовольных, провозгласивших себя десептиконами, имеет отношение к этим поискам – заметил Контрейл. –

Как же нам узнать правду, не Мегатрон ли или Орион Мирный, если на то пошло, могли это спланировать?

- Орион Мирный отрекается от именования «десептикон» – отметил Галоген.

- Кто же тогда запустил шпионов, чтобы они обшарили старые руины и прокрались мимо систем безопасности в Хрустальном Городе? – прозвучал голос из галереи.

Сходу никто не мог сказать, кому он принадлежит, но Орион Мирный узнал этот голос. Это был Мегатронов специалист по шпионажу, Саундвейв.

Орион Мирный не понимал, что происходит. Похоже, его пытаются поставить на определенную позицию и только и ждут, чтобы он ее занял. Саундвейв не чувствовал к нему доверия с момента их знакомства в огромном, сверкающем здании в форме пирамиды в Каоне – мозговом центре всего того, творил Мегатрон.

Что бы ни случилось, решил Орион Мирный, ни в коем случае нельзя поворачиваться к Саундвейву спиной.

- Матрица Лидерства в большей степени, чем любой реликт эпохи Праймов, определяет будущее кибертронского общества: она отмечает лидера кибертронцев, окончательно и бесповоротно. – Галоген стоял немного в стороне от своей трибуны, что позволяло присутствующим на галереи лицезреть его в полный рост, а не как бюст, торчащий за мебелью. – Однако Матрица дается не всякому, кто пытается найти ее. Скорее это она находит тех, кто имеет характерные качества, чтобы заслужить ее.

- И до сих пор никто из тех, кто искал, не нашли Матрицу. А это значит, - добавил Рэтбэт, - Что она пока не позволяла себя обнаружить.

Очень необычно было для Рэтбэта упоминать мифологию или сроки более отдаленные, чем ближайший мегацикл. С чего это он вдруг подключился к экскурсу Галогена о природе Матрицы Лидерства? Ориона Мирного терзали подозрения. Он заметил, что и Мегатрон находится в замешательстве.

Не подозревая, какие мысли занимали присутствующих в Зале, Галоген продолжал наседать.

- Этот орган, Верховный Совет Кибертрона, понимает, что ситуация в наших городах выходит из-под контроля. Отчасти это происходит из-за отсутствия руководства, что и объясняет внезапный скачок интереса к Матрице Лидерства и появление поисковых групп. Но, как мы уже разъясняли, Матрица не явит себя первому попавшемуся.

Контрейл вышел вперед и встал у плеча Галогена.

- Есть один вариант решения вопроса. Мы советовались с архивариусом Городского Архива, и он открыл нам некоторые вещи, которые мы не знали...

- Ну же, выкладывайте!.. – пробормотал Мегатрон так тихо, что его слышал лишь Орион.

Что они вообще собираются предпринять? Орион Мирный не разбирался во всех тонкостях церемониальных обычаев. Да, Матрица Лидерства была потеряна. Да, кому-то придется

ее искать, причем, не дожидаясь возвращения Сентинела Прайма. Но какое это имеет отношение к проблеме классов и самоопределения личности в обойденных вниманием кибертронских классах?

Орион Мирный особо не следил за Верховным Советом. Однако он не думал, что они находятся в какой-то нерешительности и колебаниях. Создавалось впечатление, будто им указали на ошибку, и они пытаются исправить ее, но при этом избегая признания собственной неправоты.

- Матрица Лидерства находится на Кибертроне, хотя ее не видели уже много миллиардов циклов. – Галоген говорил уверенно. – По словам архивариуса Альфа Триона, в эти беспокойные времена она может быть найдена, и ее нахождение приведет всех кибертронцев к новой эпохе по иному пути.

Галоген указал молотком на Ориона Мирного и Мегатрона.

- Вот оно... - сказал Мегатрон тихо. Так тихо, что Орион засомневался, верно ли расслышал.

А затем Галоген сказал:

- Орион Мирный, мы поручаем поиск Матрицы Лидерства тебе.

Внезапно стало очень тихо, настолько, что Орион Мирный только тогда понял, сколь шумно было в помещении, наполненном кибертронцами, когда они разом затихли. Как будто Верховный Совет и весь Зал, каждый присутствующий, приостановили свои функции, замерли в пространстве и во времени, когда смысл фразы верховного советника стал ясен.

Орион Мирный не мог поверить в то, что услышал; как им вообще такое пришло в голову.

- Простите? – перепросил он, будучи уверенным, что когда Галоген вновь заговорит, недоразумение прояснится.

По сравнению с Орионом Мирным, безмолвие Мегатрона было безмолвием выведенных из эксплуатации заводов в давно вымерших городах.

Советники, все как один, опустили молотки вниз и отдали честь. Нет, Орион Мирный пытался говорить – но остановился, потому что он не мог перебивать Верховный Совет. И потому что он понял, что не ему ставить под сомнение веру своего народа. Возможно, Матрица Лидерства была мифом, возможно, - нет. Но Орион Мирный поверил в нее. Но не потому, что он верил всему прочитанному в записях Архива.

Он доверился, потому что знал об истинной истории Кибертрона, за исключением тех промежутков истории, которые время и обстоятельства скрыли от него.

И наконец, он доверился, потому что лидеры должны были действовать на благо интересов Кибертрона. Если он разделял эти убеждения, то никак не мог мешать Совету.

- Матрица Лидерства – цель твоего поиска, так что вперед! – голос Галогена прозвучал на фоне изумленных возгласов в галерее. – Ты – Оптимус Прайм. Ты объединишь Кибертрон и всех трансформеров. И положишь начало новой эре, о которой столь красноречиво говорил.

Орион Мирный подумал, что Альфа Трион оказался прав... Неужели он заранее обо всем знал? Не об этом ли они говорили во время своих бесед?

Но откуда он мог знать?

Глава 15

Нависла напряженная пауза на один наноклик. А затем Зал Верховного Совета заполнился вихрем разнообразных реакций: возмущенные вопли руководителей Гильдии, которые не могли поверить, что Совет возложит такую серьезную миссию на безвестного служащего; бодрые аплодисменты от собратьев-служащих Ориона Мирного; шквал злобы от гладиаторов, которые собрались со всех Пустошей и, видимо, ожидали чего-то вроде коронации для своего лидера Мегатрона.

Орион Мирный замер в ошеломлении. Он оглядывался по сторонам, не в состоянии постигнуть масштабы произошедшего. Оптимус Прайм? Теперь он Оптимус Прайм?

Имел ли право обычный служащий называться Праймом и искать саму Матрицу Лидерства?

Но как только он сформулировал вопрос, в голову тут же пришло другое: имел ли он право отказаться?

Верховные советники проводили выполнение воинского приветствия целый цикл, а затем остановились и отступили назад за свои трибуны. Все, кроме Рэтбэта, который остался стоять у своей, на возвышении. Галоген постучал молотком и дал знак Оптимусу Прайму выйти вперед.

- Во время великих лишений, - прозвучал голос советника сквозь мало-помалу затихающую сумятицу, - Кибертрон призывает тех, в ком подлинно горит искра благородства. Оптимус Прайм, ты должен подумать о том, как преодолеть тяжелые времена, которые нам предстоят.

Оптимус Прайм подошел к свидетельской трибуне. Дойдя до нее и явственно ощущая пристальное внимание со всех сторон, он замер.

- Но я не достоин такого... - произнес он слабым тоном.

- Какое показушное смирение! – заключил Мегатрон.

Его рык, прозвучавший на низком диапазоне, адресовался лишь Оптимусу Прайму, смотревшему на него в шоке. Он не заметил, что Мегатрон приблизился к постаменту вместе с ним.

- Прекрасное смирение на публику! – повторил Мегатрон, на этот раз громче.

Он повернулся, обращаясь к галерее.

- Мой друг Орион Мирный пришел сюда сказать, что он хотел поиграть в миротворца. Что он не хотел, чтобы отдельные инциденты насилия переросли в гражданскую войну! Он попросил меня явиться сюда под знаменем дружбы и доверия. Он собрал всех нас здесь якобы под эгидой примирения. Тогда как на самом деле его цель – получение власти!

Последнее восклицание Мегатрона вызвало громовую реакцию. Его сторонники занимали основные места в передних балконах, а единомышленники Оптимуса Прайма расположились как

раз напротив Мегатроновых последователей, на верхних балконах, и наблюдали происходящее в Зале сверху.

Оптимус Прайм развернулся и поднял руки в успокаивающем жесте, неосознанно и не рассчитывая, что это сработает. Однако, к его собственному удивлению, сработало.

- Я не хотел этого, - произнес он. – Я до сих пор не хочу. Что до меня, я предпочел бы остаться служащим, читать данные, поступающие к моему рабочему месту из Сети.

Но я верю в Кибертрон. Я верю в историю, которую я читал, пока был служащим. Верю в предания, которые гласят, что если Кибертрон нуждается в ком-то, этот кто-то непременно найдется. Он осветит Кибертрон в самый темный час⁷⁵.

Не знаю, буду ли это я. Но я отношусь с уважением к Верховному Совету и уважаю наши традиции, и если они говорят, что я... Что ж, я постараюсь выполнить то, что от меня ждут.

Он опустил руки и оглядел Зал Совета. А затем бросил взгляд на Мегатрона.

- Брат! – позвал он. – Ты же веришь мне... Неужели нет?

- Оптимус Прайм... - откликнулся Мегатрон.

Растянулось долгое мгновение, и под пристальным взглядом Мегатрона Оптимус Прайм снова ощутил себя Орионом Мирным, простым служащим, который оказался втянут в события, слишком крупные, чтобы справиться с ними, и слишком важные, чтобы он мог постичь их смысл. Затем Мегатрон отвел взгляд и произнес:

- Теперь не имеет значения, верю ли я тебе, брат. Я верил раньше. Мы начали этот путь вместе. Мы пройдем его бок о бок. Если Верховный Совет считает, что ты новый Прайм, то это их право.

Всего в один нанолик в сознании Оптимуса Прайма пронеслась мысль, что Мегатрон находился в шоке и ошеломлении. Но внезапно Мегатрон ошеломил его самого. Обращаясь вновь к аудитории, он вскричал:

- Оптимус Прайм! Не это ли ключ к лидерству? К славе героя? Неужели Кибертрон воззвал в час нужды и нашел... библиотекаря?!

- Брат... - произнес Оптимус Прайм.

- Не брат больше! – отрезал Мегатрон. Затем он продолжил, обращаясь к Верховному Совету. – Этот... фарс... Вот еще один случай в длинной череде несправедливостей, которая в конце концов заставила незаметные классы Кибертрона взяться за оружие. Обвиняйте их, если вам так нужно, но вина также лежит на вас. Вы видите кибертронцев, которым осточертело находиться под ярмом классов и Гильдии. И что вы делаете? Вы бросаете войска. Эти боты не сдаются вашему ополчению. И как вы поступаете? Вы выбираете нового Прайма. Новый лидер. Новый деспот – провозгласил он, возвышая голос и поворачиваясь к галерее. – Новый деспот защитит Верховный Совет, чтобы они могли безопасно торчать за своими трибунами, и сохранит

⁷⁵ Это отсылка к знаменитой фразе из анимационного фильма «Трансформеры» 1986 года.

Кибертрон для руководства Гильдии и зрителей классов, чтобы они держали низшие классы внизу в ямах! – обращаясь к сидящим на балконах, он закричал, - Неужели вы останетесь в ямах?!

- НЕТ!

- Вы допустите, чтобы вас поставил на место этот Оптимус Прайм, эта пешка Верховного Совета, что будет держать вас в яме?!

- НЕТ!

- Видишь, брат? - сказал Мегатрон, делая язвительный акцент на последнем слове, когда он повернулся к Оптимусу. – Они не хотят твоего контроля. Они хотят быть свободными.

- А я не собираюсь их контролировать, - ответил Оптимус Прайм. – Я верю, как и ты, что свобода – это право всех разумных существ⁷⁶.

- Ложь! – лицо Мегатрона было искажено злобой, от накала эмоций у него едва не случилась частичная трансформация.

- ЛОЖЬ! – вторили с балконов.

- Нет! – закричал Оптимус Прайм. – Я не хочу лидерствовать, но буду, если должен. И если ты откалываешься от всех законов Кибертрона и от всех традиций Праймов, тогда повести кибертронцев должен я. Я предпочел бы работать с тобой, брат, и изменить то, что, как мы оба знаем, нуждается в переменах. Но это не приведет никуда.

- Не тебе рассказывать мне о пути вперед, - сказал Мегатрон неприветливым тоном. – Я нашел его, еще когда ты выцеживал данные из Сети. Все, что ты знаешь о пути решения вопроса, ты узнал от меня. И всем, что ты обрел на сегодняшний день, ты тоже обязан мне. Итак, Верховный Совет назвал тебя Праймом? А я отказываюсь им повиноваться! Я возглавляю десептиконов Кибертрона и борюсь за свободу для всех кибертронцев!

Голос Галогена прорезался через нарастающий ропот недовольства.

- Тебе придется уйти, Мегатрон! Тоже мне – взял себе карт-бланш! Ты не переломишь ситуацию в этом Зале на свою позицию!

- Тогда этот Зал недолго пробудет твоим, Галоген, - отозвался Мегатрон. – Ты должен положиться на Оптимуса Прайма, которого вы провозгласили лидером, не так ли? Ну что ж, а я отказываюсь признать его своим лидером. Я бросаю вам вызов! Вы предали идеалы, вами же провозглашенные!

Бросив гневный взгляд на Оптимуса Прайма, Мегатрон добавил:

- И ты, брат... Ты предал идеалы, которые исповедовал мне изначально. Я должен был предвидеть...

- Не смей так говорить с Праймом... - начал Галоген, но закончить ему так и не удалось, потому что Мегатрон окончательно вышел из себя.

⁷⁶ «Каждое живое существо имеет право на свободу» - лозунг Оптимуса Прайма, известный со времен сериала Г1.

Его ладонь описала полу-дугу в трансформации, открыв дуло термоядерной пушки, которая, испустив актинический⁷⁷ синий разряд, разнесла трибуну Галогена на кусочки.

В конференц-зале все остолбенели. Такого оружия никто раньше не видел.

Затем несколько вещей случились одновременно. Элитная Стража – 26 тяжеловооруженных мощных ботов – выскочила из каждого закоулка конференц-зала, чтобы окружить сплошной линией обороны помост советников, на котором располагались трибуны. Теперь их было не 13, а 12, с дымящимся провалом между двумя из шести. Рэтбэт в панике вскочил на плечо Контрейла. По Залу раздалась щелчка оружия, выхваченного из кобуры или наведенного на цель, – это последователи Мегатрона приготовились открыть огонь по верхним балконам. В галерее поддерживающие идею об автоботах кибертронцы приняли боевой строй, моментально очерившись ракетами, дулами пушек и ручным оружием, в котором мигала и шипела скрытая энергия.

- Остановитесь! – приказал Оптимус Прайм.

Он подумал, что если каждый вооруженный бот в Зале сразу же бросится в бой, здание не выстоит. И это не говоря уже о жертвах среди тех, кто наиболее важен для Кибертрона в предстоящей войне.

Потому что Оптимус Прайм начал понимать, что независимо от его намерений, независимо от его идеалов, ему не удастся заставить Мегатрона свернуть с пути, который он избрал.

И увлечь за собой его последователей.

Оптимус Прайм шагнул между Мегатроном и сосредоточившей огневые средства Элитной Стражей.

- Вы не будете стрелять по нему, - сказал он. – Не в Зале Совета. Если я Прайм, и я отдаю приказ, вы должны подчиниться.

Последовала пауза, и стражники опустили оружие.

«Да, - подумал Оптимус Прайм, - у меня есть власть...».

- Неплохо, Прайм, - произнес Мегатрон за его спиной. Презрение в его голосе ранило Оптимуса, но он не подал вида. – А что если бы я приказал своим гладиаторам стрелять в тебя? Как ты считаешь, они стали бы колебаться, потому что ты Прайм?

- Я считаю, что каждый кибертронец должен верить в идеалы Кибертрона. – ответил Оптимус Прайм, не оглядываясь. – Если мне суждено погибнуть за веру в эти идеалы, что ж, так тому и быть.

Снова тишина, более короткая, чем в прошлый раз, но не менее напряженная. По краям балконов торчали гладиаторы с оружием, напоминая сенсорный массив на грани обращенной к планете космической станции. Другой массив дул пушек и антенн возник вокруг помоста Совета. Третий, автоботский, в первую очередь был сосредоточен на том, чтобы открыть ответный огонь

⁷⁷ Луч энергии, обладающий сильным химическим и электрическим действием.

по десептиконам, хотя некоторые из них направили оружие за Оптимуса Прайма, в сторону Элитной Стражи.

Противостояние. Оптимус Прайм ощутил смутное тревожное предчувствие, что оно было не последним.

Он ждал, не оглядываясь назад на Мегатрона.

- Десептиконы! – прокричал Мегатрон. – Отступаем! На этот раз...

Эхом раздались звуки щелчков, десептиконы спрятали свое оружие и тихо выстроились в шеренгу, ожидая следующей команды. Оптимус Прайм повернулся к другу.

- Я ценил твои советы – произнес он. – И твою дружбу.

- И я твою также ценил до твоего предательства – ответил Мегатрон. – Но теперь ты сделал выбор. Ты попал в ловушку их лжи, и я уже могу сказать, что тебе по нраву находиться в их ловушке.

Мегатрон сделал шаг назад и дал сигнал гладиаторам. Нет, не только им – заметил Оптимус Прайм. Несколько ботов на площадке отреагировали на сигнал и также приготовились.

- Видишь, как много наших здесь, всего лишь здесь? Много ли остальных, как ты думаешь, поджидают тебя снаружи, в Пустошах, или в подземных уровнях? Так ты готов к смерти?

- Я готов сделать все, что должно быть сделано. Неважно, как много десептиконов ты выволок наверх из этих ям! – произнес Оптимус Прайм, позволив гневу взять над ним верх.

- И неважно, как много автоботов ты приволок из библиотек и художественных галерей – откликнулся Мегатрон, его голос был полон холодной ярости. – Мои десептиконы тебя встретят. У тебя есть поддержка Совета, но мы увидим, кто возьмет Матрицу в итоге!

Он трансформировался, и каждый десептикон в Зале последовал его примеру.

Те, кто был на колесах или гусеницах, проломили дальнюю стену Зала Совета, в результате чего она рухнула за их спинами, и два нижних балкона повисли под углом. Крылатые десептиконы зависли под куполом над помостом Совета в шуме лопастей и двигателей и ожидали последних указаний.

Мусор валился сверху на помост и площадку. И оставшиеся боты уворачивались или, если были немного смелее, пытались отбивать куски металла и бетона по сторонам. Мегатрон быстро скользнул в дыру в куполе и скрылся в сопровождении окруживших его сикеров. Оптимус Прайм отметил, что с ними ушел Контрейл и Рэтбэт, тайком покинувший свой пост, этот пережиток эпохи рабства у квинтессонов.

Оптимус Прайм смотрел им вслед, тяжелые мысли крутились в его сознании. Мегатрон скомпрометировал себя. Теперь пути назад не было.

В тишине своего кабинета Альфа Трион положил руку на «Завет» и вслух, но тихо произнес имя: «Оптимус Прайм».

Власти Кибертрона последовали его совету. Теперь остается только наблюдать, проявят ли они – и остальные кибертронцы – мужество и силу, чтобы следовать за этим новым Праймом.

И это, полагал Альфа Трион, все еще находилось в той части «Завета», которая была для него непостижима. Это часть будущего была мрачной, беспокойной. Что станет с Кибертроном? Ответ зависел от стойкости и силы воли двух личностей: Мегатрона и Оптимуса Прайма.

Они, учитывая честолюбие и идеалы, которые довели их до этого противостояния, в точности шли тем путем, что и был предопределен.

И тем не менее Альфа Трион все еще пребывал в беспокойстве. Наступали опасные времена.

Из «Завета Праймаса», книги гражданской войны, написанной рукой Альфа Триона

После войны Праймов и тяжелых послевоенных лет я никак не ожидал увидеть Кибертрон снова в том же состоянии. Я видел, как появился и расцвел Золотой век Кибертрона. Я видел, как наша цивилизация отправилась к иным звездным мирам, и ощущал уверенность, что Праймас мог взирать на нас, своих созданий, с гордостью. Затем на моих глазах произошел пик расцвета Золотого века и начало медленного угасания вплоть до застоя... А где застой, там и распад. Через космические мосты проводили все меньше и меньше кораблей, все чаще и чаще случались перебои, сообщества кибертронцев цементировались в определенной линии общественной и профессиональной жизни, и все великое в нашей цивилизации было потеряно. Мы заплутали, еле передвигали ноги, забыв о дерзновении, которое некогда вело нас выше и выше.

Когда оформилась классовая система и Гильдия возникла, чтобы укрепиться в виде повальной бюрократии нового Кибертрона, я удалился. Последний из Праймов, остаток от прежней великой эпохи, я занял место в глубочайших недрах этого памятника истории, - иаконского Городского Архива. Кибертрон застыл в своем состоянии однообразия и классовой расслоенности. Я вел записи, царапал Пером, которое я сейчас держу в руке, и уменьшалось число пустых страниц в «Завете Праймаса».

Я пытался расшифровать те страницы «Завета», в которых шла речь о ближайшем будущем. И беспокойство стало моим спутником. Меня не покидало дурное предчувствие, которое лишало меня радости даже в те редкие мгновения, когда хотя бы малая толика знания или понимания приходила из недр архивов... или от аналитических способностей моей армии служащих, рассредоточенных для отслеживания миллиардов передач, которые стремительно проносились через Сеть каждый цикл.

Энтропия или осознание пустоты было другим моим спутником. Это было одной из причин, почему Орион Мирный с его самоотверженностью и неустанной внимательностью выделялся среди остальных служащих. Казалось, он сопротивляется автоматической монотонности процедуры поиска и сбора данных, что наоборот - размер и масштаб задачи придают ему силы.

Но все-таки не поэтому я понял, что ему суждено стать новым Праймом.

Это понимание было результатом наблюдений, поисков и риска... Архивариусу вроде меня трудно признаться, что это была...

Интуиция.

Орион Мирный казался иным. Он был скромным, но надежным, скрупулезным при выполнении возложенных на него задач, и еще он не боялся получить результаты, которые выходят за рамки или противоречат стандартным параметрам.

И когда он начал отмечать, что некоторые гладиаторы, забыв о свирепости Каонских ям, стали перерастать в нечто большее, Орион Мирный мог выбрать одно из двух. Он мог проигнорировать эти данные, как не имеющие значения, и, таким образом, продемонстрировать приверженность классовой системе, которая ненавистна этим гладиаторам. Или мог передать эту

информацию без комментариев своему начальству, которое, возможно, тоже проигнорировало бы ее из-за приверженности классам или наложило запрет на инакомыслие, не допытываясь до его источника.

Орион Мирный не сделал ни того, ни другого. Он исследовал, анализировал, сопоставлял, и когда это показалось ему недостаточным – отправился к тем, кто был недоволен. Он постигал.

Он сопереживал. Свободный от предрассудков своего времени, он стремился видеть четкую картину.

Когда я предложил на рассмотрение Верховному Совету Кибертрона идею о том, что Орион Мирный был Праймом, упоминаемым в «Завете» - тем Праймом, что стал бы доблестно бороться с силами, которые разделят Кибертрон во время гражданской войны трансформеров – я был убежден, что не ошибаюсь, но так же я был убежден в том, что Совет этого не воспримет. И тут я был неправ. К счастью, я ошибся. Ведь если бы Верховный Совет не провозгласил Ориона Мирного новым Праймом, движение автоботов, возможно, потерпело бы полный крах.

Хотя и так перспективы выживания автоботского сопротивления следует оценивать как неопределенные в лучшем случае.

В считанные циклы после стычки в Зале Верховного Совета восстание десептиконов распространилось по Кибертрону. Если десептиконы преуспеют в достижении своей цели по захвату планеты и установят на Кибертроне свой особенный тип анархической тирании, боюсь, что моя настоящая личность недолго пробудет в секрете. Но раскроют меня или нет, записи, которые я оставляю, меня переживут. Вот причина, почему я намерен собрать все, что мне известно о событиях гражданской войны, как они разворачивались. Словом, я следую примеру Прайма, которого сперва я учил своим примером.

Первая битва была за форт Скайк, с которого просматривался город Станикс и который служил ему защитой. Десептиконы, ведомые Мегатроном, который сам выступил во главе воздушного строя сикеров, атаковали без предупреждения. Гарнизон форта, облевившийся и скучающий за годы однообразия и закованности классовой системы, был захвачен врасплох.

По сетевой камере с верхушки административного комплекса в Станиксе нападение десептиконов сначала выглядело, словно метеоритный дождь, бьющий по стенам форта огнем и каскадами расплавленных обломков. Затем трансляция прервалась, поскольку десептиконы уничтожили коммуникационную инфраструктуру в Станиксе, тогда как их наступательные силы продолжали атаку форта.

Защитники форта бились храбро, но они не получали никакого подкрепления. Изнутри форта и вдоль его стен боты сосредоточились на позициях под безжалостными объективами камер систем безопасности. Десептиконы-сикеры, даже без своего лидера Старскрима, обрушили шквал ракет на оборонительные позиции. Ответным огнем удалось сбить некоторых десептиконов, но те, кто пережил падение, трансформировались в форму робота и бросились на войска гарнизона в свирепой рукопашной схватке. Оборонительный огонь новым потоком хлынул со стен.

Десептиконы сражались безжалостно, но аккуратно. Что они хотели, так это захватить форт и использовать его, а не разрушать. Уничтожение гарнизона шло сначала медленно, но затем гораздо быстрее, когда прибыли их сподвижники, трансформирующиеся в наземную технику, и устроили танковую атаку на главные ворота форта Скайк.

Ворота взорвались под ударами противобункерных авиабомб, доставленных – как я выяснил позже – из космоса. Так Старскрим все-таки был с этим связан. Нахлынули десептиконские наземные войска. Инстинкты гладиаторов были отточены военной подготовкой, проведенной в пирамиде Каона. Они сражались, как опытные воины, которыми, в сущности, они и были. У гарнизона не было шансов.

Старший офицер ополчения в форте Скайк передавал сигналы бедствия и боевой тревоги, но подмога не приходила. На нее даже нечего было рассчитывать. Оптимус Прайм принимал первые трудные решения своего лидерства. Он осознавал, что солдаты умрут и что командиры армий в иной момент должны позволить свершиться их гибели ради высших целей.

Если он не смог спасти ополчение в форте, Оптимус Прайм мог по крайней мере использовать время, накопленное во время нападения десептиконов. Пока они заняты, он может собрать все имеющиеся силы и сделать все возможное, чтобы сплотить всех не определившихся кибертронцев под знаменем автоботов.

- Джаз... - сказал он позже при известии, что форт Скайк пал, и его гарнизон уничтожен. – Я не хотел этого...

- Но также ты не пошел на попятную, - отметил Джаз.

Они находились в Городском Архиве. Я могу видеть и слышать их из любого места в здании. Сюда Оптимус Прайм вернется всегда, покуда это здание существует.

- Да мог ли я пойти на попятную? – спросил Оптимус.

- Может, лучше не возлагать на себя бремя, когда ты знаешь, что не в силах его нести – произнес Джаз.

- Я могу нести его.

Джаз кивнул.

- Верю, что ты сможешь. Но это при условии, что ты прекратишь оплакивать каждого солдата, который погибнет на этой войне. А то так сам не уцелеешь.

- Джаз! – Оптимус Прайм повернулся к своему другу, на его лице высвечивалась ярость. В нем пробуждалось душевное волнение, он приближался к пониманию грандиозности и важности своей роли. – Я буду оплакивать каждого автобота и каждого невинного, кто погибнет. Этим я отличаюсь от Мегатрона.

- Только этим? – спросил Джаз.

Оптимус Прайм не ответил.

Осада плато Гидракс последовала вскоре после падения форта Скайк. Космодром, который располагался на плато, сыграет ключевую роль в войне. Обе стороны осознавали это, и это знание послужило причиной того, что эта битва стала первой, в которой каждая сторона сконцентрировала все ресурсы, которые только смогла собрать. Наземные войска десептиконов наступали с двух направлений: с востока, от форта Скайк, и с юга – с Пустошей, что простиралась от Слоутер-Сити до Каона и дальше. Это была территория десептиконов – вся целиком, включая даже коварную и изменчивую гладь Ржавого моря. У автоботов не было ни налаженной сети снабжения, ни поддержки со стороны нейтрально настроенных местных жителей... Все, что у них было, это воля и вера.

Этого было недостаточно, но они бились, как если бы было.

Наступление из форта Скайк сдержал и заставил отступить полк под командованием сержанта из войск Совета, недавно присоединившегося автобота по имени Ультра Магнус. Дерзкий, искушенный в искусстве стратегии и храбрый до безрассудства, Ультра Магнус колотил по хребтине десептиконские войска. В буквальном смысле – ведь его любимым оружием был молот, настолько заряженный энергией, что при ударе он испускал электромагнитные импульсы на частоте, которая наносила урон сенсорным аппаратам его врагов⁷⁸.

Пришедшие из Каона десептиконы не были готовы противостоять такому оружию. Также они были не готовы к столкновению со смекалистым Ультра Магнусом. Несмотря на численное превосходство и лучшее снабжение энергоном, десептиконское наступление застопорилось. Впрочем, тем временем отдельные удары с юга пробивали периметры автоботской обороны.

В этой битве Оптимус Прайм в первый раз в жизни сражался насмерть, убивал в первый раз и видел смерти друзей и врагов на поле боя. Он был готов – весьма готов – отдать жизнь. Лишь благодаря влиянию его старого друга Джаза удалось убедить его совершить благоразумное отступление, сохраняя силы на будущее.

Первым десептиконом, которого он сразил в качестве лидера автоботов и потенциального спасителя свободы Кибертрона, был промышленный дрон, бывший рабочий из низшего класса по имени Дриксо⁷⁹. Пробивающийся через главную линию обороны, прекрасно освоивший рукопашный бой на аренах Бластер-Сити, Дриксо крошил автоботов на куски своим виброклинком. Он бросился на Оптимуса Прайма через разлом между двумя пластинами угловой стали, которые слегка оплавилась от жара, оставленного при ударе оружием.

Оптимус Прайм изучал боевую карту, которую он только что получил от Джаза. Тот сразу же вернулся в бой, чтобы сдержать натиск десептиконов на хребте у северо-западного мыса на плато Гидракс. Лучи энергетических разрядов расчертили небо над головой. Позиции автоботов были неустойчивые. Дриксо перепрыгнул через тело умирающего автобота, который до войны был подсобным рабочим в «Шести лазерах» и присоединился к автоботам из-за атаки десептиконов на парк. Но Оптимус Прайм заметил его приближение. Он навел ионные пушки и выстрелом отбросил Дриксо в сторону, так и не узнав его имени. Так и не узнав его мотивов,

⁷⁸ Это описание напоминает персонажа Ультра Магнуса из сериала «Transformers Animated». Тот имел сходное оружие.

⁷⁹ Это имя встречается только на страницах «Исхода» в настоящий момент.

почему он решил присоединиться к десептиконскому мятежу. Так и не узнав историю Дрикса, потому что все, что в данный момент было важно, - это его смерть.

После убийства этого неизвестного десептикона Оптимус Прайм поймет раз и навсегда, что на нем лежит ответственность за ход этой войны.

Он предпочел бы - он всегда твердил мне об этом, и я верю, что это так – предпочел бы убеждать своих противников в спорах, но это было невозможно. Совершив в один момент убийство, он практически прочувствовал, что убийство само по себе было доказательством того, что он находится не на той стороне. Для чего сторонникам правого дела в этом конфликте пришлось убивать братьев-кибертронцев?

Я думаю, что Оптимус Прайм до сих пор не нашел ответа на этот вопрос и вряд ли когда-нибудь найдет...

К концу осады плато Гидракс основные члены отряда Ультра Магнуса успели прославиться как рэкеры⁸⁰, а Ультра Магнус зарекомендовал себя как незаменимое звено в войсках автоботов.

Но это не повлияло на развитие событий. В конце концов, космопорт пал, и плато Гидракс вместе с ним, и большая часть восточного полушария Кибертрона попала в руки десептиконов. Там она и осталась, если не считать несколько стычек да храбрых, но мимолетных налетов в течение войны. Единственная разведка, которая докладывала о немногочисленных автоботских шпионах, которые окапывались внутри периметра десептиконской территории, - это Старскрим, изредка показывающийся на станции. По всей видимости, он проводил большую часть времени со своими сикерами, занявшими одну из лунных баз и следившими за станцией «Триптикон». Никто пока не знал, зачем все это.

Вскоре после захвата космопорта центр управления на Полигексе также оказался в руках Мегатрона. Пока рано делать заключения, но, похоже, десептиконы лучше организованы и более жаждут битв. Вполне возможно, что они получают больше поддержки со стороны разобщенных слоев населения. Что ждет Кибертрон?

Может быть, мне не следовало удивляться тому, что Полигекс пал так быстро вслед за Гидраксом и фортом Скайк. В конце концов Полигекс был родным домом и все еще оставался руководящим центром политической поддержки для миникона из Верховного Совета – Рэтбэта.

И вот новая большая потеря на этой войне. Разрушен Хрустальный Город.

Я помню, когда он был построен некоторыми из величайших ученых умов Кибертрона, включая Шоквейва, который теперь перешел на сторону десептиконов. Это его изобретением в области материаловедения был особый прочный кристаллический материал для Хрустального Города, он разработал конструкцию и дал ей широкое распространение. В первый раз, когда я

⁸⁰ the Wrecker (англ.) - это слово может означать «крушитель», «мародер», «саботажник», и в то же время «спасатель», «эвакуатор», «техническая помощь». Это отряд доблестных и очень крутых автоботов упоминается в комиксах, сериалах, а также в третьем фильме Бэя, где отряд рэкеров рвал на части десептиконов в самом буквальном смысле.

побывал там, казалось, это место подходит Праймам. Меня огорчало, что из Праймов я один остался на Кибертроне.

И теперь Хрустальный Город разрушен. Мегатрон проник в сердце кибертронской цивилизации. Он опустошил оплот нашей науки. Я боюсь за наше будущее.

Появилась новая группа десептиконов, которые называют себя конструктиконами⁸¹. Древнее искусство создания гештальта старо, как сам Кибертрон, но десептиконы под руководством Шоквейва возвели его на новые и страшные высоты. Перед тем как субматрица Сети⁸² в Хрустальном Городе была разрушена, они объявили о себе способом ярким и столь разрушительным – они слились в гигантского робота, зовущегося Девастатором.

Я предполагаю, что Девастатор состоит из 7 конструктиконов, хотя по сохранившимся записям точно нельзя сказать. Что не вызывает сомнений, так это то, что слияние в Девастатора негативным образом сказывается на составляющих его трансформерах, перетягивает некоторую часть их разума на поддержание гештальта. В результате гигант обладает меньшим уровнем интеллекта – хотя невообразимо большей мощностью – чем его составляющие по отдельности.

Девастатор возник в потоке света, исходящего из Преломляющихся Садов Хрустального Города, одного из самых красивых творений всей нашей цивилизации. Более могучий, чем любой маневренный трансформер, которого мне когда-либо доводилось видеть, он сеял опустошение с такой силой, которую мне еще не доводилось видеть у трансформеров. Он разбил внешнюю стену Хрустального Города на сотни сверкающих осколков, которые заблестели, словно по ним пропустили ток. Затем с той же легкостью он расправился с ополчением Города.

За ним повалили другие конструктиконы. Я видел гештальты и раньше, но в этот раз впервые лицезрел, сколь много ботов требуется для создания такой поразительной убийственной мощи. В этот момент я понял, что ученый Шоквейв каким-то образом сделал реконфигурацию Девастатора. Не могу сказать, что я был потрясен, но, признаюсь, это вызывало беспокойство: если Шоквейв создаст еще больше гештальтов вроде Девастатора, я не знаю, как автоботы устоят против них.

Разрушение Хрустального Города было самым красивым зрелищем, какое я когда-либо видел. Строения и памятники переливались всеми цветами радуги, когда они разбивались под огнем лазеров или простым ударом кулака или ноги... Ничего похожего не доводилось раньше видеть во вселенной. Города не стало, и я оплакивал эту потерю. Но если ему суждено было погибнуть, я рад, что его разрушение уберет кибертронцев в будущем от повторения подобного. Никогда еще не доводилось видеть глазами такого цветового зрелища, такого слияния искусства и бесчинства.

Сенсорные Башни, обсерватории, в которых находится инструментарий, моделирующий любой энергетический спектр, рухнули, подняв серебряные столпы, их поглотило бушующее пламя, вспыхнувшее у их оснований - обреченные защитники устроили опасный поджог, чтобы хоть как-то замедлить вторжение конструктиконов.

⁸¹ Конструктиконы известны с сериала Г1, в котором они сами являлись строителями Хрустального Города. Но подвергнувшись действию робоукротителя Мегатрона, стали злыми разрушителями и уничтожили свое творение, попутно предав и презрев Омегу Суприма, с которым их некогда связывала дружба.

⁸² По всей видимости, под субматрицей подразумевается некий комплекс чувствительных детекторов, связанных с коммуникацией в Хрустальном Городе.

Но все было напрасно, так как за конструкторским авангардом пришел легион экс-гладиаторов Мегатрона. Они бились так, словно их врагами были не просто автоботы, защитники города, но и сам город. Наблюдая передачу по Сети, я заметил, что не один и не два десептикона игнорируют силы обороны автоботов, таким образом, их целью мог быть погром зданий и инфраструктуры Хрустального Города сам по себе.

Внутри запутанной сети лабораторий, которые располагались под поверхностью, в пустотах верхней части коры Кибертрона, прямо на границе с подземельем, развернулась жестокая битва – каждый автобот храбро отбивался от отдельного десептикона. Продвигаясь следом за расчищавшими дорогу конструкторами, силы Мегатрона забирались еще глубже, уничтожая последние рубежи обороны, где только могли.

А как насчет мест, где они не могли взять верх? В этих случаях десептиконы просто-напросто разрушали целые секторы города, взрывали их, устраивая массовое погребение доблестных автоботских защитников.

Я задавался вопросом, колебался ли Мегатрон в такие моменты и понимал ли, как далек он стал от своих идеалов, как низко пал. Кажется, он должен испытывать сомнения, ведь некогда он так ратовал за ценность жизни каждого кибертронца, независимо от сословия и Гильдии. Как много искр им потушено к настоящему моменту? Сколько их еще будет? Я ищу ответы в «Завете», но там нет окончательного слова, и те намеки, которые я обнаружил, повергают меня на грань отчаяния.

Автоботы одерживают свою первую безусловную победу в этой войне.

Я остановился, чтобы прочитать эти слова еще раз. Как же долго я хотел иметь возможность написать их!

Лидеры обеих сторон довольно быстро поняли, что поскольку разгорается война, и расходы военных запасов растут, необходимо найти новые источники энергии, или иметь контроль над старыми. Это заставило как Оптимуса, так и Мегатрона сосредоточиться на попытке контролировать Калис, с его энергохранилищами и подземным термоядерным реактором, который питал Иакон.

Когда стало ясно, что Хрустальный Город не удержать, автоботы начали отступление. Храбрые, обреченные добровольцы заманивали войско десептиконов все глубже, в лабиринт под городом в то время, как автоботы спасли из лабораторий все, что могли, и отступили к центру своей все более сокращающейся территории. Они сплотились в Калисе, осознавая, что если не смогут сдержать наступление десептиконов здесь, война будет проиграна.

В отличие от затянувшихся сражений на плато Гидракс и в Хрустальном Городе, спор за Калис завершился со стремительной скоростью. Частично это произошло потому, что по непонятным причинам сикеры, которых контролировал Старскрим, не присоединились к колесным и гусеничным дивизиям Мегатрона. Автоботские силы в воздухе уступали десептиконам, когда появлялись воины Старскрима. В его отсутствие этот элемент сражения сработал в пользу Оптимуса. Это серьезно сказалось во время битвы за Калис – воздушная поддержка и подавление ракет «воздух-земля» позволили автоботским защитникам укрепить

свои позиции до того, как Мегатрон смог выполнить свой обычный план по поиску слабого места и фокусированию на него своих сил, пока строй автоботов будет не прорван.

На этот раз десептиконы понесли огромные потери еще до того, как они смогли хотя бы приблизиться к периметру Калис достаточно близко, чтобы схватиться с автоботскими защитниками напрямую. Тут, похоже, слабое место у десептиконов и было выявлено. Так как многие из них сделались солдатами из гладиаторов, у них было только рукопашное оружие. С которым им требовалось время, чтобы приблизиться на близкое расстояние для боя. В результате потери в рядах десептиконов быстро умножались.

Оптимус Прайм выявил эту возможность, и отсутствие Старскрима позволило автоботам довести дело до конца. И в результате – напишу это еще раз – автоботы одержали ясную и неоспоримую победу.

С тем же успехом, с каким была одержана тактическая победа над армией десептиконов в целом, автоботы выиграли ряд важных отдельных битв. Самой важной из них было жестокое поражение, нанесенное Брутикусу Максимусу⁸³ Сайдсвайпом⁸⁴, Джазом и самим Оптимусом Праймом. В тот момент, когда это произошло, Брутикус Максимус внезапно рассыпался, а несколько составляющих его трансформеров получили такие повреждения, что некоторые из автоботов заявили, что они никогда больше не смогут объединиться вновь. Сайдсвайп же зашел так далеко, что заявил, будто это он нанес решающий удар в сосредоточие процесса трансформации – по десептикону, известному как Онслот⁸⁵. Для постороннего наблюдателя подобные заявления (особенно исходящие от вздорного и рассерженного Сайдсвайпа) отдавали преувеличением, но я бы очень хотел, чтобы это было правдой.

Что несомненно является правдой, это то, что десептиконы были полностью разбиты и вынуждены отступить. Калис остался в руках автоботов, по крайней мере на ближайшее будущее. Оптимус Прайм получил в свое распоряжение достаточно энергона, чтобы продолжать борьбу.

Но на отдаленное будущее перспективы менее ясны. И вот уже опьяняющая радость победы после Калис смешивается с тяжелыми известиями с юга, из городов-государств Тарна⁸⁶ и Воса⁸⁷. Похоже, что отсутствие Старскрима на битве за Калис было частью более развернутой стратегии...

Ранее я писал о том, что Старскрим намеренно отсутствовал при Калис. Поразмыслив какое-то время, я пришел к убеждению, что это либо следствие некоего плана десептиконов, либо старание со стороны Старскрима получить больший контроль над десептиконской стратегией. Очевидно, что Старскрим в некотором роде манипулирует положением дел.

⁸³ Это гештальт комбатиконов, разработанный Шоквейвом. Также известный как Брутикус. Обладая огромной силой и мощью, этот гештальт имел очень слабый интеллект и был способен практически только на бессмысленное разрушение. В Г1 его имя перевели как Грубикус, а группу составляющих его десептиконов – боевикины.

⁸⁴ Имя этого автобота Sideswipe переводится «удар в бок». В переводе 6 канала его звали Анперкот.

⁸⁵ Onslaught переводится «стремительная атака, натиск, удар». В переводе 6 канала его называли Осилон. Возможно, это имя происходит от глагола «осилить». В гештальте он образует тело и голову Брутикуса.

⁸⁶ Самый крупный город после Иакона и находится от последнего неподалеку. Упоминается в комиксах.

⁸⁷ Город, соседствующий с Тарном. Богат энергетическими ресурсами. Упоминается в комиксах.

Города Тарн и Вос доставляли проблемы все время, с момента начала своего существования. Где-то в архиве, возможно, удалось бы найти причину вражды, которая периодически вспыхивала между ними. Однако какова бы ни была первопричина, вражда оказалась сильна и неистребима. Предыдущее руководство во время относительного мира и атмосферы дружелюбия Золотого Века обеспечило каждому из городов некоторое спокойствие. Тарн сделался местом проведения Церемониальных Игр⁸⁸, на нем сконцентрировалось внимание кибертронцев, увлеченных спортивными достижениями. А в Вос поместили авиационное командование Кибертрона⁸⁹.

Тарн сдался десептиконам почти без сопротивления. Его руководство даже предложило уничтожить сочувствующих автоботам, дабы десептиконы могли сосредоточить свои усилия на чем-то другом. Мегатрон, видя возможность для создания модели десептиконского города-государства, приставил жестокого и беспощадного Шоквейва надзирать за городом Тарн после его капитуляции. Действующий в своей обычной манере (и озлобленный из-за того, что его оторвали от экспериментального рая в руинах Хрустального Города), Шоквейв жестоко подавлял малейшие признаки недовольства. Несогласные становились жертвами его экспериментов, результаты которых столь ужасны, что я не буду приводить их здесь.

Примерно в то же самое время, пока Старскрим находился с неизвестным делом вблизи орбиты одной из двух лунных баз, силы десептиконов под командованием Шоквейва взяли под контроль Вос. Затем, возможно, с целью выслужиться перед Мегатроном, демонстрируя ему абсолютную беспощадность, Шоквейв спровоцировал обе стороны на совершение серии не очень серьезных нападений, в которых он обвинил несогласных в каждом из городов. В итоге он потребовал от авиационного командования, оставшегося в Восе, чтобы они уничтожили те районы Тарна, где, по словам Шоквейва, находились очаги сопротивления.

Я видел шквал фотонных ракет только дважды. Первый уничтожил, кажется, половину Тарна, а с ним и всякую надежду на организованное сопротивление. Шоквейв захватил местную Сеть и использовал ее для пропаганды: Иакон, мол, уничтожил город Тарн, совершив неспровоцированное нападение! Смотрите, каковы дикости автоботов, которые только и хотят увековечить статус-кво классов и тиранию!

И одновременно второй шквал фотонных ракет – неизвестно откуда, по утверждению Шоквейва – уничтожил практически без следа авиационное командование в городе Вос. При этом военачальники, составляющие основу Старскримовой силы, погибли, и Шоквейв начал позиционировать себя как заместителя лидера.

Каков будет следующий шаг Старскрима, я не знаю. Ясно, что он не спустит это просто так. Любое разобщение внутри иерархии десептиконского руководства служит цели автоботов. Я приветствую в рядах десептиконов измену.

Я верю, что автоботское сопротивление все еще сохраняется в Тарне. Возможно, они не стали жертвами сумасшедшей жажды научных изысканий Шоквейва. Кроме того, похоже, что кое-кто из выживших сикеров из авиационного командования Воса перешли к автоботам. Их

⁸⁸ State Games. Между прочим, именно так назывался выпуск комикса от «Marvel» 1986 года, повествующий о начале войны. И города Тарн и Вос там тоже упоминались.

⁸⁹ Если сравнивать с Землей, то подобным образом называется высшее организационное объединение ВВС США (Strategic Air Command).

доверие как Мегатрону, так и Старскриму колебалось. Что ж, это будет полезно для поднятия боевого духа и для пропаганды.

И все же Старскрим проводит большую часть времени в космосе. Он сражался, да. Я наблюдал за ним во время битв за Гидракс и (недолго) в Хрустальном Городе. Старскрим храбр. Даже самые фанатичные автоботы не станут этого отрицать.

Тем более про Старскрима нельзя сказать, что он лишен амбиций. По моим предположениям, у него есть план. Можно только гадать, о сколь многом из этого также подозревает Мегатрон. Большой части этой истории еще предстоит воплотиться. Насколько я могу судить, даже в «Завете» она раскрыта не полностью.

Вскользь – потому что на фоне случившегося в Тарне/Восе событие покажется мелким – я упомяну, что парк «Шесть лазеров над Кибертроном» был разрушен. Никому, кажется, не известно, почему десептикины сочли его достойной целью, ведь там не было ничего кроме символического автоботского гарнизона.

Руины Хрустального Города стали благодатной почвой для Мегатрона. Там он находил оставленные ресурсы и технологии. А иной раз наткнулся на бота, которого не видели терациклы.

Одной из таких находок был Брутикус Максимус. Работу в области исследований заморозили вместе с другими прототипами гештальтов, Брутикуса считали неудавшимся экспериментом. Его составляющие обладали интеллектом в достаточной степени, чтобы приносить пользу. Но при слиянии в Брутикуса уровень интеллекта падал настолько, что гигантского робота сочли опасным и для союзников и для врагов. Я почерпнул из записей, что сам Шоквейв входил в состав первой экспериментальной команды и что это опять же Шоквейв поднял вопрос о том, чтобы воссоздать Брутикуса после того, как его списали со счетов. Я не удивлюсь, если это окажется правдой. Для Шоквейва не имеют значения вопросы морали и этики, равно как и жизнь любого трансформера.

Воссоздание Брутикуса привело ко всему прочему к массовой резне в Нова Хронуме⁹⁰, в которой целое поколение ученых умов было убито без пощады и без зазрения совести.

Перед этим десептикины проявили интерес к городу-государству Праксус⁹¹. Именно здесь Оптимус Прайм и автоботы провели свое первое противостояние десептиконам с применением всех сил и ресурсов. Дым той битвы до сих пор висит над руинами Праксуса. Ни одной из сторон не узнать, кто победил.

В начале появления десептиконского движения Праксус, в котором шла прогрессивная политическая жизнь и жители охотно выражали свои мысли, был очагом про-десептиконской агитации. Но обитатели Праксуса никогда не отличались воинственностью, и они были – я уверен – поражены и разочарованы, когда увидели, чем вскоре обернулось самовыдвижение Мегатрона.

⁹⁰ Город на Кибертроне, расположенный недалеко от Иакона. Там живут ученые и философы. Упомянут в комиксах.

⁹¹ Город-государство в северном полушарии Кибертрона. Упомянут в комиксах.

К тому времени, когда Мегатрон стал рассматривать Праксус как мишень, а не как базу поддержки, они твердо решили сражаться против него.

И в результате битва за Праксус обернулась из неизбежного поражения десептиконов в войну на истощение, которая зашла в тупик, и не осталось ничего, за что стоило бороться.

Все, что делало Праксус чудом кибертронского инженерного искусства, пропало: знаменитые собрания, где великие ученые представляли открытия из своих лабораторий в Хрустальном Городе и Нова Хронуме; Спиральные Сады, бесконечные извивы от невидимых магнитных ветров; их выставки геномного искусства⁹² и металсомы⁹³ демонстрировали эстетическое великолепие нашего Золотого Века...

Все пропало. Было уничтожено в ярости ионных пушек, разрывов снарядов, ядерных бомб и виброклинков.

Сколько тысяч трансформеров погибло в Праксусе, знает только «Завет». Совершенно ясно, что обе стороны бросили в бой все свои силы, а жители Праксуса поддерживали автоботов против своих бывших чемпионов, а ныне десептиконских мародеров. Все три стороны: автоботы, десептиконы и обитатели города, заплатили страшную цену.

В рядах автоботов появились 2 новых командира, которые, как я считаю, будут полезны для Оптимуса Прайма в грядущих битвах: это Праул⁹⁴ и Айронхайд⁹⁵. Бывший ополченец и офицер полиции, Праул принес Оптимусу Прайму ценный опыт боевых операций в условиях города. Едва сдерживающий ярость из-за разрушения родного дома, Айронхайд придавал автоботам грань жестокости, которая пригодится им в противостоянии с Мегатроном. Одна из постоянных опасностей войны заключается в том, что в сражении с врагом вы приобретаете некоторые черты этого врага и тем самым сеете семена собственного разрушения. Айронхайд ходил по самому краю, не подозревая об этом. Постепенно, медленно, но верно, росло его доверие к Оптимусу Прайму как к лидеру и воину.

Сражение автоботов и десептиконов на обломках Праксуса длилось мегациклы. Ни одна сторона не могла взять верх. Войска Мегатрона имели преимущество в численности и отличались жестокостью, но жители Праксуса присоединились к Оптимусу Прайму в этом бою. В этой битве в первый раз Оптимус Прайм выстоял и сражался в качестве лидера автоботов, а не проводил стратегическое отступление, чтобы выиграть время для более подходящей ситуации. Ситуация в Праксусе и была таковой. Было слишком далеко до захваченной десептиконами территории, и впервые Мегатрон и Оптимус Прайм были одинаковым положением относительно каналов снабжения и пополнения энергона. Именно в Праксусе автоботам надо было сначала получить преимущество в количестве энергона. Жители Праксуса героически шли на жертвы, только бы автоботы могли сражаться.

⁹² Есть такое направление на Земле, изучает связь высоких технологий (в области биологии и генетики) и искусства, влияние одного на другое.

⁹³ Термин «сома» означает совокупность всех клеток организма, исключая репродуктивные клетки. Видимо, металсома – совокупность клеток кибертронского организма. Это слово здесь связано с геномным искусством.

⁹⁴ Имя Prowl переводится «обыск». В Г1 его называли Сыщиком.

⁹⁵ Ironhide буквально переводится «железно-кожий». В Г1 его называли Броневином. Такое имя говорит о том, что этот трансформер отличается хладнокровием, нечувствительностью и огромной силой.

И под конец не осталось ничего, чтобы вести бой. Обе армии, совершенно измученные, отступили, каждая – на свою сторону руин. Разведчики облетели позиции, ища признаки того, возобновится ли бой или же придется оставить город – ничья, оплаченная такой дорогой ценой.

Сознавая, что у них никогда не будет лучшей ситуации для боя, если не считать невообразимую конфронтацию в самом городе Иаконе, автоботы готовы были продолжать. Рэтчет⁹⁶ и другие медики чинили раненых, как могли, а остатки энергона распределили поровну, так что никому из автоботов не грозило умереть в беззащитном состоянии.

Десептиконы поняли, что пока среди жителей города остаются в живых те, кто может оказать автоботам помощь, им никогда не видать победы на этой земле, и они отступили. Колонны сикеров, грозные конструктики, неповоротливая фигура Брутикуса, пошатываясь от ран, которых хватило бы на то, чтобы убить пять трансформеров, – все они скрылись в северном и западном направлении, вернулись в крепость десептиконов в Пустошах. Там у них ушло некоторое время на восстановление. В свою очередь, автоботы отступили на север и к востоку, по направлению к Иакону.

Во время краткой передышки между боями Мегатрон осознал, что битва при Праксусе преподала ему урок: никому нельзя доверять, когда слова перешли в удары. Если Праксус может бросить ему вызов – так утверждали захваченные в плен десептиконы, которых допрашивали Оптимус Прайм и Айронхайд после битвы – то время для того, чтобы изменять взгляды кибертронцев уговорами, прошло.

Отныне, предупреждали пленные, Мегатрон будет сражаться без пощады, милосердия или интереса к поддержке населения, которое он стремился покорить.

Другим словами, он вступил на последний этап пути от революционера до тирана.

И в отместку за отсутствие результатов в Праксисе Мегатрон направил войска к Нова Хронум, на самую границу с Иаконом. Я был свидетелем того, как Нова Хронум развивалась на протяжении веков, становясь домом для философов и ученых-теоретиков. Благодаря интуитивным прорывам в Нова Хронуме происходили научные открытия, которые затем находили применение в Хрустальном Городе. Нова Хронум был колыбелью интеллектуальной активности Кибертрона.

А сейчас город представляет собой растерзанный остов, на котором обитают лишь падальщики и призрачные воспоминания, так как разъяренный результатами в Праксисе Мегатрон уничтожил каждое живое существо в Нова Хронуме, за исключением тех, кто пожелал выступить на его стороне и безотлагательно присоединиться к десептиконам. Эти новобранцы сделали страшный выбор, предпочитая умереть на поле боя, нежели быть убитыми в своих домах. Из нового командного пункта, сооруженного на руинах, Мегатрон приступил к осуществлению следующего этапа своего плана: к осаде Иакона. Он предупредил, что не будет никакой пощады любому боту, который окажет сопротивление.

О, Кибертрон, как ты до этого дошел?

⁹⁶ Выдающийся автоботский медик. Имя Ratchet переводится «храповик» или «храповой механизм». Это зубчатый механизм, который используют на Земле в турникетах, лебедках, домкратах и т.д. Он позволяет оси вращаться в одном направлении и не позволяет вращаться в другом. С медициной этот механизм едва ли связан. Но домкраты, например, используются при ремонте машин.

В настоящее время Иакон находится в осаде, которая должна занять миллионы циклов. До сих пор ничто не угрожало городу, обладающему внушительными механизированными оборонительными системами, а кроме того, это место было на первом плане у автоботов. Каждый автобот на Кибертроне готов положить жизнь за Иакон, в том числе и я. Я не сражался в открытом бою со времени, которое большинство кибертронцев считает мифическим. Но я хотел бы сделать это вновь и с радостью. Я согласился бы умереть, если бы это означало, что Иакон выживет.

Тем не менее, может быть, все обойдется, ибо до сих пор благодаря мастерству и храбрости Оптимуса Прайма, в сочетании с упорством автоботских войск под его командованием, десептиконов удавалось держать на расстоянии.

Однако положение было ужасным. Подземный трубопровод, проложенный между огромным реактором в Калис и конденсаторным комплексом в Иаконе, находился под постоянной угрозой. Отряды автоботов несли патруль под землей, не только сражаясь с десептиконами, но также отражая все возрастающее количество нападений существ из подземелья, которые, кажется, осмелели, почуяв, что мир наверху ввергнут в хаос.

В самом городе временами казалось, что война идет где-то далеко: конечно, если держаться подальше от Сети и не обращать внимания на колонны автоботов в трансформе, мчащиеся от одной оборонительной позиции к другой – так они реагировали на постоянно шаствующие в округе десептиконские зонды. Кое-где еще сохранилось искусство и музыка. В Городском Архиве лишь немногие оставшиеся служащие все еще собирали данные, заносили их в каталоги и индексировали, как когда-то Орион Мирный. Это были боты увечные, поврежденные, те, кто не мог больше сражаться, или был создан без вооружения. Они весьма гордились тем, что Оптимус Прайм вышел из их рядов, и когда он посетил их несколько циклов тому назад, это было похоже, как если бы к ним пришел один из Тринадцати.

Я позволяю себе такие моменты юмора. Как я позволяю себе маленькую улыбку каждый раз, когда я слышу о том, как служащие спорят, существовали ли Тринадцать или это очередной миф, порожденный в тумане веков.

Оптимус Прайм пришел в Городской Архив, ища моего совета. Это было сразу же после победы при Калис.

- Мы можем победить, архивариус? – спросил он.

Мы сидели в моем кабинете, в окружении поступающих и текущих через Сеть данных. Под нами, в недрах планеты, располагались записи и архивы, наполненные историей Кибертрона за все время его существования.

- Почему же не можем? – ответил я, стараясь уклониться от беседы.

- Если мне суждено проиграть, - сказал он, - и я продолжаю борьбу вопреки предначертанному, как много жизней оборвется по моей вине?

- Только тот, кто может видеть будущее, сможет ответить на такой вопрос.

Это правда, мои возможности видеть будущее очень ограничены, потому что в большинстве случаев я не могу понять материал (даже если это не идиомы) того, что в «Завете» сказано о ближайшем будущем.

И я не представлял, как ответить на вопрос Оптимуса Прайма.

- Когда я был служащим, мне никогда не приходилось беспокоиться за жизни – произнес он.

На это мне следовало рассмеяться.

- Другого пути не предвидится, Оптимус Прайм.

Он посмотрел на меня, а затем смерил взглядом «Завет», который лежал закрытым на моем столе. Затем его взгляд вернулся ко мне. В какой-то момент я был почти готов все рассказать ему, снять бремя тайны, которую хранил так долго. Но я не смог. Груз этой тайны был не его грузом. Не сейчас, когда на него и так столько всего возложено.

- Я говорю это, потому что знал, что тебе было предназначено стать кем-то большим, чем служащим. Классовая система была замкнута на себе. Те из нас, кто хотел видеть правду, сознавали это. Все, что требовалось, это несколько ботов, приверженных идее...

-...Начать войну и заменить классы десептиконской тиранией? – закончил Оптимус, с улыбкой, но без юмора. – И заодно разрушить планету?

- Кибертрон выживет – сказал я. – Он больше и сильнее, чем ты можешь себе вообразить. И если война случилась, возможно, это потому, что альтернатива была еще хуже. А что, если бы ты пошел с Мегатроном и лишь потом понял его наклонности тирана, когда уже слишком поздно было бы что-то предпринимать? Насколько больше была бы цена и ужасы этой войны, если бы она началась, когда весь Кибертрон уподобился бы Каону? Или Тарну под властью Шоквейва?

Он молчал некоторое время. Орион Мирный всегда был ботом, склонным к размышлениям. Он не потерял этого качества, возвысившись до Оптимуса Прайма.

- Вы ведь обращались к Верховному Совету? – спросил он наконец.

Я кивнул.

- Но этого делать не стоило. Они бы и так пришли к решению без меня, если бы изучали ситуацию.

- Вы преуменьшаете свое значение, Альфа Трион – сказал Оптимус Прайм, впервые называя меня по имени. – Я думаю, вы точно осознаете, насколько важной фигурой являетесь.

- Я проигнорирую данное заявление. И тебе тоже не стоит заострять на нем внимание. У тебя есть гораздо более важные дела.

Когда он покинул мой кабинет, мы оба вдруг обнаружили, что служащие, все до одного, стоят у внешней стороны атриума. Они выстроились в два ряда в полной тишине, собравшись всего лишь посмотреть на своего бывшего коллегу, а также отдать дань уважения тому, кем он стал.

Оптимус Прайм в этот момент должен был испытывать сильные и противоречивые чувства. Но он не признался в этом мне. После того, как он ушел, Оптимус сосредоточился на боях по всему периметру Иакона. Служащие собирали каждый бит данных о его действиях так жадно, как если бы это был энергон, которым они могли питаться. Некоторые из них готовились и участвовали в битвах по мере возможности. Но, как я уже упоминал, все они либо были созданы не для боя, либо были покалечены настолько, что ремонт в полевых условиях не мог восстановить их для сражений.

И, конечно, нет никакой надежды на быструю отстройку, потому что область Холмов Таган⁹⁷ и, следовательно, большая часть передового промышленного производства на Кибертроне была разрушена в ходе длинной серии безрезультатных боев, тянувшихся почти столь же долго, сколько осада Иакона.

С самого начала войны автоботские и десептиконские провокаторы вели безмолвную войну за влияние на заводах и в научно-исследовательских лабораториях Холмов Таган и за расположение их хозяев, а также научной элиты, которая руководила исследованиями. Чем меньше становилось ресурсов, а конкуренция между заводами возрастала в сторону большей жестокости и бескомпромиссности, тем больше агрессивности в своих усилиях проявляли армии автоботов и десептиконов в борьбе за контроль над производством. Отсюда до открытого конфликта оставался один короткий и неизбежный шаг.

Ультра Магнус и его рэкеры сыграли решающую роль в череде важных событий, связанных с Холмами Таган. Они держали десептиконов в страхе, порой, кажется, в одиночку. Если бы их не было, когда восстановленный Девастатор снова появился на поле боя, автоботы никогда не улучшили бы момент, чтобы создать собственного гештальта – протектбота Дефенсора⁹⁸. Между этими двумя гигантами тут же развернулось масштабное противоборство, в ходе которого промышленный потенциал Холмов существенно сократился, и они превратились в руины. Даже научно-исследовательский центр, где дорабатывались комбинаторские процессы для Дефенсора, стал жертвой войны. Он был разрушен серией яростных ударов, когда Девастатор преследовал пару автоботских миниконов-саботажников.

Я не знаю, как долго продлится война.

Энергон стал более редким и ценным. Многие заводы в Холмах Таган были если не уничтожены, то закрыты из-за отсутствия руководства. Все, что может сделать Оптимус Прайм, это сдерживать силу, направленную на Иакон. Если Иакон падет, все кончено. Территория на Кибертроне, контролируемая автоботами, все уменьшается. Мы удерживаем Калис, Иакон и несколько аванпостов в других местах. Но на сколько хватит этой защиты?

— — — — —

⁹⁷ Важный регион Кибертрона, на долю которого приходилось 40% промышленной продукции. Упоминается также в комиксах.

⁹⁸ Defensor переводится «защитник». Этот гештальт известен также в Г1 под именем Детектор. Его составляет особая группа автоботов – протектботы, т.е. боты-защитники (от слова «protect» - защищать).

Тайгер Пакс⁹⁹ уничтожен, а автоботы совершили поступок настолько отчаянный, что он граничил с самоубийством – катапультировали Великую Искру с Кибертрона. Искры больше нет, она запущена в космическое пространство. Орион Мирный... Иногда я думаю о нем как о моем служащем, а не как о Прайме, которым он стал, не как о лидере автоботов и провозвестнике кибертронских идеалов. В какие-то моменты я зову его Орионом. Но тем не менее он Оптимус Прайм. И у него появился еще один друг – храбрый приверженец Бамблби¹⁰⁰.

Оказалось, что Колодец Великой Искры перестал действовать спустя некоторое время после начала войны. Возможно, Праймас, через форму Кибертрона, так выразил свое недовольство или скорбь. Однако перед самой дезактивацией успели родиться новые трансформеры, и обе воюющие стороны отметили, что в этом поколении подавляющее большинство принадлежало стороне автоботов. Среди них был крепкий и активный малыш по имени Бамблби. Он быстро сделался незаменимым. Быстрый и напористый, он стремился к руководящей роли. Однако Бамблби не лез на первый план, он учился у двух ближайших сподвижников Оптимуса Прайма: Джаза и грозного Айронхайда, и долго скептически оценивал лидерские качества Оптимуса. Но позже Бамблби стал одним из его самых преданных сторонников. Эти трансформеры составляли триумvirат движения автоботов – с Оптимусом Праймом во главе. Лучше наставников для Бамблби было не найти.

И у него не будет других, ведь на Кибертроне больше не будут рождаться трансформеры, по крайней мере в течение долгого времени в будущем, которое я могу видеть, или расшифровать в «Завете». Оптимус Прайм совершил выброс Великой Искры, ни одно разумное существо не знало, куда. И, таким образом, он сделал одно из двух: либо спас планету... либо просто отсрочил неминуемое здесь и перенаправил гнев Мегатрона на то место, куда упала Великая Искра. Я боюсь за жителей, которые там обитают, если там обитают жители¹⁰¹.

А этот Бамблби может еще стать великим воином на Кибертроне. И, возможно, печальный опыт, который он получил при разрушении Тайгер Пакс, закалит его, научит, а не сломает его волю. То, что он потерял способность говорить, ужасно! Мегатрон повредил вокодер Бамблби, после того, как отважный разведчик лично убедился в том, что Великая Искра не попадет в лапы Мегатрона... Многие мелкие боты после такого навсегда покинули бы поле боя. Но не Бамблби. Молчаливый ныне, он является живым свидетельством того, что поставлено здесь на карту.

По зрелом размышлении я не думаю, что волю Бамблби может что-либо сломить. В этом они с Оптимусом Праймом схожи. И это единственное, что спасет автоботов, если их можно как-то спасти...

А теперь, возможно, настал решающий момент.

Я полагаю, Мегатрон, не имеющий познаний в технических тонкостях, но зато имеющий острое чутье на предательство, раскрыл наконец, почему Старскрим так пекся о защите станции «Триптикон» и удерживал лунные базы в сфере своего влияния.

⁹⁹ Населенный пункт на Кибертроне, имеющий репутацию спокойного, тихого места. Упоминается в комиксах, а также находит отражение в рассказе Алекса Ирвина «Бамблби в Тайгер Пакс», где повествуется о том, как Бамблби потерял голос.

¹⁰⁰ Bumblebee переводится «шмель». В переводе 6 канала – Шершень.

¹⁰¹ Это явный намек на фильмы Майкла Бэя.

Благодаря этому открытию автоботско-десептиконская война вступила в последнюю стадию. Это было предсказано в «Завете», и это свершилось. Десептиконам предстояло достигнуть вершин власти, а лидерским качествам Оптимуса Прайма – пройти испытание, которого он никогда не мог даже представить. Были ли в «Завете» указания на то, как долго будет длиться темный час, ожидающий Кибертрон, и какова судьба нашей планеты?.. Я не могу расшифровать это. Как же так?

Но время покажет. Время и негибкая воля Оптимуса Прайма.

...Когда я пишу эти строчки, я целиком снимаю с себя анонимность, что всегда было предметом моей сокровенной мечты. В эти времена я не могу покинуть планету, которая является моей родиной и всегда была моим домом. Но, наверное, я могу оставить роль Альфа Триона. Я могу лишь наблюдать за происходящим. Больше я не буду оказывать на него влияние.

Глава 16

В распоряжении Мегатрона были гладиаторы, которые сражались и убивали без вопросов. У него были офицеры, которые управляли захваченными территориями, стремясь выжать максимум ресурсов и свести к минимуму возможность инакомыслия или восстания. У Мегатрона были стратеги, которые советовали ему, как одержать верх на поле боя.

Но, пожалуй, важнее всего перечисленного было то, что он имел (спасибо незаконной культуре в Каоне и на Пустошах!) сеть шпионов, которые превосходили себе подобных на автоботской стороне.

Это, как и ряд других преимуществ десептиконов над своими противниками автоботами, было результатом того, что Шоквейв любил называть «затейкой». Его эксперименты были безжалостными, жестокими и часто разрушительными в случае успеха. К таким «затейкам» относилось создание конструкторов и комбатиконов¹⁰², ботов с мультитрансформацией, которые и теперь проникали в автоботские позиции и возвращались с ценной информацией. А ведь его предыдущей работой было создание самого «Триптикона». По крайней мере, такие ходили рассказы. Мегатрон также озаботился послать шпионов, чтобы разузнали, что в этих рассказах является правдой.

Мегатрону надоело драться в этой войне. Пора было довести боевые действия до конца, чтобы он мог наконец заняться перестройкой кибертронского общества по образу, который находился в его голове.

Это был бы Кибертрон, где каждый бот знал, что делать. Не потому что руководство Гильдии и классовые судьи приказали бы ему. А потому что триумф десептиконов означал бы для каждого кибертронца шанс проявить все, на что он способен. Оптимальная эффективность, не навязанная извне, а исходящая изнутри.

На вершине этой структуры находился бы авторитет, которого достало бы для поддержания необходимого порядка, даже если он непопулярен. Мегатрон рассматривал себя в качестве руководителя, высшего лица огромной и налаженной системы, благодаря которому каждый трансформер на Кибертроне действовал как винтик в гигантской машине, которая вырабатывала и потребляла все, что нужно, в соответствии с законами, установленными Мегатроном.

Идеализм Ориона Мирного (или Оптимуса Прайма; как его ни назови, это не меняет его подлинной сущности) погубил бы Кибертрон, точно так же, как Гильдия и классы цементировали и губили его. Мегатрон рисовал в воображении совсем другой Кибертрон: могучий Кибертрон, чье влияние снова распространялось бы через звезды. Кибертрон, который восстановил бы первый контакт, и вновь получил бы контроль над утраченными мирами... Чтобы достичь этого, необходимо сильное руководство. Самоопределение личности ничего не значит, если все это ведет в итоге к хаосу. С Мегатроном во главе в качестве Прайма кибертронцы обретут целую галактику в свое распоряжение.

¹⁰² А в Г1 комбатиконы (боевикины) были обязаны своим созданием Скандалисту, т.е. Старскриму.

И они ее получают.

Вот только когда уберут раздражающее препятствие в виде автоботов. Долгие годы – дольше, чем Мегатрон рассчитывал, когда началась война – автоботы проявляли упорство, из последних сил держались на клочке территории, где была их операционная база. Блестящая победа при Калис и в меньшей степени Холмы Таган преподали Мегатрону урок о том, что ему следует внести кое-какие изменения в ход ведения десептиконами войны.

Прошел тот момент, когда грубая сила могла взять верх в этой войне. Мегатрон понимал это. Поэтому теперь он сосредоточился на поисках древних артефактов и знаний, которые пригодились бы на поле боя. Он выпустил приспешников Саундвейва и послал избранных автоботских пленников в подземелья под Каоном, где те, кто был покалечен в гладиаторских ямах, теперь служили десептиконам в различных видах разведывательной деятельности.

Все это постепенно приносило результаты, и эти результаты накапливались... И вот наконец-то у Мегатрона в руках последний отчет Саундвейва, где содержатся сведения о том, что огромный успех близок.

Сеть была защищена мощными протоколами системы безопасности, но в конце концов некоторым шпионам Саундвейва и информационным диверсантам удалось обойти их, чтобы порыться в забытых уголках архива... И один из них вернулся назад с неясными упоминаниями об Искре Юникрона...

Мегатрон приказал шпионам вернуться и продолжать раскапывать информацию.

Они послушались и принесли ему сведения об Искре Юникрона, точнее об ее остатках, - ведь, как гласят легенды, Юникрон был изгнан с планеты Кибертрон, - известных как темный энергон.

У каждого явления есть противоположность. Энергон, источник, который обеспечивал трансформерам жизнедеятельность, также имел противоположность – темный энергон, который давал немислимую силу... Но неизвестно, какую цену требовалось за это заплатить. Древние тексты предупреждали об этом, но Мегатрон считал эти предостережения не более чем вздорными суевериями. А теперь, кажется, у него была причина изменить мнение.

Если это правда, Мегатрон думал, что он сумеет наконец сокрушить автоботов и вероломного Оптимуса Прайма раз и навсегда.

Тем не менее, у него до сих пор не было точных сведений о том, что темный энергон существовал. В архивах упоминалось, что сохранившиеся кусочки самого Юникрона, который некогда пронесся вблизи Кибертрона, сконцентрировались в облака, настолько плотные, чтобы пролиться осадками. Древние кибертронцы знали, что это вещество было опасно, как опасен был сам Юникрон, и они заключили его... внутри станции «Триптикон», построенной специально для этой цели.

Темный энергон, согласно обрывочным источникам информации хранившийся там, одновременно был источником энергии и каким-то образом был связан с подлинной природой Юникрона. В то время как Праймус пожертвовал свою сущность через Великую Искру, разрушительная физическая сущность Юникрона нашла воплощение в виде недопустимого вещества – темного энергона.

Это также объясняло, почему Старскрим так неохотно спускался на поверхность.

И вот Мегатрон решил побеседовать со своим лейтенантом-сикером и удостовериться, что тот сознает, что движение десептиконов все еще уверенно контролируется Мегатроном.

«Они нашли его» - произнес Альфа Трион в тишине своего кабинета.

Никогда еще темному энергону не находилось применения. Никто никогда вплотную не подходил к его изучению. Это потому, что Альфа Трион стер все записи в «DataNet» и уничтожил первые исследовательские отчеты, написанные командами ученых, которые собрали и изолировали темный энергон много лет назад.

Это был такой поступок в жизни, о котором Альфа Трион глубоко сожалел. Ни до, ни после ему еще не доводилось стирать записи в Сети, но в тот единственный раз он чувствовал, что это необходимо. Архивариус предвидел, к каким ужасным последствиям приведет открытие темного энергона.

Возможно, он был и не совсем прав на этот счет. Оптимус Прайм оказался сильным и даже более стойким лидером, чем Альфа Трион смел надеяться. Неустойчивое в начале, движение автоботов сейчас стало прочным под его руководством, хотя не обходилось и без разногласий, естественных для любой организованной структуры. Избранный Оптимусом Праймом круг советников мог оспорить его планы или тактику, но они никогда не оспаривали его лидерство. Это была единственная причина, почему война так долго продолжалась, а Иакон все еще был цел.

Покуда еще десептиконы не могут использовать темный энергон без вреда для себя. Но если это произойдет, возвращение Праймов – единственное, что может спасти автоботов и сам Кибертрон.

Оптимус Прайм и его доверенные лейтенанты в составе Праула, Бамблби, Айронхайда и Джаза нуждались в некотором просвещении относительно природы темного энергона, с которым они должны будут бороться. Что ж, по мнению Альфа Триона, им не обойтись без удачного стечения обстоятельств. Возможно, нескольких удачных стечений.

Кроме умелого руководства Оптимуса Прайма, замысел о том, как перехитрить Мегатрона был лучшей вещью, над которой работали автоботы. Если они смогут изводить его достаточно долго, возможно, Мегатрон погубит себя сам. Альфа Трион припомнил, что даже Праймы были уничтожены одним из своих, кто не гнушался хитрости. В какие-то моменты архивариусу казалось, что историю Кибертрона в целом двигали личности, которые хотели больше, чем могли иметь, их чувство досады оборачивалось яростью, которая сводила их с ума.

Теперь они сражались за планету, где отсутствовала Великая Искра, опустошена большая часть запасов энергона, значительная часть поверхности превращена в руины... Вот какая добыча ждет победителя, с тоской думал Альфа Трион. Все, с чем останутся десептиконы, если придут к власти, - разумы и искры покоренных кибертронцев.

Альфа Трион поднялся, чтобы встретить новоявленных лидеров автоботского сопротивления. Он подумал, как это странно. Те силы, которые некогда обличали как инструмент жестокой иерархии классов и Гильдии, теперь в подземелье вели партизанскую войну и являли

собой последнюю надежду на борьбу с жестокой иерархией. Война порождала подобные парадоксы. Она могла сделать врагами братьев, убийцами влюбленных, сделать героями незначительных ботов, а трусами – важных шишек.

Запросто, подумал Альфа Трион, взять хотя бы к примеру Праймов.

Со всеми этими бедствиями Кибертрона перспектив было множество. Большинство из них печальные. Те немногие, кто блистал в военное время... Впрочем, если история Кибертрона учила чему-то, лидеры, которые проявляли себя храбрыми и честными во время войны, не отказались бы от своих принципов в мирное время.

Не было никакой уверенности, а тем более планов, что кто-то из них доживет до того, чтобы увидеть мирное время. Если темный энергон теперь пустили в ход или собираются пустить, положение становилось все более шатким. Потому что никто из ныне живущих кибертронцев не знал, какой эффект темный энергон окажет на тех, кто будет его использовать, и на тех, на ком его будут использовать.

Глава 17

Старскрим встречал Мегатрона у главного грузового отсека станции «Триптикон». Его авиационные командиры стояли по бокам, их позы говорили скорее не об уважении, а о враждебности.

- А, группа встречающих, - сказал Мегатрон. – Собрались поприветствовать меня и показать, что вы здесь прячете?

- Не уверен, что это хорошая идея, - произнес Старскрим.

- Зато я уверен, что не спрашивал твоего мнения – откликнулся Мегатрон. Его также сопровождали отобранные воины. Если здесь случится битва, она будет иметь судьбоносное значение. И Мегатрон и Старскрим понимали это. Но каждый из них не был уверен, что желает открытой конфронтации.

- И как давно ты узнал об этом веществе? – поинтересовался Мегатрон.

- Я точно не знаю, что это, - ответил Старскрим. – Авиационное командование задолго до войны знало, что на станции «Триптикон» хранится нечто, но мы не знали точно, что. Даже экипаж станции не был в курсе. Вот почему мы устроили орбитальный командный пункт на Лунной базе-1 - чтобы следить за ним, пока мы не позволим автоботам установить контроль в орбитальном пространстве.

Мегатрон кивал в продолжение этого суетливого объяснения.

- И ты делал все это, не считая нужным информировать меня, - произнес он.

- Мне не за что извиняться, - ответил Старскрим. – Неудачный ход в начале войны мог привести к тому, что ситуация окончательно переломилась бы в пользу автоботов. Что если бы ты воспользовался темным энергоном, а он бы изуродовал тебя? Или покалечил воинов, которые проходили через невыносимые испытания в великих битвах еще с самого начала? Да мы бы тогда погибли или нас бы заключили в тюрьму!

- Или, - продолжил Мегатрон, едва сдерживая ярость, - мы бы уже одержали победу, и для этого не пришлось бы превращать поверхность планеты в руины.

- А ты готов был рискнуть? – Старскрим покачал головой. – Мне так не кажется. Только теперь ты оглядываешься назад и прикидываешь, что это могло бы сработать. В то же время все, что ты хочешь, - это захватить города и избавиться от автоботов. Если рассказы о темном энергоне правдивы, он превратит твоих слабосильных приятелей гладиаторов в бедствие, какое никогда не видел Кибертрон. Так что же, имеет смысл выигрывать войну таким путем? Что останется в случае такой победы?

Мегатрон схватил Старскрима за горло и поднял его в воздух.

- Я могу прикончить тебя, и тогда тебя не будут тревожить такие сложные вопросы. Либо ты можешь пообещать мне, что осознаешь ошибки в своих действиях, и поклясться, что больше их не повторишь.

- Есть еще один вариант, - выдавил Старскрим.

Мегатрон ждал. Старскрим висел под его рукой, но на лице его не было страха. Никогда еще Мегатрон не чувствовал такой сильной жажды убить другого трансформера. Но он не мог рисковать потерей сикеров.

- Ты можешь перестать рисоваться на этой встрече и позволить мне делать то, что я могу, чтобы победить в этой войне. – сказал Старскрим. – Тут тебе не гладиаторская яма. Никто нам не поднимет или не опустит палец. Хочешь победить в войне? Если да, то я тебе нужен. Сейчас я слишком втянулся в сторону десептиконов, чтобы переметнуться. Думаешь, ты один не веришь мне? Вообрази, что чувствует библиотекарь!

- Итак, на основании того, что ты недостаточно благонадежен в глазах моих врагов, ты утверждаешь, что достаточно благонадежен для меня. Я правильно понял?

- Да... - Старскрим не мог кивнуть, поскольку Мегатрон держал его, но он попытался это сделать.

- Я могу выиграть войну и без тебя, Старскрим. Не сомневайся. – сказал Мегатрон и отпустил руку. Старскрим опустился на ноги. – Но мне бы не хотелось обременять себя дополнительными сложностями. А теперь покажи мне темный энергон, и мы приступим к его использованию.

- Проблема в том, что никто из живущих не знает точно, что может сделать темный энергон... - попытался возразить Старскрим.

- Вот и выясним.

Он обвел взглядом десептиконов, которые столпились в ожидании того, что произойдет. Мегатрон подумал, что главный грузовой отсек станции «Триптикон» - неподходящее место для серьезного разговора. И хотя он мог быть идеальным местом, чтобы устроить перед всеми нагоняй Старскриму, Мегатрон все-таки сомневался, что его план действия был правильным.

Как бы то ни было, в данный момент он был не против продолжать беседу под настороженными взглядами 3-х групп присутствующих: сикеров, гладиаторов и персонала станции.

- Покажи мне, где хранится темный энергон. – потребовал Мегатрон.

Старскрим не двинулся с места.

- Я сам пока его не видел. – объяснил он. – Я отдал его моей исследовательской группе: Битстриму¹⁰³ и Хотлинку¹⁰⁴.

- Вот поэтому-то я руковожу, а ты плетешься в хвосте, - произнес Мегатрон. – Ты позволяешь своим подчиненным влиять на твои действия.

¹⁰³ Bitstream означает «битовый поток» - временная последовательность битов.

¹⁰⁴ Hotlink – линия экстренной связи, «горячая» линия. Десептиконы с такими именами как Хотлинк и Битстрим, очевидно, являются учеными. При этом они также сикеры.

- Я добиваюсь долгосрочного успеха, не отвлекаясь на потворство сиюминутным прихотям. – парировал Старскрим. – И, возможно, ты заметил, что темный энергон здесь, ждет тебя, тогда как у меня был к нему доступ с самого начала войны. Подумай над этим, Мегатрон, прежде чем бросать завуалированные обвинения.

- Тогда я должен бросить открытые.

- Тогда я тоже! Ты считаешь меня потенциальным предателем? Ну что же... Я не в силах исправить твою подозрительность, неинтересно даже пытаться. Я держал в тайне сведения о темном энергоне, чтобы точно быть уверенным, что он существует и что мы могли бы его использовать.

- Ложь! – воскликнул Мегатрон. – Ты хранил тайну, чтобы шпионы Саундвейва не пронюхали об этом.

- О, ты думаешь, я не знал, что ищут маленькие миниконы Саундвейва? - Старскрим одарил его кривой усмешкой.

- Окончим словесный турнир. Покажи мне темный энергон.

- В настоящий момент он в карантине. Я оставил их одних. Они отчитываются мне обо всем, что обнаружат. Прошло очень много времени с того момента, когда станция была изучена вдоль и поперек. Единственные из живых, кто знает о том, что здесь творится, это боты, работающие в Городском Архиве. Наверное.

- Значит, Орион Мирный в курсе? – спросил Мегатрон.

Старскрим пожал плечами.

- Возможно. Почему нет? Орион в Архиве давно. А с момента начала осады Иакона он, как мы знаем, консультировался с Альфа Трионом по вопросам стратегии.

- Как ты это узнал?

- Узнал и все, Мегатрон. Ведь не у тебя одного есть шпионы.

Мегатрон приблизился, глядя на Старскрима с угрозой, но Старскрим не отступил.

- Мы сражаемся вместе или сражаемся друг с другом – объявил Мегатрон. - Сделай свой выбор сейчас.

- Тебя интересует мое участие в боевых действиях, Мегатрон? – Старскримов голос прозвучал мягко. – Темный энергон находился здесь. Разве я стал использовать его для себя, а? Я им не заправлял своих сикеров. Между прочим, я мог бы получить контроль над десептиконами, над самим Кибертроном, вместо тебя, используй я темный энергон. Как, по-твоему, почему я этого не сделал?

- Потому что ты достаточно умен, чтобы бояться темного энергона – ответил Мегатрон.

- Ах, - сказал Старскрим. – Твой комплимент поразителен, как клинок в ране. Искусство дипломата. Я не ожидал, что гладиатор владеет им, Мегатрон.

- Мне следовало ожидать от тебя выходок. И следовало учесть, что ты будешь удивлен моим появлением. Ты притворяешься приверженцем десептиконов, Старскрим, но ты такое же порождение классовой системы, как и любой автоботский притворщик¹⁰⁵.

- А ты – порождение гладиаторских ям. Не потому что там твой дом, но потому что ты смотришь на все происходящее глазами кибертрона, жаждущего энергона, который должен принадлежать ему, иначе достанется другому.

Старскрим отступил в сторону и сделал насмешливый поклон:

- «Триптикон» ожидает тебя, Мегатрон. Постарайся не погубить станцию и всех нас, пока добиваешься того, чего хочешь.

— — — — —

- Теперь и Мегатрон находится на станции «Триптикон», - объявил Праул. – Что они там затевают?

Оптимус Прайм собрал совет в том месте, которое неофициально являлось его командным пунктом – в одном из читальных залов Городского Архива. В зале был высокий потолок и арочные окна, что создавало атмосферу спокойствия, столь желанную посередине войны. Оптимус Прайм чувствовал, что здесь он ему думается легче, чем где бы то ни было еще, это доказывало разницу между ним и Мегатроном.

Если война все еще могла оказывать влияние на все. Альфа Трион не стал распространяться о том, что содержалось в «Завете», а Оптимус Прайм был не настолько бесцеремонным, чтобы потребовать взглянуть для себя. Таким образом, он шел вперед в неизвестность.

- Боюсь, что на станции «Триптикон» находится нечто, что Мегатрон попытается превратить в оружие – произнес он.

- Что же? – поинтересовался Джаз.

Бамблби тоже выразил вопрос в виде сигнала, который представлял собой щелкающие звуки.

- Не знаю - ответил Оптимус, - те записи потеряны или уничтожены. Но есть упоминания о том, что существовало нечто, что, как опасались древние, могло разрушить Кибертрон в случае ненадлежащего применения. Альфа Трион, что вы..?

Архивариус вошел в зал.

- Я пришел, чтобы поделиться с вами... Эх... Ладно, поделиться с вами тем фактом, что я не могу делиться с вами всем, чем хотелось бы... - он подошел к письменному столу, который в

¹⁰⁵ В оригинале слово pretender. Так, между прочим, называются трансформеры, которые умело маскируются под людей.

настоящий момент использовали для складирования карт, чертежей, схем, отчетов и прочего письменного хлама в штабе. - Что вы знаете об энергоне?

- Сейчас что, время для школьной лекции? – скептически осведомился Джаз.

- Помолчи, Джаз, - Праул похлопал его по руке. – Если Альфа Трион говорит об этом, значит это важно – он посмотрел на архивариуса и сказал. – Энергон – это... Я не знаю... Он поддерживает в нас жизнь, но я не знаю, что это такое.

- Верно. Ты не знаешь. – Альфа Трион обвел всех взглядом. – Лишь немногие кибертронцы полагают, что знают, и то большинство из них ошибается. Энергон на самом деле – это порождение Праймаса. Таким образом, даже Кибертрон – это то, что осталось от физической формы Праймаса. Эта не такая форма, которая составляет вас и меня и все остальное на этой планете.

Повисла пауза.

- Я все еще не думаю, что понял, что это, - сказал Джаз со смехом, к которому присоединился смех Айронхайда и Праула.

- Наслаждайтесь шуткой, пока можете – откликнулся Альфа Трион. – Но в то же время обдумайте это. Если энергон – это порождение Праймаса, как вы считаете, может ли быть аналогичное порождение Юникрона? А что если нечто такое все-таки существует?

Оптимус Прайм смотрел сквозь высокие окна на полосы видимого неба. Не это ли десептиконы прятали на станции «Триптикон»? Нечто вроде... Не-энергона? Топливо и питательное вещество, порожденное Юникроном, а не Праймасом?

Как это вещество подействует на того, кто захочет ее применить?

- Если такая штука существует, - проговорил Оптимус, - и десептиконы воспользуются ею, они больше не будут похожи на нас, нет?

Альфа Трион молчал и обдумывал это.

- Они были бы испорченной версией нас, - ответил он после внимательного рассмотрения. – Они вышли из Колодца Великой Искры точно так же, как мы, и из материала Праймаса, в точности как мы. В конце концов, темный энергон (так, я видел, его называют в некоторых неясных и древних текстах) – если то, что они прячут, это темный энергон – в итоге погубит их. Все, полученное от Юникрона, в конечном счете, губительно для жизни и цивилизации. Темный энергон не будет исключением.

Архивариус замолчал, и на этот раз тишина затянулась, пока каждый вокруг стола обдумывал последствия такого развития событий.

- Но прежде чем это станет фатальным, - подвел итог Альфа Трион, - темный энергон вполне может уничтожить нас всех.

Глава 18

Во время войны случилась передышка, как если бы обе стороны позволили себе вздохнуть свободно перед началом следующей кампании. Оптимус Прайм полагал, что знает, что будет дальше. Иакон находился в осаде так долго, что десептиконы либо нанесут решающий удар, либо снимут осаду и вернутся в свои крепости в Пустошах и на юге. Перед Оптимусом лежала карта Иакона, и он держал в уме картину жизненно важной связи реактора Калис с энергетическим голодом в столице автоботов.

Если темный энергон был тем, о чем предупреждал Альфа Трион, то вторжение в Иакон случится как только так сразу. У Оптимуса Прайма сложилось впечатление, что десептиконы будут использовать новый ресурс так же недальновидно, как и все остальное, с чем они сталкивались. Они грабили и разрушали, позволяя себе в ненасытной жажде энергона губить источники этого живительного топлива. Не раз Оптимусу Прайму приходила в голову мысль, что война может закончиться не тем, что какая-либо сторона победит на поле боя, а тем, что обе стороны не в силах будут продолжать сражаться, потому что у них не будет энергона.

Теперь же открытие темного энергона, похоже, вносило коррективы в эти расчеты.

- Что мы можем сделать? – спросил он Альфа Триона.

- Можем сделать две вещи, - ответил архивариус. – Либо попытаться уничтожить станцию «Триптикон», либо придумать быструю стратегию, которая включает вопросы выживания под натиском темного энергона, а затем контратаковать, когда натиск ослабнет. Вселенная требует баланса. Ничто не может наделить повышенной прочностью и свирепостью, если не потребует соответствующей цены после.

- Отлично! – воскликнул Джаз. – Все, что мы должны сделать, это не дать себя прикончить супердесептиконам. Я только за!

- Нам нужно другое поле боя, – сказал Айронхайд.

- Это то, о чем я думал, - кивнул Оптимус Прайм. – Но нам нужно убедиться, что они используют темный энергон (если он действительно у них есть), так быстро, как сможем.

- Я устал от этой беготни! – заявил Сайдсвайп. – Надоело! Когда мы перестанем обороняться и начнем драться?

- Когда у нас будут силы для победы. Не раньше, не позже. – Оптимус Прайм обвел взглядом присутствующих, своих наиболее преданных товарищей. Он не хотел терять понапрасну их жизни, как и жизни остальных автоботов. – Пока десептиконы имеют темный энергон, а мы нет, нашей первоочередной задачей должно быть выравнивание условий боя. Таким образом, мы наносим удар по ним, преследуем их, заставляем тратить энергию. Затем, когда они отступят, бьем снова, сильнее. Альфа Трион, они захватят Иакон, потому что у них темный энергон?

- В «Завете» об этом не сказано, Оптимус. Ты же знаешь, - промолвил архивариус. – Но если тебя интересует мое мнение, то скажу, что считаю, решающий удар по Иакону будет нанесен очень скоро. Думаю, впрочем, что Мегатрон не развернет полномасштабного наступления, пока

не соберет достаточного количества энергона. Темный энергон закончится так быстро, что он не сможет рассчитывать на него.

- А что делать нам? – поинтересовался Джаз. Бамблби также сделал вопросительный жест.

Оптимус Прайм задумался.

- Мы создадим партизанские отряды. Каждый из вас возглавит по одному.

- А тут кое-что интересненькое – объявил Праул, когда он появился из узла Сети, расположенного под кабинетом Альфа Триона.

- Ты тоже возглавишь один, - сказал ему Оптимус Прайм.

- Возглавлю что?

- Партизанский отряд, чтобы трясти десептиконов и заставлять их расходовать темный энергон, преследуя нас.

- Так точно, - отозвался Праул.

Оптимус Прайм пробежался по списку других автоботов, которых он хотел отправить в эти отряды, но прежде он горел нетерпением услышать, что Праул принес из «DataNet».

- Так что ты говорил? Что такое, в самом деле есть что-то интересное?

- Как не интересное, если это сообщение от Старскрима. – отозвался Праул. – Он предлагает встречу.

Проверив сообщения, на которые указал Праул, Оптимус Прайм увидел, что Старскрим в самом деле просит их о встрече. Как он мог догадываться, здесь было два варианта. Первый состоял в том, что необузданные амбиции Мегатрона побудили его использовать репутацию Старскрима и устроить засаду. Второй вариант – Старскрим в самом деле желал встретиться, потому что только так он может оставить для себя открытой возможность перебежать к автоботам.

А это может означать только то, подумал Оптимус, что у автоботов появилась возможность победить в этой войне.

Но Оптимус Прайм не был уверен в такой перспективе. Поэтому инстинкт говорил ему, что предложение о встрече было какой-то ловушкой.

- Я пойду, - сказал Праул.

Бамблби выдвинулся вперед и выразил желание пойти с Праулом, но Оптимус Прайм уже покачал головой.

- Нет, я не могу позволить себе потерять любого из вас, - заявил Прайм. – Не слишком хорошая идея идти на встречу со Старскримом. Праул, отправь ему сообщение. Скажи ему, чтобы он нашел где-нибудь канал связи, который внушает ему абсолютное доверие. Если он хочет поговорить со мной, так и случится. – Оптимус направился к двери. – Я буду в Городском Архиве.

Вернувшись на свое старое рабочее место, в окружении терминалов, экранов и интерфейсов, которые так долго принадлежали ему, Оптимус Прайм задумался о том, как далек он стал от прежней жизни. Был еще один способ выразить, насколько далеко он способен зайти. Канал для связи со Старскримом был открыт, защищен лучшими мерами безопасности, которые Альфа Трион и руководители Гильдии вместе могли предоставить, и ждал лишь появления самого Старскрима.

Оптимус Прайм позволил себе задуматься о возможности, которая казалась настолько возмутительной, что не стоило тратить времени на ее обдумывание. Что если Старскрим решил сменить сторону? Присоединение Старскрима и контингента его сикеров могло существенно помочь делу автоботов. Будет ли этого достаточно, чтобы сместить расстановку сил в этой войне в пользу автоботов? Трудно сказать. Но можно быть уверенным, что хуже от этого не станет.

Терминал загудел, и Оптимус Прайм включил связь.

- Две вещи, – сходу заявил Старскрим. – Первое. Если вы не знаете, что такое темный энергон, вам нужно выяснить это. Второе. Я должен знать, чего могу ожидать от вас, если с Мегатроном что-то случится.

Не имея времени, чтобы среагировать, Оптимус Прайм произнес:

- Справедливый мир – вот предмет моих устремлений.

Был малейший намек на колебания в голосе Старскрима, прежде чем он ответил:

- Понял.

Связь прервалась, и Оптимус Прайм задумался, что же именно понял Старскрим.

Жребий брошен, думал Старскрим. Две вещи осталось сделать, два актива остается пустить в игру. Ему следует проявить некоторую жесткость и тщательно продумать, как наилучшим образом использовать каждый из них.

- Хотлинк! – позвал он своего инженера-техника, старый оплот авиационного командования. – Сотри все записи этого канала. А затем уничтожь сервер.

Потом пришло время для срочного визита в Каон. По пути Старскрим совершил облет руин Альтигекского казино, вспоминая те первые дни войны, когда все еще была возможность, что это кончится по-другому. Он охранял Сентинела Прайма, следя за тем, чтобы другие десептиконы не слишком буйствовали в ходе их операции. В конце концов, скорее по умолчанию, чем по плану, во главе авиационного командования числился Сентинел Прайм. Время от времени Мегатрон, казалось, хочет замучить старого Прайма и пытать его до смерти или сделать что-то в равной степени ужасное. Старскрим не желал быть частью такого плана. Его идеей было сохранить Сентинела Прайма, пока он нужен был как козырь, возможно, для обмена на ценного десептикона, попавшего в руки врагов.

По вопросу с Сентинелом Праймом, как и по всему остальному, Старскрим был не согласен с Мегатроном. Компромисс, кажется, достигался тем, что Старскрим держал Сентинела Прайма на

Лунной базе-1, а Мегатрон не давал воли мстительным побуждениям, пока война не была выиграна.

Сегодня Сентинел Прайм спокойно стоял в своей камере спиной к двери. Он не пошевелился и не даже отреагировал, когда Старскрим вошел.

- Вы, автоботы, верите в силу искупительных поступков, которые загладят ошибочные устремления, вроде этого, не так ли? – спросил Старскрим.

- Я не автобот, - сказал Сентинел, - Я Прайм. Я не связан ни с какими движениями.

- Понятно. Но если я дал вам шанс искупить свою трусость в Альтигексе, вы должны воспользоваться им.

Сентинел Прайм повернулся к Старскриму, который инстинктивно сделал шаг назад, несмотря на то, что кандалы удерживали руки Сентинела по бокам от туловища.

- Как ты смеешь? – прорычал он.

- Да, я смею! – к Старскриму вернулся апломб. – Вы были трусом! Вы сбежали с поля боя вместо того, чтобы защищать трансформеров, которые доверились вам как лидеру, – он приблизился прямо к лицу Сентинела Прайма. – Почему, как вы думаете, я выступил на стороне десептиконов?

К удивлению Старскрима на последнем вопросе Сентинел Прайм усмехнулся.

- А ты правда на стороне десептиконов, Старскрим? – спросил он мягко. – Из того, что я слышал здесь, это - открытый вопрос.

- Из того, что вы слышали?! – всполошился Старскрим, - Да что вы, собственно, можете слышать в этой своей камере?

Сентинел Прайм рассмеялся в лицо Старскриму:

- Разве я лишен слуха? Полагаю, ты будешь удивлен, как много информации можно почерпнуть о ком-то со слов его подчиненных. Каждый раз когда меня приходят допрашивать, или когда техник приносит мне энергон или дрон заявляется на уборку... Все это накладывается в течение миллиардов циклов, и в результате я точно знаю, что происходит. Не только на этой лунной базе, но и, полагаю, в твоей голове.

Сентинел Прайм сделал шаг назад и затем продолжил:

- Много, много времени прошло с тех пор, как ты заточил меня здесь. Я изменился. Время и уединение – великие учителя.

- Значит, вы перестали быть трусом? Вы это хотите сказать?

- Сними кандалы, и я отвечу тебе, - сказал Сентинел Прайм спокойным голосом.

- Я подумаю, - ответил Старскрим.

Он оставил Сентинела Прайма и вернулся в командный отсек Лунной базы-1. Имелись операции, которые надо было спланировать, автоботы, чтобы их тиранить, и некий особенный объект, с которым будет немного сложнее, чем Старскрим думал вначале.

Он также должен принести гораздо больше пользы.

- Ты где? – прогудел голос Мегатрона во внутреннем аудио-приемнике.

- Лунная база-1 – ровным голосом ответил Старскрим. – Занимаюсь переоборудованием и ремонтом, пока ты выясняешь, что делать с этим самым темным энергоном.

- Разве темный энергон тебе не интереснее? Возвращайся на «Триптикон». Тебе нужно кое-что увидеть.

Глава 19

Было несколько способов утихомирить штат сотрудников и экипаж станции «Триптикон». Мегатрон мог объявить о своем присутствии. Хотя они уже знали, что он прибыл. Он мог наказать нескольких из них в назидание другим. Но проблема была в том, что никак не предугадаешь, когда наказание может обернуться поводом к мятежу, для которого они сплотятся. Или же он мог оставить все как есть под контролем Старскрима и вести войну, как она идет. Впрочем, Мегатрон не мог заставить себя все бросить. Не тогда, когда потенциальные выгоды от темного энергона были так близко, только руку протяни, и не тогда, когда нужно было преподать урок Старскриму.

Тогда единственный выход был в том, чтобы поступить со станцией «Триптикон» так, как если бы это был военный объект, содержащий ценный ресурс.

Десептиконский гладиаторский корпус был выставлен в проходах и лабораториях станции «Триптикон» со строгим приказом сохранить целостность сооружения станции, а также охранять все лаборатории и запертые складские отсеки. Но в этих правилах применения вооруженной силы ничего не говорилось о рабочих-трансформерах. Немногие из них сражались. Они были уничтожены до того, как смогли бы создать какую-то форму организованного сопротивления.

Прежде чем станция совершила облет по орбите вокруг Кибертрона, она оказалась полностью в руках Мегатрона.

— — — — —

Старскрим обнаружил это, когда прилетел с Лунной Базы-1 и приземлился в командном отсеке. Мегатрон стоял на командной палубе с Шоквейвом. Он жестом приказал Старскриму приблизиться.

Старскрим уже заметил, что на месте нет никого из сотрудников станции, бывших, когда он покидал «Триптикон».

- Куда делась вся команда? – спросил Старскрим.

- Я должен был обеспечить лояльность, - ответил Мегатрон. – Это были твои боты, Старскрим. Когда ты заставил их признать в тебе лидера, ты сделал их опасными для дела десептиконов. Нужно было что-то делать.

- Ты не знаешь, как работает эта станция. А он тем более, - Старскрим указал на Шоквейва.

- Я – экспериментатор, во-первых, и теоретик, во-вторых. Что верно, то верно, - отозвался Шоквейв. – Но в Тарне и Восе выяснилось, что я способен к некоторой деятельности на практике так же хорошо.

Старскрим посмотрел на Мегатрона, ища подтверждение того, что скрытую угрозу в ответе Шоквейва почувствовал он один.

- Наш доктор - по-настоящему ценный сотрудник в ряде областей, - сказал Мегатрон.

- А знает ли он хоть что-то о темном энергоне?

- Интересный вопросик, - произнес Шоквейв. – Разве кто-нибудь из твоего персонала позаботился о том, чтобы просветить меня по поводу этого чудесного вещества? Они с такой неохотой шли на разговор со мной, пока ты отсутствовал...

Это случилось, промелькнула мысль в голове Старскрима. Мегатрон и его подхалимы собираются уничтожить все, что мы создали, потому что вбили себе в голову, что все должно быть так, как они хотят.

Он бросился вон из командного отсека и быстро зашагал по направлению к главной научной лаборатории, расположенной ради безопасности (в том числе экипажа) в дальнем конце станции, где она отделялась в виде шарообразной формы от основной структуры «Триптикона». Охранники, типичные экс-гладиаторы, избранные Мегатроном для непосредственной физической работы, преграждали ему путь на блок-постах, которые появились, пока Старскрим совершал полет на Лунную базу-1. Старскрим отталкивал их, не говоря ни слова. Когда пространство было слишком узким, а охранники вставали на пути, он сбивал их с ног и шел дальше.

В лаборатории каждый неодушевленный предмет, каждый неразумный объект выглядел, как раньше. Но не было ни воинов Старскрима, ни самой научной команды станции, ни атташе Старскрима, который поступил на службу из офицерского корпуса Военно-воздушных сил Кибертрона. Новая команда, похоже, состояла из выходцев из Полигекса и Нова Хронума. Это была элита десептиконской науки и техники, те, кто перешел на сторону десептиконов скорее под страхом уничтожения их довоенного сообщества. Никто из них не сказал Старскриму ничего, кроме заданного протоколами минимума.

- Где моя команда? – спросил он у техника, работающего у центрифуги.

- Я тут ни при чем! – пискнул бот.

Ударом руки Старскрим разнес центрифугу.

- Повторяю вопрос.

Техник все еще не решался поднять на него глаза, но указал на запертую дверь с надписью «чистая комната»¹⁰⁶.

- И зачем было артачиться? – хмыкнул Старскрим.

Он подошел к двери и коснулся штифта на матрице контроля доступа, чтобы открыть информационную панель.

Внутри вдоль стен лежали ученые и члены команды, которые работали на «Триптиконе» еще до войны. Некоторые из них были ранены. На лицах всех отражался ужас. Они были связаны, а их вокодеры, вырванные безжалостной рукой, валялись тут и там между столами и оборудованием.

¹⁰⁶ В данном случае это термин, скорее всего обозначающий помещение в лаборатории, герметичное, стерильное или построенное так, что в его пределах контролируются какие-то параметры, например, температура, влажность или давление.

Слишком рано, подумал Старскрим. Слишком рано, чтобы вводить план в действие. Тем не менее если Мегатрон совершил такое, зашел так далеко... Как много пройдет времени до того, как все движение десептиконов будет уничтожено изнутри, истреблено эгоизмом и безмерным честолюбием?

- Вот так... – произнес Мегатрон за его плечом.

Старскрим замер. Когда продолжения фразы не последовало, он задал вопрос:

- Что «вот так»?

- Вот так бывает, когда твое начальство обнаруживает, что не может доверять тебе, Старскрим. С тебя снимают полномочия. – Мегатрон открыл дверь. – Пройдем внутрь.

В сопровождении Шоквейва он вошел в чистую комнату.

- Досадно, что потребовалось прибегать к насилию, чтобы справиться с сопротивлением на этой станции, - отметил Шоквейв.

- Кто бы мог подумать, что ученые будут драться? – добавил Мегатрон.

Старскрим видел их насквозь. Они насмеялись над ним. Здесь не было никакого сопротивления, и он осознавал это, и они знали, что он знает. Но он не мог доказать это. Мегатрон и Шоквейв нагло ввали ему, бросая ложь в лицо.

И я приму это, подумал Старскрим. Потому что в этот момент нет иного выхода. Но я не забуду...

- Ну что же, Шоквейв, - произнес Мегатрон. – То, что ты видишь вокруг себя, - это гигантская машина, орбитальный дрон. Однако, возможно, внутри него найдется место для искры.

- А где я возьму новую искру? Колодец больше не порождает их!

Мегатрон развернулся, потянув Шоквейва за собой.

- Разве каждый из этих ботов не имеет искры? – спросил Мегатрон, взмахом руки указав на связанных трансформеров. – Я бы подумал, что здесь более чем достаточно материала для ученого твоего уровня и способностей.

Пленники, все до единого послушно работавшие на десептиконов под командованием Старскрима, выглядели шокированными. Если бы они могли говорить, они бы, без сомнения, кричали.

Сам Старскрим, стоя за плечом Мегатрона, не мог заставить себя смотреть на них.

Однако Шоквейв мог. Отблеск зловещего интереса светился в его лице, когда он рассматривал эти новые материалы, которые его повелитель предоставил ему для работы. Сильные испытанные солдаты с различными вариантами трансформы...

- О да, - пробормотал Шоквейв, - да...

- Старскрим, выбери двоих из них, - приказал Мегатрон.

- Для чего?

- Может быть, ты желаешь опробовать темный энергон на себе? – ехидно осведомился Мегатрон.

Старскрим колебался. Мегатрон наблюдал. В его голове промелькнула мысль, что эта последняя провокация могла задеть Старскрима слишком сильно, что было бы прискорбно: Мегатрон не хотел уничтожать сикера. Все, чего он хотел, - контроля. Старскрим указал на двоих.

- Захвати их, - сказал Мегатрон. – И идем со мной.

Хранилище темного энергона было переоборудовано из лаборатории, когда-то используемой для создания и хранения изотопов радиоактивных элементов. Оно выделялось из основного корпуса станции «Триптикон», находясь на равном расстоянии от чистых комнат лаборатории на другой стороне. Старскрим поручил Хотлинку и его подчиненным курировать темный энергон, поэтому когда они вошли в хранилище с Мегатроном, Шоквейвом и двумя подопытными, это был для всех них первый раз, если только кто-нибудь из этих двоих членов команды не заглядывал сюда раньше. Старскрим не знал никого из них.

Главным ученым, отвечающим за темный энергон, стал, конечно, Шоквейв, но поскольку он ничего не знал о темном энергоне и дураком не был, то перепоручил большую часть практической работы одному из ученых-офицеров Старскрима, - Автоклаву¹⁰⁷.

- Вам оказана большая честь, - сказал Мегатрон двум выбранным трансформерам, имен которых он не знал да и не интересовался. – Вы не только будете избавлены от участи стать творческим продуктом технологии мутаций Шоквейва, но и войдете в историю Кибертрона как первые десептиконы, опробовавшие темный энергон.

Двое несчастных тут же начали биться в своих путах и порывались поднять столько шума, сколько было возможно, учитывая, что они не могли говорить. Охранники Мегатрона подтащили их к висевшим зажимам, установленным возле одной стены, и привязали там.

- Дадим им на пробу по небольшому кусочку для начала и снимем все жизненные показатели, а также посмотрим на любую ответную реакцию, которая может проявиться. За наукой будущее, не забывайте – внушал он подопытным жертвам, которые пытались вырваться из своих новых пут. – Вы находитесь в авангарде исследований, которые помогут нам выиграть войну.

В бодром настроении и заметно оживившийся, Шоквейв вошел с запечатанным магнитами контейнером и вынул из миниатюрных держателей брусочки, каждый из которых светился насыщенным фиолетовым цветом. Кусочки в держателях были двух размеров: один тип был примерно со средний энергокуб, а второй в 10 раз меньше. На держателях было по 6 кусочков каждого вида.

- Это перегонка вещества из первоначального состояния, основанная на догадках, всего лишь попытка, - объяснил он Автоклаву.

¹⁰⁷ Автоклавом называют на Земле аппарат для проведения различных процессов при нагреве и под давлением выше атмосферного.

- Мы преуспели, - отозвался Автоклав. Он не пытался казаться вежливым или приветствующим смещение расстановки сил на станции и в иерархии десептиконов.

Старскрим наблюдал, как Шоквейв отметил оскорбление, но затем решил ничего не предпринимать в данный момент.

- Скоро мы это проверим, - сказал он, а затем подошел к двум подопытным.

С приближением Шоквейва охранник открыл энергопоглотители каждого. Ловкими, отточенными практикой движениями Шоквейв вложил по одному небольшому кусочку во входное отверстие питающего устройства каждого бота.

Эффект был мгновенный. Старскриму никогда не забыть этого. Оба подопытных дернулись, как если бы через лабораторию прошла ударная волна ЭМИ. Но затем вместо того, чтобы рухнуть без сил, как это было бы вследствие электромагнитного поражения, они согнули конечности и вывернули зажимы из стен лаборатории. Охранники Мегатрона бросились на них и попытались остановить, но жертвы эксперимента, воспламененные темным энергоном, раскидали охранников с легкостью. Активировалась автоматическая система защиты лаборатории, выпустив giro-ингибиторы¹⁰⁸ и маг-импульсовые устройства¹⁰⁹ в зону тестирования. Старскрим вздрогнул от тошнотворного эффекта обоих залпов, от которых досталось не только темным испытуемым, но и заодно охранникам Мегатрона и двум ученым, стоящим поблизости: Автоклаву и Шоквейву. Подопытные оказались на полу, но барахтались, делая попытки встать, остальные 5 ботов в зоне поражения, не пробовавшие темный энергон, лежали в беспомощном состоянии.

- Ты видишь, Старскрим? Они под действием темного энергона. Они стали сильнее, их сила духа возросла, они оказали более ожесточенное сопротивление. – Мегатрон наблюдал весь процесс по другую сторону испытательной площадки.

Но внезапно он не выдержал. Бросился вперед и вырвал большой кусок темного энергона из держателя, не возясь с зажимами. Кусок светился холодным светом в его ладони. Мегатрон открыл порт своего питающего устройства и вложил брусочек.

Он почувствовал как будто бы прилив безграничной силы. Каждая молекула его тела пела грозную опьяняющую злорадную песнь – злорадную, поскольку его переполняло ощущение мощи, жажды ее применения и гнев из-за того, что он не мог творить насилие прямо в тот же наноклик. Мегатрон никогда не знал слабости. Он выжил, потому что его тело и воля были сильнее, чем у его противников на арене, и стало быть, гораздо сильнее, чем у его противников на поле боя. Но темный энергон заставил его ощутить, что он как будто был жалким, слепым слабаком за все время своего существования, до того самого момента, пока он впервые не вкусил этот запретный темный дар. Мегатрон мог бы разбить армию Оптимуса Прайма, всех защитников планеты. Однако он чувствовал не жажду убийства, но желание быть победителем, чтобы его боялись, чтобы он мог безраздельно властвовать над всеми, кто встанет у него на пути. Темный энергон дал ему осознание великой судьбы и славы, что ждала его на пути к судьбе... на пути войны. Руки Мегатрона сжимались и разжимались. Он жаждал боя, хотел, чтобы противники

¹⁰⁸ Ингибиторы – реагенты, замедляющие химическую реакцию.

¹⁰⁹ Это что-то из мира трансформеров. На Земле аналогов нет.

материализовались перед ним, чтобы он мог убить их, а затем чтобы они починились, и он мог бы убить их снова.

- Ах! – протянул Мегатрон. – Да, Оптимус, ты удивишься, брат. Тебя я оставлю напоследок.

И Мегатрон уже хотел большего.

Он посмотрел на двух подопытных, которые уже вставали на ноги. На их лицах он видел тот же пробуждающийся голод, который ощущал он сам.

- Да, этого недостаточно, не так ли?

Старскрим, наблюдавший за тем, какое темный энергон сказал влияние на Мегатрона и двух подопытных, передвинулся поближе к лидеру научной группы и помог ему встать на ноги.

- Автоклав, сколько у нас еще темного энергона? – спросил он шепотом.

Голос Автоклава звучал глухо, слова было трудно разобрать, но Старскрим понял, что он хотел сказать.

- Немного, - просипел Автоклав – но достаточно, чтобы снарядить несколько ударных отрядов.

- Я все слышу! – воскликнул Мегатрон. Он повернулся к подопытным и добавил. – Мы способны сделать больше, не правда ли?

Опираясь на Старскрима, Автоклав дошел до компьютерного комплекса и вывел на дисплей структуру элементарных частиц энергона. Рядом он приложил диаграмму с частицами, входящими в состав темного энергона.

- Видите? – спросил он.

Его голос звучат четко, хотя слегка дрожал из-за воздействия механизмов защиты лаборатории. Но на Автоклава мало кто обращал внимание. Шоквейв только сейчас начал подавать признаки жизни, а два бота-гладиатора вяло шевелили руками и ногами, в остальном никаких изменений.

- Видим что? – перепросил Старскрим.

Ни он, ни Мегатрон не были учеными¹¹⁰. Им было не ясно.

- Мне представляется, - начал Автоклав, - что практически любое количество темного энергона можно конвертировать из обычного энергона. То есть можно сделать энергон темнее. Так что если вы хотите больше темного энергона, нужно найти обычный энергон.

А вот это представляло собой проблему. Урочные энергохранилища на Кибертроне истощаются стремительно, по мере того, как война опустошает их, быстрее, чем кибертронские природные процессы могут их восполнить.

¹¹⁰ Здесь противоречие с заявлением в 11 главе о том, что Старскрим был ученым. Этот момент был отмечен в тф-вики как ошибка. Но Алекс Ирвин позже пояснил в своем твиттере: «Давайте будем считать, что он был очень специфическим ученым».

Мегатрон бросил взгляд на Шоквейва, который еще не оправился после того, как оказался в радиусе действия разряда giro-ингибитора. Бесполезен. Перевел взгляд на Старскрима. Ненадежен, но полезен в определенных обстоятельствах.

- Приведите Саундвейва. – приказал он. – Мне нужны ответы. А Старскрим...

Сикер замер на полпути из лаборатории, но не откликнулся на призыв Мегатрона. Мегатрон позволил ему уйти. Иногда полезно понимать, когда пора остановиться при демонстрации силы. Голова Мегатрона прояснилась после первой пробы темного энергона. Он по-прежнему ощущал силу, но мог ее контролировать, чувствовал жажду разрушений, но целенаправленную.

- Возможно, когда ты вернешься, я дам тебе подзаправиться темным энергоном. Это действительно нечто.

Глава 20

Первое зарегистрированное столкновение между партизанским отрядом автоботов и ударным отрядом темных десептиконов произошло возле технического порта А46, на равнине Кали-Кон, вдоль трассы трубопровода энергии между Калис и Иаконом. Оптимус Прайм организовал регулярное патрулирование технических туннелей в ожидании возможного нападения десептиконов или попытки саботажа. Отряд под руководством Джаза только что завершил длинный инспекционный рейд под землей и направлялся через А46 к поверхности на разведку прежде чем вернуться обратно в Иакон.

Темные десептиконы ударили, едва они вышли из технического канала, который располагался под углом в нависающей скале, что воздымалась над заброшенным поселением. Когда-то поселение, вероятно, имело название, но многое было потеряно во время войны... Джаз и 5 членов его отряда рассредоточились вдоль скалы. Вторая цель их миссии заключалась в изучении любых развалин в поисках возможных источников энергии. Были разработаны даже специальные оптические модификации, чтобы засечь изотопный состав энергона среди окружения или возможных хранилищ.

Джаз обладал такой оптикой и сканировал лежащую внизу долину. Затем он услышал, как один из членов его отряда поднял тревогу:

- Прорыв! Прорыв обороны! Дес внутри периметра!

Все 6 автоботов действовали не раздумывая при оценке ситуации. Они открыли огонь, и двух десептиконов сразу разорвало на острые куски, которые заскользили вниз по склону. Но снаружи автоботов поджидало гораздо больше десов.

Джаз взобрался на вершину скалы обследовать небо. Никаких сикеров по крайней мере не видеть. Затем он вернулся обратно, чтобы подсчитать силы врага. Джаз сразу же насчитал десять... двенадцать... шестнадцать.

- Отряд Джаза, отряд Джаза, используем тактику кратковременного боя! Повторяю, наскок-отступление!

Снова 6 членов отряда выбрали цель и открыли огонь. Два или три автобота сосредоточились на одном десептиконе. Еще два деса покатались вниз, но затем оставшиеся набросились на автоботов, вести массированный огонь стало невозможно. Джаз убрал свое энергетическое оружие и выхватил виброклинок. Удерживая его двуручным захватом, Джазу удалось разрезать деса-гладиатора, который бросился на него со скалы.

Но тут открылась проблема: деса, казалось, не волновала потеря конечностей. Он со смехом продолжил преследовать Джаза на оставшихся. С самого начала Джаз почувствовал, что столкнулся с кем-то, кто был не обычным десом. Экс-гладиаторы были жестоки и сильны, но не обладали достаточной ловкостью и после удара сразу падали. Этот же, похоже, даже не заметил удара Джаза и нанес ответный быстрее, чем любой гладиатор, которого Джаз когда-либо видел. Довольно скоро Джаз понял, что едва ли сумеет избавиться от этого субъекта, он никогда не чувствовал ничего подобного, сражаясь с ботами-гладиаторами раньше.

- Наскок-отступление – закричал Джаз и трансформировался.

Как только его колеса коснулись старой дороги, тянувшейся вдоль скал, Джаз проверил все ли в порядке. Сенсоры указали ему на то, что 4 других члена отряда двигаются следом. Но пятый отсутствовал. Никаких сигналов от него. Его имя было Рево¹¹¹.

Автоботы строем неслись по дороге. Джаз двигался позади, прикрывая отход. Их преследовали только 4 деса. Оставшиеся трансформировались в гусеничные механизмы, таким нипочем не поймать того, кто передвигается на настоящих колесах.

Пятеро против четырех, подумал Джаз.

- Отряд Джаза! – скомандовал он. – Маневрируем по моему сигналу!

Члены отряда одновременно ответили согласием. Джаз вырвался вперед, и пятеро автоботов устремились к месту, где дорога расширялась настолько, чтобы позволить даже крупной машине сделать разворот перед новым техническим портом на пути назад к Иакону. А45 выглядел точь-в-точь как А46 за исключением того, что дорога тянулась почти у самой горной гряды, стена скал на одной стороне и обрыв с другой делали это место удобным для засады.

Автоботы выбрали подходящий момент и трансформировались. Смертоносные залпы ионной пушки, вспышки лазеров, магно-снаряды и простые старые добрые кинетические снаряды пришлось по первому из 4-х десов, находившихся в режиме автомобилей, и он скатился с обрыва. Он скользил, пытаясь затормозить, загорелся, затем покатился с дороги, пролетел на полной скорости мимо автоботов и рухнул вниз. Остальные три деса двигались плотной группой, и они изрядно пострадали, прежде чем смогли трансформироваться и нанести ответный удар. Джаз поверить не мог, что кто-то из них будет способен продолжать двигаться после града выстрелов, обрушившихся на них в тот момент, когда они попали в засаду.

События, которые произошли дальше, поражали своей неправильностью. Поврежденные десы ворвались в автоботский строй, как будто они не ощущали выстрелов... А первый десептикон, который слетел с дороги в трансформе, объятый пламенем... вернулся обратно, с отсутствующими деталями, обгоревший и поврежденный, но жаждущий боя.

Расклад пятеро против четверых вдруг перестал казаться хорошим.

- Наскок-отступление! – снова прокричал Джаз. – Внимание, серия кратковременных ударов!

На этой реплике каждый автобот в команде сосредоточил огонь на конкретном десе. В этот раз они не прекращали стрельбу, пока не убедились, что враг разбит на куски, но сложность заключалась в том, что другие три противника отрезали им путь. Среди них находился тот самый дес, которого Джаз порубил возле А46. Было слишком поздно бежать. Если бы они стали трансформироваться, то оказались бы уязвимы хотя бы на долю секунды. Так что пришлось принять бой. Джаз и его предыдущий противник снова схлестнулись. На этот раз Джазу удалось швырнуть противника на землю благодаря удару клинка по ноге и расправиться с ним окончательно, разрубив его корпус широким ударом.

¹¹¹ Имя Revo, возможно, сокращение от слова revoke – «отзывать», «отменять». Интересно, что трансформер с этим именем встречается на настоящий момент только на страницах этой книги, поэтому о нем мало что можно сказать.

Джаз оглянулся по сторонам, чтобы проверить остальных членов команды. Но никого из них не осталось в живых. Двое из десов стояли на ногах, но все остальные автоботы и десептиконы, стали металлоломом.

Джаз трансформировался и врезался в обоих до того, как они сами трансформировались. Затем он развернулся и помчался так быстро, как только мог. Его не преследовали. «База!» - вызывал Джаз. – «Мы подверглись атаке противника, возвращаюсь один! Требую срочно выслушать отчет! Повторяю, вы непременно захотите услышать это!».

Он гнал все быстрее и стремительнее. Десы не могли перехватить его. Никто не мог перехватить Джаза, когда он был на пределе своей скорости. Но если автоботы не предпримут ничего с энергозапасами в ближайшее время, ему не придется никуда спешить с такой скоростью. Не придется двигаться вообще. «Оптимус, - шептал Джаз про себя, когда земля стремительно неслась под его колесами, - Надеюсь, ты знаешь, что делать...».

Положение автоботов, плохое и до появления темного энергона, теперь, когда выяснилось, что каждая боевая единица усилилась, как Альфа Трион боялся, стало гораздо хуже. Донесения поступали из каждого места, где автоботы вели борьбу, пока еще жили. Казалось, всюду десептиконы стали более сильными и свирепыми. Этот новый источник энергии, судя по всему, был неисчерпаемым, и к тому же он находился вне досягаемости Оптимуса Прайма и его разведки. Станция «Триптикон» располагалась слишком далеко, и сикеры обеспечивали десептиконам превосходство. Это делало прямую атаку на них самоубийством.

Но Оптимус Прайма отметил нечто новое в тактике десептиконов, и, возможно, в этом крылась разгадка. Они атаковали группами, развертывая несметную силу, но не всегда пытались удержать завоеванную территорию. У Оптимуса Прайма начала складываться теория, что десептиконы столкнулись с проблемой нехватки энергоресурсов даже острее, чем автоботы.

Таким образом, поскольку автоботы и десептиконы были одинаковыми формами жизни, это значило лишь одно: десептиконские источники энергии истощаются стремительнее и требуют более частого восполнения, чем энергон, дающий жизнь автоботам.

Если я прав, думал Оптимус Прайм, темный энергон имеет существенный недостаток. Значит, мне нужно придумать, как обернуть это обстоятельство в нашу пользу.

- Как долго мы собираемся еще убегать? – горячился Джаз. – В конце концов нас загонят в угол, если мы не проявим осторожность!

- У тебя есть лучшая идея? – спросил Оптимус, изучая карту.

- Драться – произнес Джаз. – Просто драться.

- Драться! – вторил за ним Сайдсвайп. – Пора идти в наступление! Чем бежать, лучше принять открытый бой.

Никто из них, казалось, не думал о том, что случилось в последний раз, когда небольшая группа автоботов столкнулась с темными десептиконами.

- Чем больше мы отступаем, - сказал Оптимус Прайм, - чем больше хитрости при этом проявляем, тем больше наш шанс заставить Мегатрона зайти слишком далеко, преследуя нас. Если нам удастся заставить его отдалиться от того, что он использует для создания темного энергона, у нас есть шанс на победу. Но если же он может продолжать создавать темный энергон, когда захочет и в каких угодно количествах...

Не было нужды продолжать фразу.

- Те запасы темного энергона, которые Мегатрон нашел на «Триптиконе», не бесконечны – продолжил Оптимус. Он указал на схему, которую сделал в архивах. – Согласно схеме, когда-то было создано не слишком много темного энергона, и он не весь помещался на станции. Если мы сумеем продержаться до того момента, когда ресурсы десептиконов иссякнут, мы сможем преломить ход войны.

Оптимус Прайм стоял и смотрел в лица своих самых доверенных помощников, которые сгруппировались вокруг его рабочего терминала.

- Вот почему самое умное сейчас – это бежать, - сказал Оптимус Прайм.

- Потому что чем больше мы заставляем Мегатрона преследовать нас, тем больше мы заставляем его тратить его ресурсы. И потом – когда у него закончится топливо в один прекрасный момент – мы призовем его к ответу.

Он замолчал, но автоботы знали, о чем он думает. Оптимус Прайм не мог позволить себе ошибаться, потому что окончательное противостояние будет иметь место в Иаконе. И эта битва обещала быть такой, по сравнению с которой осада, которую они переживали сейчас, показалась бы ерундой, как спор на тему того, много ли миниконов могут танцевать на макушке Дефенсора.

Глава 21

Мегатрон смотрел сквозь окна, расположенные во всю стену, на командном мостике станции «Триптикон». Под ним простирался Кибертрон. Значительная часть поверхности планеты уже принадлежала ему, и еще больше будет принадлежать с каждым оборотом. Темный энергон моментально обеспечил перевес. Десептиконы прочесывали поверхность Кибертрона, уничтожая все уменьшавшееся число очагов автоботского сопротивления и заставляя их драться за все большее и большее количество своих некогда защищенных территорий. Шло наступление. Десептиконы наносили удар, а автоботы отступали. Они прекрасно разбирались в сети подземных кибертронских туннелей, и десептиконы не могли угнаться за ними так быстро, как Мегатрону бы хотелось... потому что хотя темный энергон был удивительной силой, он имел недостатки, по сравнению с обычным энергоном. И когда действие темного энергона подходило к концу, его негативные эффекты начинали быстро преобладать над его преимуществами. Несколько раз Мегатрон наблюдал битвы, в которых близкая победа десептиконов внезапно оборачивалась невероятным нападением автоботов, потому лишь, что у десептиконов иссяк темный энергон.

Стоит скорректировать тактические приемы. В дополнение к уже существующим. Но никакие корректировки не будут иметь смысла, если закончится темный энергон.

Мегатрон развернулся и спустился вниз в хранилище темного энергона, где Шоквейв выделил какое-то время в ущерб своему главному проекту, чтобы провести исследование по реакции на лишение темного энергона, начав с двух подопытных. Учитывая, что материала для опытов было довольно мало, Шоквейв решил, что полезно будет посмотреть, что произойдет, если бот, привыкший к темному энергому, вынужден будет вернуться к потреблению обычного.

Вкус темного энергона был сладок, и сила, которую он придавал, была велика. Но во всем мире было недостаточно темного энергона, чтобы удовлетворить Мегатрона. Его вкус был вкусом власти и обещанием большего. Он пульсировал в конечностях и в голове, давая ощущение бессмертия.

Но действие темного энергона прекращалось, и тогда...

Вот уже 2 орбитальных цикла подопытные сидели без темного энергона, и Шоквейв считал необходимым связать их. Как только Мегатрон вошел в лабораторию, эти двое начали биться в своих цепях, так как наслаждение темным энергоном превратилось в агонию при его отсутствии.

Мегатрон решил, что не допустит, чтобы это постигло его, даже если ему придется убить всех до единого бота на станции «Триптикон» и извлечь темный энергон из их тел. Хотя это тоже было бы всего лишь отсрочкой неизбежного. Десептиконам нужно было больше энергона, который они могли бы затем превращать в темный энергон. Проблема была двоякой. Во-первых, была нехватка энергона, что могло привести войну к завершению, независимо от того, как каждая из сторон жаждала ее закончить.

Во-вторых, даже если бы энергона было достаточно, надо было найти способ доставлять его в огромном количестве на орбиту станции «Триптикон». В противном случае Мегатрону пришлось бы подвергнуть темный энергон риску, отправляя его вниз на поверхность, где может

случиться все, что угодно. Невозможно было гарантировать его благополучную сохранность при транспортировке на Кибертрон.

Мегатрон изложил эту проблему Шоквейву и Саундвейву, пока два подопытных, опутанные сетью регистрирующих кабелей и датчиков, бились в своих оковах и пытались вырваться. Вливание энергона, похоже, не очень им помогало.

- По правде говоря, все, что я могу сделать теперь, - это только смотреть, как долго они будут страдать, прежде чем умрут, и записывать, как это будет происходить, - признался Шоквейв.

- Не трать время, если это отвлекает от другого проекта! – приказал Мегатрон.

Шоквейв склонил голову в знак того, что прекратил делать заметки по интересным (во всяком случае, для Шоквейва) поступающим данным одного из подопытных.

- Да, - сказал он. – Я возвращаюсь к проекту. Если понадобится, буду в чистой комнате лаборатории.

Он ушел, а Мегатрон обернулся к Саундвейву.

- Ты знаешь, как разобраться с транспортной проблемой?

- Это совсем не моя область, - ответил Саундвейв.

- Сделай ее своей областью! – приказал Мегатрон.

Саундвейв углубился в размышления.

- Поднимать сюда энергон в больших количествах. Это то, чего вы хотите? – он размышлял по ходу диалога. Мегатрон заметил это, потому что, когда Саундвейв серьезно задумывался, миниконы, которых он нес при себе, проявляли беспокойство и становились видимыми. Их серебристые ножки мелькали по краям его туловища.

- Мне нужен ответ сейчас – сказал Мегатрон. – Докажи, что ты не терял времени за последний миллион орбитальных циклов. Что тебе известно? Как древние перемещали энергон? Им требовалось его невероятное количество, чтобы построить, например, космические мосты.

Саундвейв хранил молчание. Миниконы принялись верещать в досаде, что он не выпускает их. Мегатрон подошел близко к Саундвейву, очень близко, и тихо сказал:

- Не разочаровывай меня, Саундвейв.

- О нет, способ есть – произнес Саундвейв, прервав размышления. – Я лишь должен найти его. Терациклы назад, еще того, как автоботы усилили протоколы безопасности «DataNet», мои сетевые лазутчики раскрыли интересную историю. Глубоко под поверхностью планеты находится линза. Она соответствует линзовой антенной решетке, расположенной на обращенной к Кибертрону стороне станции «Триптикон». Когда-то существовала связь между двумя этими объектами, но она была разрушена или по крайней мере прервана еще в древние времена.

- А что из себя представляет эта линза? Что она делает? – поинтересовался Мегатрон.

- Это устройство известно или когда-то было известно как геостационарный энергонный мост¹¹². Я считаю, что его использовали для преобразования и концентрирования энергона в самую разреженную форму и передавали ее на антенную решетку, где в последующем энергон восстанавливали в более удобной для применения форме – специалист по шпионажу едва сдерживал скупые проявления восторга.

Мегатрона одновременно посетили две мысли. С одной стороны, его привлекал огромный потенциал неограниченного количества энергона, который выкачивался бы из центра Кибертрона на погрузочную платформу станции «Триптикон». А затем он мог бы быть преобразован в темный энергон. И сам «Триптикон» стал бы недоступной и неуязвимой базой, откуда десептиконы смогут наконец нанести решающий удар и уничтожить силы автоботов.

Но что если связь может работать в другую сторону? Что если темный энергон можно направить прямо в материальное тело самого Кибертрона?

«Не стоит забегать дальше задуманного, - осадил себя Мегатрон. – Получи уверенность в одном деле, прежде чем браться за второе».

- Старскрим! – приказал он. – Перемести станцию на геостационарную орбиту. Когда это будет сделано, у меня найдется еще одна миссия для тебя.

- Теперь-то, когда станция находится под контролем, я с нетерпением жду полетных заданий, где придется участвовать в реальных боях, – произнес Старскрим.

- Не сомневаюсь, - ухмыльнулся Мегатрон. – Ведь каких трудов мне стоит держать тебя на станции до сих пор!

- Меня не задевают эти насмешки, Мегатрон. Ты прекрасно знаешь, почему я остался здесь. Что бы ты стал делать, если бы автоботы открыли темный энергон раньше?

- Автоботы никогда не стали бы использовать темный энергон, дурак. Поищи оправдание получше!

Внезапно Старскрим сделал нечто такое, что Мегатрон не думал, что ему хватит мужества сделать. Он подошел к Мегатрону вплотную, так что их лица почти касались, притом, что Мегатрон был крупнее.

- Мне не нужно оправдание, Мегатрон, - произнес Старскрим тихим голосом. - Ты рассматривал такой вариант, что автоботы могли бы уничтожить темный энергон? Или перепрятать его? Где были бы твои великолепные новые планы, если бы хоть одна из этих вероятностей сбылась?

- Старскрим, поступок, который имел хорошие последствия, не обязательно доказывает, что ты поступил хорошо. Раз тебе не нужны оправдания, представь себе, мне не нужны поводы. Я команду десептиконами и направляю их по своему усмотрению. Ты остался на этой станции, потому что я тебя терплю. Ты жив благодаря моему терпению. Так что, старайся заслужить себе положение, и ты его не потеряешь. Будешь доставлять больше неприятностей, чем ты стоишь, и я разрешу наш конфликт окончательно.

¹¹² Помимо романа это устройство встречается в компьютерной игре «War for Cybertron», во 2-ой главе.

Вызов ощущался в воздухе между ними.

- Значит, геостационарная орбита? – переспросил Старскрим.

- Да, - кивнул Мегатрон.

- Не слишком хорошо тебе придется, если энергонный мост не будет активирован, а его линзы сфокусированы, - заметил Старскрим.

- Видишь, Старскрим? – улыбнулся Мегатрон. – По большей части мысли у нас сходятся.

Глава 22

Заправка темным энергоном была не похожа ни на что из того, что Старскриму доводилось испытывать. Это был как бы энергон в квадрате; энергон с дополнительными гранями; энергон, который заставлял чувствовать себя так, как будто вы первый раз в жизни ощутили, каково быть полным силы.

Подпитанная его сверхъестественной силой, десептиконская миссия по захвату подземной площадки геостационарного энергонного моста была обречена на успех. Старскрим и его собственноручно отобранный отряд пронеслись сквозь атмосферу, уворачиваясь от шквального огня с поверхности, который на них обрушили автоботские защитники, подняв шум в руинах Хрустального Города. Немного автоботов осталось в этих местах. Защитники были дронами с автоматическими установками, рассчитанными на то, чтобы открывать огонь по любому нарушителю, не входящему в их категорию доступа.

Старскрим уклонился от огня зенитной артиллерии, перелетел через линию заградительного огня и выпустил ракеты по батарее ионных пушек, размещенных на склоне холма на окраине Хрустального Города. Склон исчез в огненной вспышке, которая моментально обернулась столбом черного дыма, который стал подниматься с холма, где огонь поглощал остатки защитной батареи, пока не осталось ничего, что могло бы гореть.

Он резко пошел на снижение и трансформировался в нужный момент, чтобы благополучно коснуться земли и пробить внешнюю стену охладительной башни. Внутри башни был туннель, который уходил прямо вниз в недра планеты. Как далеко – Старскрим не знал точно, однако достаточно для того, чтобы охлаждающая жидкость циркулировала через всю подземную часть Хрустального Города.

Перед тем, как покинуть Лунную базу-1, где он оставил работу после того, как получил приказ от Мегатрона прибыть на станцию «Триптикон», Старскрим имплантировал в свою память всю информацию о вторжении в Хрустальный Город. Теперь в его голове была практически полная карта подземных районов, и он полагал, что знает, где может находиться энергонный мост.

Серия взрывов расчертила скальную гряду за его спиной в северном направлении: это последние сикеры устроили эффектное появление, добавив финальный залп подавляющего огня прежде чем трансформироваться и присоединиться к Старскриму у башни.

- Скорее! – призвал Старскрим. – Не отвлекаться. Все дислоцировались?

- Да, сэр! – откликнулись сикеры в унисон.

- Тогда вперед!

И они пролезли через отверстие в стене башни, трансформировались и понеслись прямо в туннель. Старскрим летел во главе, производя расчеты положения и скорости в голове до момента, пока он не совершил невероятный разворот вдоль стены туннеля и трансформировался точно в момент соприкосновения с поверхностью, приземлившись на ноги. Рядом с ним приземлились остальные сикеры, выхватившие оружие и побуждаемые темным энергоном использовать его.

Лаборатория, где они оказались, была разгромлена, похоже, во время первых налетов на Хрустальный Город. Сохранившиеся в обособленности, руины лаборатории выглядели так, словно эти разрушения произошли теракты назад. Сам Старскрим принимал участие в первых операциях в Хрустальном Городе, но только в воздушных налетах и бомбардировках. Так что сейчас он оказался здесь в подземелье в первый раз.

Старскриму это не нравилось. Он не хотел бродить где-то под поверхностью, особенно когда темный энергон подталкивал его к каким-то свершениям - найти врага, вступить в схватку и уничтожить...

- Координаты точные? – спросил он у своего старшего офицера Нейселя¹¹³.

Тот кивнул в ответ, и Старскрим сказал:

- Хорошо. Тогда рассредоточимся и пойдем искать мост.

— — — —

Это не заняло много времени. Они обладали хорошим умом, их методы работы хорошо себя зарекомендовали, и если кто из десептиконов знал, как проводить поиски, это были сикеры с их огромным опытом обнаружения движущихся целей с больших дистанций, с координированием между несколькими независимыми единицами. По сравнению с воздушными боями, поиск геостационарного энергонного моста казался поездкой в «Шесть лазеров» в выходной.

Линза была в 3 раза больше самого крупного члена летучего отряда – самого Старскрима. Расположенная в своем собственном туннеле, шедшем параллельно охлаждающему каналу, в который забрались Старскрим и его отряд, линза была настроена на поверхность и небо за ее пределами. Старскрим не мог взглянуть туда и не жаждал этого. Он не занимался сферой исследования тайн Кибертрона. Он пришел сюда, следуя приказу, а также для того, чтобы заложить фундамент для своего дальнейшего продвижения.

Подчас две эти цели друг другу противоречили. Но в данный момент они прекрасно сочетались.

- А что это за отверстие в центре линзы? – поинтересовался Старскрим.

Об этом ничего не было в записях. К тому же на изображениях Старскрим не видел ничего подобного, а он их немало пересмотрел.

Согласно записям, которые он изучил во время подготовки к миссии, геостационарный энергонный мост был построен специально для ускорения и облегчения работы на орбите вблизи Кибертрона. Этот мост также использовался для питания космических мостов, которые требуют

¹¹³ Слово Nacelle переводится в том числе – кабина самолета или так называют отсек летательного аппарата (как правило обтекаемой формы) предназначенный для монтажа двигателя и выступающий за пределы фюзеляжа или крыла, на котором установлен двигатель.

огромных вливаний энергона, прежде чем начнут выделять в подпространство квантовую энергию для своей текущей деятельности.

Как долго она длилась с момента, пока мост функционировал, казалось, было предметом спора между разными источниками. Но это не имеет значение для целей миссии. Важно было, чтобы отряд нашел мост, запустил диагностику, чтобы убедиться, что мост работает, а затем включил его. Тогда десептикионы получают в свое распоряжение источник энергона, чтобы конвертировать его в темный энергон на станции «Триптикон», где Шоквейв в свою очередь приступил к некой модификации самой станции. Старскрим не был посвящен в детали, но полагал, что выяснит это.

Обладая собственными запасами темного энергона, поставляемыми через помехоустойчивую и нерушимую связь, десептикионы уничтожат автоботов быстрее, с меньшими потерями и с лучшими перспективами захватить планету, обладающую большими ресурсами для жизни. Это было, насколько Старскрим мог предположить, не за горами. Таким образом, власть станет принадлежать ему.

- Хотлинк! – позвал Старскрим. – Слышишь меня? Что ты думаешь по поводу этого отверстия?

Инженер-мехатроник щелчком открыл свой набор инструментов.

- Может быть, это просто кажется отверстием... - предположил он. – Множество энергии самых разных видов циркулирует через данную линзу. Это ведь не просто линза. Как только энергон начнет поступать, случится что угодно! Может быть, это отверстие обеспечивает весь рабочий процесс, и если линза была совершенно выпуклая...

Хотлинк замолчал, производя какие-то сложные расчеты в голове.

- Не знаю – выдал он наконец и приступил к работе.

Сначала Хотлинк и инженер информационных технологий Битстрим, который входил в элиту военно-воздушных сил Старскрима, позаботились о безопасной и незаметной компьютерной диагностике периметра. Затем внутри этого периметра, Хотлинк начал возиться с системами, запускающими геостационарный энергонный мост.

- Кажется, все отлично, - обрисовал он ситуацию в нескольких словах. – Позвольте мне запустить еще одну пробную последовательность на увеличение мощности... вот так.

Взглянув на Старскрима, Хотлинк добавил:

- Нужно подготовиться к запуску.

- Тогда осуществляй запуск! – велел Старскрим.

Мегатрон находился на «Триптиконе». Он волновался и мерил шагами станцию, но не желал возвращаться в форт Скайк, пока не удостоверится, что геостационарный энергонный мост снова функционирует. Часть его сознания восставала против того, чтобы поручать такую важную

миссию Старскриму, который не смог бы продемонстрировать свои устремления более очевидно, даже если бы сделал надпись «Я стану Праймом!» поперек своего корпуса.

Проблема была в том, что амбиции Старскрима соответствовали возможностям и даже превышали его способности. Он был воздушным асом, офицером, воином и советником. Но Мегатрон давно выучил, что никому нельзя доверять. А еще он выучил, что даже ненадежные помощники могут быть полезны, и на них можно рассчитывать в определенных ситуациях. Нынешняя ситуация была из таких, так как чего бы Старскрим ни желал для будущего, все зависело от успеха его совместной работы с Мегатроном в настоящем.

Поэтому когда Старскрим появился в тот момент, когда планировалась миссия, Мегатрон был рад, а не удивлен.

- Это будет сделано – пообещал Старскрим.

Мегатрон покосился на его изображение. Он окинул взглядом группу ученых, возглавляемых Каталиконом¹¹⁴, который занимался проведением опытов, пока Мегатрон молча ждал Старскрима. Сикер не реагировал на вызов, но это было в порядке вещей. Важно было то, что он понимал, что происходит.

- Кажется, мост активирован, – сообщил Каталикон.

- Хорошо, Старскрим. Ты добился успеха. А теперь возвращайся на поверхность. Когда хранилище темного энергона будет пополнено, ты понадобишься для воздушных операций во время первого удара по Иакону.

- По Иакону? - Старскрим выглядел потрясенным.

- У тебя аудиосистемы не в порядке?

- В большем порядке, чем будет моя воздушная поддержка без возможности заправиться темным энергоном! – Старскрим ответил ударом на удар.

- Не бойся, доверенный лейтенант, - произнес Мегатрон. – Следуй за мной, и здесь будет больше темного энергона, чем любому трансформеру может потребоваться!

Все встало на свои места. Победа над автоботами в руках, а Старскрим сбит с толку. Превосходно.

Старскрим разорвал связь. Он обвел взглядом подземную технику, ряды которой простирались на пространство, куда хватало глаз, в любом направлении... Однако он чувствовал себя так, как будто здесь было только 2 измерения. Верх и низ отсутствовал, только ось Z была перед ним и другими сикерами, отделяла от кипящей на поверхности Кибертрона жизни.

¹¹⁴ Catalycon – имя, возможно, происходит от слова Catalysis (катализатор, т.е. вещество, ускоряющее химическую реакцию, но не входящее в состав продуктов реакции) и con (сокращение от слова «десептикон»). Этот персонаж своими научными знаниями помогал другим десептиконам достичь их целей. Но сам, видимо, мало что из себя представлял.

Он знал, что это было частью послания Мегатрона. Лидер десептиконов послал Старскрима под землю, чтобы подчеркнуть, что он может контролировать любой аспект жизни своих подчиненных.

Если это было то, что нужно, думал Старскрим - если это заставляет Мегатрона не заметить, что Старскрим осуществляет параллельно свой настоящий план – тогда краткий миг унижения стоит потерпеть.

Устройство геостационарного энергонного моста негромко загудело, осуществляя передачу через гиперчастотную линзу, которая направляла поток энергона прямым к станции «Триптикон», где группа по реконструкции, возглавляемая Шоквейвом, преобразовывала его в темный энергон.

Наступил переломный момент в войне, и Мегатрон был обязан всем этим Старскриму. Старскрим, конечно, не ждал, что Мегатрон хотя бы признает это, не говоря уже о том, что попытается воздать ему добром этот долг. Но это тоже было в порядке вещей. Придет время, когда Старскрим несколько не будет нуждаться в Мегатроне.

И тем более ему не нужен будет Оптимус. Скоро, думал Старскрим, он не будет зависеть ни от кого на Кибертроне. Ни перед кем ему не придется держать ответ. В виде окончательного воплощения подлинного идеала, с которого началась эта война, Старскрим обладал превосходным самоопределением.

Ничто иное в конечном счете не имело значения. С этой целью он привел в действие план. И теперь когда энергонный мост в рабочем состоянии и десептиконам не придется сражаться за энергию, пришло время осуществить следующий этап этого плана.

Старскрим оставил доверенных подчиненных на Лунной базе-1, когда перенес свое дистанционное командование отсюда на станцию «Триптикон». А теперь настало время для их активации. Он создал защищенный канал с помощью Битстрима. А затем вышел на контакт с Лунной базой-1.

- Начать операцию «Освобождение», - скомандовал Старскрим. – Повторяю: начать операцию «Освобождение». Немедленно!

Он закрыл канал, не дожидаясь подтверждения. Не стоит рисковать, держа его открытым.

- Битстрим, сотри все записи на этом канале, - приказал Старскрим.

Если повезет, Мегатрон его не хватится. Все внимание гладиатора вопреки обыкновению было сосредоточено на информационном контроле. Мегатрона больше занимали материальные средства достижения его целей.

Автоботы же, напротив, наверняка обнаружили и зафиксировали краткий миг существования этого канала, а также тот факт, что через него курсируют сообщения. Что они будут делать с этой информацией, Старскрим не знал. Но если бы вдруг случилось невероятное, и автоботы вышли бы победителями из этой войны, Старскрим намеревался использовать по максимуму свои возможности, чтобы выставить себя в выгодном свете. С этой короткой передачей, записанной где-то в Городском архиве, у него был еще на один способ больше, чтобы точно это сделать.

Но тем не менее, сначала главное. Старскриму нужно еще подзаправиться темным энергоном, и быстро.

Глава 23

Из форта Скайк Мегатрон изучал отчеты о миссии Старскрима и перемещении станции «Триптикон» на высокую орбиту. Мегатрону надо было проявить осторожность и не оставаться слишком много времени за пределами планеты, вдалеке от средоточия своей власти в Каоне. Чем чаще он появлялся перед глазами рядовых десептиконов, тем дольше оставался гладиатором, поднявшимся из ям. Сентинел Прайм потерял доверие кибертронцев, потому что стал для них нереальным. Он не проводил нисколько времени рядом с обычными ботами, не говоря уже о выходцах из низших классов.

Прошли уже терациклы с того времени, когда к классам было серьезное отношение. Хотя война не закончилась, Мегатрон мог приписать себе заслугу уничтожения классовой системы. Но уроки ее остались. Не отдаляйся от тех, кого ты ведешь. Мегатрон жил по этому правилу. Второе его правило состояло в том, что временами надо жертвовать некоторыми членами тех групп, которыми вы хотите руководить. Таким образом, пока его ударные отряды гнали автоботов из их укрытий, Мегатрону надо было периодически посещать Каон, Пустоши и Бластер-Сити.

Здесь все это началось. И здесь разрушилась ошибочная дружба с Орионом Мирным. Финальная конфронтация, конечно, произошла в Зале Верховного Совета, но разлом наметился раньше, трещина пошла, когда Орион увидел кусочек реального мира, который заселяли низшие классы.

Мегатрон не позволял себе испытывать сожаление. Если бы война так и не случилась, он так и оставался бы функционером, подстрекателем для угнетенных. Или ему пришлось бы уйти в подземелья под Пустошами – бывший гладиатор, далеко отстоящий от дней своей славы. С того положения, которое он занимал теперь, любой вариант развития событий казался хуже, чем смерть, от которой Мегатрон всегда ускользал в гладиаторских ямах и на поле боя.

Под его влиянием огромная масса экс-гладиаторов и промышленных рабочих стала его армией. Они были тут, когда он пришел в форт Скайк, чтобы контролировать состояние двойного проекта на станции «Триптикон» и получать отчеты от ударных отрядов. Война вступила в заключительную стадию.

Мегатрон проглотил свежий брусочек темного энергона. Волна энергии прошла по нему, и он, зарядившись силой, рванулся на парাপет, который шел между основными башнями форта Скайк. Когда Мегатрон возник в поле зрения толпы, она взорвалась приветственными возгласами, которые потрясли его так, словно он впервые слышал эти крики:

- МЕГАТРОН! МЕГАТРОН! МЕГАТРОН!

- Да, десептиконы! – закричал он. – Да! Победа близко! Вы готовы нанести окончательный удар, чтобы сокрушить автоботов и захватить себе весь Кибертрон?

Рев, который был ему ответом, потряс форт Скайк до самого фундамента.

- Я дрался ради вас! – продолжал Мегатрон. – В битве я сокрушил ионные батареи Полигекса – и все еще функционирую! Я скрестил клинки с элитной гвардией Верховного Совета – и все еще функционирую! Я выстоял внутри огненного шторма при термоядерном взрыве, когда вокруг меня другие боты разлетались расплавленными брызгами – и я все еще функционирую!

Они ответили ему, как отвечали всегда. На земле под южной стеной форта Скайк мигом выросла чащоба стволов поднятого вверх оружия, а поверхность Ржавого моря, на берегах которого собрались сторонники Мегатрона, волновалась, как будто их почитание заменило собой приливы и отливы.

- МЕГАТРОН!

- Я ВСЕ ЕЩЕ ФУНКЦИОНИрую!

- МЕГАТРОН!

- Вы должны быть готовы к решающему нападению на Иакон! – гремел его голос. – Готовы выступить по моему сигналу! Победа близка! Новый Кибертрон – только протяни руку!

- МЕГАТРОН!

Он бросил взгляд с башни форта на запад, где далеко за серым горизонтом лежал город Иакон, последний оплот автоботов. Это была его конечная цель, последнее препятствие, отделяющее Мегатрона от статуса истинного Прайма. Орион Мирный не был Праймом по сути. Что это за Прайм, который вышел из Городского Архива? А Сентинел Прайм... его время прошло. Кибертрон для него потерян, сейчас мало кто из живущих трансформеров помнит о его существовании. Когда пришло время упразднить его, никто не встал на защиту Сентинела Прайма. Единственная причина, почему Мегатрон сохранял ему жизнь так долго, состояла в том, что оставался ничтожный шанс, что Мегатрону потребуется показать Прайма по Сети, чтобы объявить свои притязания законными. Этот исход был маловероятен, а теперь в свете темного энергона он казался еще более невероятным.

- МЕГАТРОН!

Здесь место только для одного Прайма.

- МЕГАТРОН!

Небо над Пустошами выглядело, как обычно: серым и в клубящихся тучах. Пришло время снова пронзить его, устремившись к чистой пустоте космоса и станции «Триптикон».

К тому времени, когда Мегатрон снова созвал команду ученых на станции «Триптикон», он ожидал подробнейшего отчета о работе геостационарного энергонного моста. Шоквейв оставался на станции, которая сейчас вращалась на геостационарной орбите над фокусной точкой линзы энергонного моста, пока Мегатрон укреплял свои позиции по периметру между захваченными десептиконами Пустошами и северными равнинами, что тянулись в направлении Иакона и Нова Хронума.

- Этого не достаточно, - заявил Каталикон. – Хоть без перерыва вытягивай энергон на станцию на пределе мощности – этого все равно будет мало. Ваша армия слишком велика, и поступлений... - ученый указал на монитор. - ... не хватает.

- Да, это так, - согласился Саундвейв. – Во всяком случае похоже на то. Если вы хотите снабдить темным энергоном десептиконскую армию, вам требуется Плазмо-энергетический цилиндр¹¹⁵.

Мегатрон перевел взгляд с Каталикона на Саундвейва и обратно.

- Почему я не слышал об этом цилиндре раньше?

- Мы думали, что это миф, - произнес Каталикон.

Саундвейв покачал головой.

- Это ты думал, что это миф. Я говорил тебе, что это реальность. Мегатрон, я знал, что Плазмо-энергетический цилиндр существует. Когда я проник в Хрустальный Город, давным-давно, еще до того, как война в самом деле началась, мои миниконы вернулись с информацией, более ценной в перспективе. Одна из вещей, которые они добыли, - доказательство существования цилиндра.

Мегатрон смотрел на Каталикона в продолжении всей речи Саундвейва до тех пор, пока на лице ученого ясно не отразился ужас.

- Продолжай, - потребовал Мегатрон. – Каталикон, слушай внимательно!

- Д-да... - промямлил трансформер.

- В городе Иаконе и под ним, - объяснял Саундвейв. – хранятся 2 ключа. Один – ключ Силы, второй – ключ Права. Ключ Права находится в подземном укреплении, где расположен «Телетраан-1». Второй ключ – где-то в Иаконе. Мои миниконы разыскивают, где именно, прямо в этот момент.

Снаружи стал завывать вихрь, поднятый Девастатором.

- И что же можно открыть этими кодовыми ключами? – поинтересовался Мегатрон.

- Они оба необходимы для контроля над Плазмо-энергетическим цилиндром, - сказал Саундвейв, - Я предоставляю слово нашему уважаемому ученому, чтобы он досказал все остальное.

Каталикон ухватился за шанс вернуть расположение Мегатрона.

- По преданиям, чтобы подтвердить которые мой коллега Саундвейв так много сделал, бот, что владеет двумя кодовыми ключами, может активировать Плазмо-энергетический цилиндр. А Плазмо-энергетический цилиндр, как говорят, является источником питания для природы самого Кибертрона. Тот, кто контролирует его, имеет неограниченные резервы. Это больше чем какая-то бы то ни было армия десептиконов.

- Очень хорошо, - произнес Мегатрон. – Кажется, это то, что мне нужно. Сделай это реальностью, Каталикон. И на этот раз прислушивайся к тому, что говорят более умные боты.

¹¹⁵ Plasma Energy Chamber – легендарный артефакт трансформерской вселенной. Фигурирует в 4 сезоне Г1 и в сериале «Beast Machines».

Глава 24

Старскрим пробрался в Иакон через сеть подземных туннелей, которые обслуживали энергопроводы от реактора Калис. Он видел, что датчики записывают различные сотрясения, которые имели место в туннелях. Вся эта территория так и напрашивалась на сикерскую бомбардировку в течение целого цикла. Стоило бы позаботиться о туннелях и трубопроводе раз и навсегда. Мегатрон однако отверг эту инициативу. Он хотел оставить Иакон нетронутым насколько это возможно, до тех пор, пока это возможно, потому что он представлял город своей будущей столицей, какой он был для других Праймов, восходящих к эпохе древних.

Старскриму представлялось, что Мегатрон хотел управлять идиотами из низших классов Каона, чтобы прорваться в эшелоны высших классов. Он начинал как революционер, а стал лицемерным тираном.

И это было неплохо. Старскрим не видел философской проблемы с тиранией. Он сам планировал стать тираном. Единственной проблемой было то, что Мегатрон в своей непоследовательности посылал подчиненных на крайне бесполезные миссии, вроде этой, и игнорировал гораздо более явный путь к военным успехам.

Вот, например, взорвать трубопровод и туннели. А вместо этого пришлось пробиваться через них. Старскрим и шесть его авиационных командиров двигались быстро и бесшумно. Короткая стычка случилась лишь однажды, когда они столкнулись с часовым, объезжающим участок в трансформе и задержавшимся при обходе. Массированный огонь семи сикеров разорвал его на части, прежде чем он даже успел понять, что происходит. Одно колесо покатило вниз по туннелю впереди десептиконов.

- Живей! – закричал Старскрим. – Датчики засекут это! Мы должны выбраться из системы туннелей, прежде чем нас обнаружат.

Два цикла спустя они срезали путь, пробив стену туннеля, и оказались на основных подземных уровнях Иакона. Старскрим посмотрел на радиолокатор. Кодовый ключ Силы находился под замком и тщательно охранялся в надежном укрытии, расположенном прямо под символическими шпилями комплекса башен, где располагался Зал Верховного Совета.

Мегатрон сам повел второй отряд в Иакон через обрушенный путепровод, по которому некогда шел поток трансформеров в режиме техники от центра города к главной магистрали «Иакон – Гидракс». Небольшая, но приятная ирония заключалась в том, что по этой самой дороге он с Орионом Мирным ехал в первый раз в Иакон. А теперь время и обстоятельства изменились.

Десептиконы двигались быстро и избегали стычек с немногочисленными автоботами, которые их замечали, несмотря на то, что темный энергон бушевал в них, побуждая при каждом случае вступить в бой. Для этой миссии Мегатрон выбрал наиболее преданных последователей, тех, кто был с ним с самого начала, и никогда не демонстрировал жажду вырваться вперед. Они сражались за Мегатрона, ни больше, ни меньше.

Вскоре после того, как они проникли в иаконский периметр, отряд обнаружил ту входную шахту, где по последней информации Саундвейва мог находиться Плазмо-энергетический

цилиндр. К тому же, Каталикон – самый бестолковый член отряда, но в то же время весьма необходимый - заявил, что ключ Силы недавно был перемещен. Его последние сведения подтвердили, что ключ находится вблизи самого Зала.

Когда Мегатрон это услышал, он ускорил сроки проведения миссии. Он не мог позволить автоботам найти Плазмо-энергетический цилиндр и завладеть им. Такое изменение соотношения энергозапасов продлит войну на неопределенный срок.

Они были очень близко. Мегатрон сконцентрировал силы, проведя сканирование на всех частотах, чтобы оценить потенциальную угрозу впереди. Подходной туннель, который они выбрали, тянулся далеко и был достаточно широк, чтобы два десептикона могли шагать в ряд. Впереди неясно вырисовывалось довольно широкое пространство. Сенсоры Мегатрона не могли обнаружить его пределов. Источников энергии или искр внутри тоже не отмечалось.

Мегатрон жестом приказал ударному отряду двигаться вперед, но потихоньку. Все оружие было наготове, по правилу боя следовало не обнаруживать себя случайным выстрелом, но при атаке подавить вражеские силы максимально эффективно. Десептиконы вошли в периметр серверной, обслуживающей великий компьютер «Телетраан-1», сердце кибернетической науки, величайшей разработки живого разума планеты, а также кладеза информационной структуры, которая в конечном счете приводила в действие все, от иаконских систем магнитной левитации до полуразумных механизмов, которые контролировали доменные печи в Каоне, и горнодобывающих ботов, которых использовали в поясе астероидов для изготовления микроэлементов из сплавов и кусков руды.

Вот он «Телетраан-1», думал Мегатрон. Импульс темного энергона вспыхнул в нем, и на мгновение ему захотелось уничтожить этот компьютер. Но он сдержался. В ходе войны Мегатрон усвоил урок не уничтожать вещи до тех пор, пока он не убедился, что они бесполезны. Именно поэтому Иакон еще не был разрушен, и вот почему он сдерживался сейчас, когда вел ударный отряд к самой непостижимой сущности «Телетраана-1».

Потолок в помещении был таким низким, что крупные десептиконы едва помещались, стоя в полный рост. Мегатрон порадовался, что не взял с собой Девастатора или даже кое-кого из крупных конструктиконов. Но нехватка пространства в высоту компенсировалась в двух других измерениях. Насколько Мегатрон мог различить в тусклом свете, помещение было широким, на полу и потолке не было приметных деталей, за исключением двух вещей. Одной из них был ряд опорных колонн, каждая размером с ногу Девастатора.

Другой предмет терялся во мраке, виднелись только светящиеся контуры в форме двери.

- Несомненно, это должно быть то, что нужно! – воскликнул Каталикон.

- Разберемся, - откликнулся Мегатрон.

Десептиконы выстроились и двинулись к балочному перекрытию, опасаясь возможной засады с любой стороны.

Локатор на предплечье Мегатрона сообщил ему, что они подошли достаточно близко, чтобы увидеть секретное укрытие, где, несомненно, хранится этот могучий артефакт.

- Ага, - сказал Каталикон. – Вон Плазмо-энергетический цилиндр, внутри!

- Эй, там что-то шевельнулось! – заметил кто-то из темных десептиконов.

Тени на краю светящегося прямоугольника сдвинулись.

Мегатрон остановился и поднял руку, чтобы также остановить оставшихся членов ударного отряда. Из тени медленно, но такой уверенностью, которую Мегатрон не мог себе и вообразить, вышел Сентинел Прайм.

Видимо, этот мир еще хранил в себе несколько сюрпризов.

- Итак, - сказал Сентинел Прайм, становясь в боевую позу в огромном пустом зале. – Ты – тот, кто называет себя Мегатроном?

Мегатрон ощутил, как волна шока охватила гладиаторов, сопровождающих его. Сентинел Прайм остался в живых и сбежал? И – самое невероятное! – готовится к битве?

Старскрим, подумал Мегатрон. Это его проделки. И он заплатит за это.

Впрочем, в первую очередь надо покончить с Сентинелом Праймом. В конце концов, разве «Завет» не обращается только к одному-единственному Прайму в любое данное время?

- Прежде чем бросишься обвинять своих подчиненных, знай, они ни в чем не виноваты, - произнес Сентинел Прайм. – На мне лежит вина за то, что я позволил твоему движению десептиконов разрастись в среде недовольных в районах Пустошей, где оно и появилось на свет. Всем кибертронцам было бы лучше, если ваше движение там бы и заглохло.

Сентинел Прайм перешел в центр помещения, встав между Мегатроном и входом во внутреннее помещение «Телетраана-1», где, по указанию Каталикона, мог находиться Плазмо-энергетический цилиндр.

- Мои ошибки нельзя исправить, - продолжил Сентинел Прайм. – Но, возможно, их можно искупить. Ваша война окончится здесь. Сдавайся, - и ты успеешь увидеть своими глазами, как мир вернется на Кибертрон. А будешь драться – он вернется на Кибертрон с твоей смертью.

- Ты забываешь еще один вариант, - произнес Мегатрон. – Когда я одолею тебя, война будет продолжаться, и я буду жив. Однако стоит мне захватить Плазмо-энергетический цилиндр, и автоботы едва ли долго протянут. Так что, возможно, частично ты прав на этот счет.

- А помнишь, задолго до того, как началась эта война, ты был всего лишь гладиатором, заправляющим смертельными боями в ямах? – спросил Сентинел Прайм. Мегатрон не ответил, и Сентинел продолжал, - Я слышал о ботах, погибающих на арене, и послал двух моих офицеров на проверку. Их имена были Бампер и Фастбэк. Помнишь их?¹¹⁶

Мегатрон ничего не сказал.

¹¹⁶ Намек на эпизод в серии комиксов «Megatron Origin», в которых рассказывается своя версия о восхождении Мегатрона от рабочего на шахте к титулу чемпиона-гладиатора и впоследствии – к лидерству десептиконского движения, которое он создал. Гладиаторские бои были на Кибертроне незаконными, и Сентинел Прайм, глава службы безопасности, послал своих офицеров выследить гладиаторов. Но они попали в засаду, и Мегатрон жестоко с ними расправился.

- Ты убил их обоих! Чтобы защитить свое дело, которое позднее ты стал называть революцией. Но ты был душегубом изначально, Мегатрон. Не важно, как ты чувствуешь себя теперь, ты всего-навсего убийца!

- Что с того, что я убил их? – возразил Мегатрон. – Что значат две жизни по сравнению со страданиями миллионов, вызванными классовой системой?

- Вот как ты утешаешь себя каждый раз? А ты прикинул, что будешь говорить, когда наконец встретишь свою смерть на острие меча Оптимуса Прайма?

- Оптимус Прайм – всего лишь библиотекарь! – прорычал Мегатрон. – Верховный Совет подписал смертный приговор всему старинному укладу кибертронской жизни, когда назвал его Праймом! Он был марионеткой в руках Альфа Триона, а теперь он марионетка любого члена Верховного Совета, который еще жив!

Мегатрон выхватил огромный меч, почувствовав, как лезвие трансформируется из жил его тела.

- Отныне, - произнес он, - больше ни слова, Сентинел Прайм. Внутри «Телетраана-1» есть что-то, что мне нужно, а ты стоишь на моем пути. В сторону или умрешь!

Энергонный клинок Сентинела Прайма вспыхнул в тусклом пространстве.

- Я остаюсь Сентинелом Праймом, выскочка! Я принимал участие в битвах за будущее Кибертрона, когда тебя еще в проекте не было, когда ты еще из Колодца Великой Искры не вылез!

- А я буду сражаться после того, как тебя не будет! – пообещал Мегатрон. – Таким образом, прошлое становится будущим.

Глава 25

Первый удар клинка Сентинела Прайма заставил Мегатрона отшатнуться и потерять равновесие. Он врезался в колонну и едва уклонился от второго удара, когда сделал выпад собственным мечом и очертил зловещую дугу в воздухе в том месте, где наноклик назад была голова Сентинела Прайма. В замахе он почувствовал, как клинок оставил царапину на плече Сентинела Прайма, и в следующее мгновение прямой удар по лицу снова сбил Мегатрона на землю.

Он вскочил на ноги и принялся кружить вокруг своего противника.

- Сейчас в тебе больше задора, чем было в Альтигекском казино, - произнес Мегатрон. – Так ты полагаешь, что можешь исправиться ради всех маленьких драгоценных автоботских дурачков, которые умерли, защищая идею, и которые даже не верили в тебя?

Клинки скрестились, Мегатрон отразил проникающий выпад, а Сентинел Прайм в свою очередь отклонил удар Мегатрона.

- Способ искупления, к которому я стремлюсь, - это добиться будущего, лучшего, чем прошлое, которому я позволил свершиться.

Мегатрон кивнул и изобразил перед Сентинелом насмешливый поклон.

- Хорошо сказано! Мне будет, что выгравировать над мусорной ямой, куда выбросят твое тело.

Они снова скрестили оружие. Мегатрон услышал, как где-то позади двое из отряда делают ставки. Но не на то, кто победит, а на то, как долго продлится поединок и по какому месту Сентинел Прайм нанесет удар сначала.

О, темный энергон... Никому не под силу победить Мегатрона, когда темный энергон циркулирует по его системам. Он отвечал ударом на каждый удар клинка Сентинела Прайма. Когда же лезвие задевало его, боль была бодрящей, а темный энергон превращал ее в ощущение силы. Но зато когда меч Мегатрона наносил удар по корпусу Сентинела, древний лидер мог полагаться лишь на свою волю и обычный энергон, который он всегда использовал.

Постепенно Мегатрон брал противника на измор. Первый удар по его ноге расцарапал ее до колена, дождем посыпались кусочки скрученного металла. Затем они снова сцепились, но Мегатрон был моложе, проворнее и подпитывался темным энергоном. Он обрушил град ударов на голову Сентинела Прайма, выбив снопы искр, и продолжил избивать бывшего лидера Кибертрона. Но наконец – видимо, последним усилием воли – Сентинел Прайм отшвырнул Мегатрона и встал на ноги. Он снова выхватил клинок.

- Ты можешь убить меня, Мегатрон – произнес Сентинел Прайм. – Я чувствую эссенцию Юникрона внутри тебя, и это дает тебе силу, перед которой сложно устоять.

- Ты хочешь сказать – невозможно устоять? – отозвался Мегатрон. Он чувствовал себя сильным, подготовленным, как будто схватка только что начиналась.

- Однако берегись цены, которую придется заплатить, - Сентинел Прайм встал с клинком наизготовку. - Вселенная не предлагает ничего просто так. А Юникрон тем более.

Мегатрон поднял меч в приветствии, но в этот раз без насмешки. Это был славный бой. Но сейчас настал момент закончить его.

Они снова схлестнулись. Скрещенные клинки выбивали искры, ударяясь друг об друга, и энергон – темный и светлый – искрил из их тел, размазываясь вдоль опорных колонн или истекая на пол. Внезапно замигали лампы вокруг светящегося прямоугольника. Неужели «Телетраан-1» пробудился, чтобы явить себя? Отряд Мегатрона рыскал по сторонам, переключив оружие. Для них «Телетраан-1» был практически мифом, а темный энергон к тому же заглушал мыслительные процессы. Он делал десептиконов превосходными солдатами, но вместе с тем лишал их возможности делать тонкие мыслительные построения. Они столпились в кучу, ставки были забыты, потрясенные десептиконы гадали, что еще может породить Кибертрон в то время, когда Мегатрон убивал бывшего Прайма.

Клинок Сентинела Прайма проткнул плечо Мегатрона. Тот откинул голову назад и зарычал. Звук боли стал похож на крик ликования, подстегнутый темным энергоном. Мегатрон поднял руку – ту же самую, на которой была рана – и, занеся руку за Сентинелом Праймом и за гардой его клинка, схватил меч за рукоять.

- Чтобы ранить меня, - заметил Мегатрон, - ты должен подойти достаточно близко, чтобы я в свою очередь мог ранить тебя.

И он дернул лезвие клинка в сторону и вниз, оторвав при этом руку Сентинелу Прайму.

Вопль, который издал Сентинел Прайм, был плачем обо всем том, что ему не удалось сделать, и обо всем, что, как он теперь осознал, ему не сделать никогда. Мегатрон отшвырнул оторванную руку прочь, этим же движением клинок Сентинела высвободился из его плеча. Мегатрон снова нанес удар клинком, открыв брешь в другой руке Сентинела Прайма, и снова оставил порезы на голове обреченного лидера. Сентинел Прайм пошатнулся. Мегатрон сделал размах и нанес мощный пробивающий удар в туловище Сентинела. После чего выдернул меч, и Сентинел Прайм опустился на колени. Но он поднял оставшуюся руку, готовясь отразить следующий наскок, и удар Мегатрона пришелся по локтю.

- Когда-то ты был великим лидером, - сказал Мегатрон. - Но ты ослабел. Точно также ослабел Кибертрон. Я пришел, чтобы сделать его вновь сильным.

Он поднял меч высоко над головой, мерцание темного энергона от его клинка уходило прямо в потолок. Затем Мегатрон опустил меч в последнем ударе, который рассек броню Сентинела Прайма от самого горла до блестящего пояса, на котором он носил символ этого знаменитого мифического Вектора Сигмы. Сентинел Прайм завалился на бок. Дрожь прошла по его телу, и бывший лидер стал неподвижен. Бледный свет угасающей искры еще виднелся, так слабо, что в полумраке едва можно было различить оптикой.

Мегатрон отбросил меч в сторону.

- Каталикон! - позвал он. – Где ключ Права?

- Вы ближе, чем предполагаете, лидер, - отозвался ученый. – Ключ находится внутри тела самого Сентинела Прайма.

— — — — —

Старскрим отыскал ключ Силы именно там, где ему и предполагалось быть – вплавленному в фундамент Иаконского силового ведомства. Он оценил шутку и прикидывал, не припрятан ли ключ Права в каком-то юридическом учреждении или искать его нужно на правой стороне здания. Стражники, назначенные охранять ключ Силы, не знали, что они на самом деле защищали и не слишком боролись за него. В тот момент, когда Старскрим и его отряд убили первых двух из них, остальные бежали. Эти трансформеры были молодыми автоботами, некоторые – из последних, вышедших из Колодца Великой Искры перед тем, как он перестал действовать. Наверное, они ни разу не покидали Иакон, будучи в глазах Оптимуса Прайма слишком неопытными, чтобы доверить им миссии против превосходящих сил десептиконов.

И, возможно, десептиконы казались им фантастикой, такой же фантастикой, как имена и подвиги Праймов, так что когда Старскрим и его войско появились из темноты, как будто кошмары стражников. Под действием темного энергона Старскрима забавляла мысль, что он является ожившим ночным кошмаром. Когда он был на высоте, предполагаемое падение казалось грезой.

А теперь, когда ключ Силы в его руках, Старскрим и его авиационные командиры собирались изменить ход войны. Сентинел Прайм уже дал о себе знать. Следующие стадии плана лежали прямо перед Старскримом. Предполагалось захватить оба кодовых ключа, взять под контроль Плазмо-энергетический цилиндр и стать непререкаемым и абсолютным владыкой Кибертрона.

Место обговоренной встречи находилось впереди. Старскрим обвел взглядом всех шестерых членов военно-воздушных сил – все они старшие офицеры, все закалены в боях и верны Кибертрону.

Что не обязательно означает приверженность взглядам Мегатрона на эту планету, их родину.

Пора действовать, думал Старскрим. Силы десептиконов выдохлись и утратили цель, их энергия была растрочена в бесконечной войне, когда появление темного энергона породило новый вид десептиконских суперсолдат. Хотя Старскрим уже сомневался в темном энергоне. Казалось, его эффекты сохраняются за пределами поля боя. Вместе с силой он внушал бесконечную жажду выпить еще темного энергона. Старскрим вглядывался в лица тех десептиконов, кто попробовал темный энергон, и видел, что не преданность делу десептиконов, а жажда темного энергона движет ими.

Планета истощенных и отупевших наркоманов... Не за такую планету стоило сражаться и умирать. И Старскрим решил не использовать темный энергон вновь. Пришло время изменить метод десептиконской стратегии, и изменения, эффективности ради, следует начинать с верхушки.

Старскрим смотрел на неотвратимую победу Мегатрона над Сентинелом Праймом, прокравшись потихоньку к месту сражения, а отряд Мегатрона ничего не заметил. Гладиаторы до глубины души, они не могли отвести глаз ни от одного боя. Старскрим подал сигнал своему отряду рассредоточиться по периметру на случай, если последний этап его плана пойдет не так, как он это представлял.

Звон ударов отвлек внимание Старскрима от освещенного дверного проема, по другую сторону которого находился Плазмо-энергетический цилиндр и ключ к завершению этой войны. Рука Сентинела Прайма с грохотом ударилась об пол. Его меч, покореженный в бою и бесполезный, отбросило далеко в тени.

Старскрим подошел ближе.

Сентинел Прайм был смертельно ранен. Его время подошло к концу.

А план Старскрима претворялся в жизнь.

Мегатрон стоял над умирающим Сентинелом в позе победителя. А затем, пока Старскрим пробирался на периферию помещения, Мегатрон обернулся к своему ученому прислужнику Каталикону. Они обменялись словами. В голове Старскрима вспыхнули тревожные мысли. Где-где этот ключ находится? Неужели это правда?

Если бы Старскриму удалось заполучить оба кодовых ключа, ему не надо было бы беспокоиться о Мегатроне. Старскрим подошел еще ближе к Сентинелу Прайму и увидел... О, вот оно! Жаркое свечение ключа Права. Слишком хорошо, чтобы быть правдой! Ключ Права был здесь: за полупрозрачным внутренним слоем брони, проходя через который его свет преломлялся сверкающими оттенками, почти как эманации искры. У Старскрима появилась реальная возможность заполучить оба ключа до вступления в окончательную конфронтацию с Мегатроном. Это был неожиданный подарок судьбы, - то, что, безусловно, должно было склонить чаши весов в пользу Старскрима. Он-то думал, что ему придется сразиться с Мегатроном и победить его, чтобы получить второй кодовый ключ.

Один из плюсов хорошего планирования в том, что даже чрезвычайные происшествия имеют тенденцию оборачиваться в вашу пользу. Со Старскримом происходило такое раньше, и вот это происходит сейчас.

Мегатрон стоял спиной к нему. Отряд Старскрима занял позиции.

Настало время сделать решающий и необратимый шаг. Следующим Праймом будет не Мегатрон. Им станет Старскрим. Его эпоха начнется с того момента, когда пальцы Старскрима коснутся кодового ключа, который светится внутри покореженного тела Сентинела Прайма.

Старскрим протянул руку. Он почти его коснулся.

Глава 26

- Мегатрон, обернись!

Десептикона, который крикнул это своему лидеру, звали Блэкаут¹¹⁷. Вместе с криком он бросился наперерез между Старскримом и ключом Права, который светился в глубокой ране в туловище Сентинела Прайма.

- Нееееет! – Старскрим с яростным ревом отшвырнул Блэкаута в сторону ударом, который мог бы иных трансформеров и убить. Но Блэкаут прошел суровую школу в ямах Каона. Он упал, но все-таки мгновение боролся за то, чтобы подняться, прежде чем растянулся на полу.

Старскрим не мог поверить в иронию судьбы, которая испортила совершенство его плана. У Сентинела Прайма был ключ Права?! А Старскрим выпустил Сентинела, чтобы сразиться с Мегатроном, тем самым отдавая в руки Мегатрона другую половину комбинации, что предоставляла доступ к Плазмо-энергетическому цилиндру!

Сентинел Прайм, его угасающий разум, посмотрел Старскриму в глаза. Даже в высшей стадии своей агонии он имел достаточно присутствия духа, чтобы одарить своего похитителя и освободителя иронической усмешкой.

«Невозможно!» - еще проносилась мысль в голове Старскрима, когда Мегатрон напал на него. Моментально взрыв от выстрела ионной пушки отбросил Старскрима далеко от Сентинела Прайма. Удар впечатал тело Старскрима в одну из опорных колонн, которые располагались на обширном пространстве, послав через пол грохочущее эхо, которое почувствовало каждое живое существо, находящееся в помещении.

- Там, где ты не можешь летать, ты находишься в невыгодном положении, Старскрим. – объявил Мегатрон. – Но тебе еще не доводилось испытывать это на своей шкуре.

Второй выстрел отбросил Старскрима еще дальше от Сентинела, прежде чем сикер хотя бы успел встать на ноги.

- И ты в невыгодном положении против меня, потому что я сильнее тебя, - произнес Мегатрон. – Моя воля сильнее. И еще я держу тебя за честолюбивого интригана, которым ты и являешься.

Он трансформировался. Пол помещения задрожал под тяжелой машиной, которая сминала на ходу стальные плиты. Старскрим заметил его приближение и вдруг трансформировался сам. «Невероятно...» - подумал Мегатрон. – «Там нет места...».

Но Старскрим точно знал, что делать. В форме истребителя за долю секунды он успел запустить свои двигатели реактивной системы управления, чтобы увернуться от неотвратимого выстрела Мегатрона. Затем зависнув в воздухе, Старскрим вновь совершил трансформацию и обрушил на противника град ракет. Все вокруг Мегатрона исчезло в мощной вспышке боевых

¹¹⁷ Blackout переводится «затемнение», «отключение электропитания», «временная слепота» и т.д. Персонаж с этим именем встречается во многих трансформерских произведениях с незапамятных времен, но, пожалуй, наибольшую известность он получил после фильма Майкла Бэя как первый трансформер-десептикон, появившийся на экране, и разгромивший людскую военную базу.

фотонных зарядов. Он ощутил, как пол сотрясается с ударами при детонации снарядов, почувствовал волну боли, проходящую по системам. Но не успели затихнуть взрывы, Мегатрон снова трансформировался и поднялся на ноги, чтобы схватить Старскрима, как только сикер оказался в поле досягаемости.

Они рухнули вниз в мареве яростной схватки, сцепившись друг с другом. Пол снова задрожал, когда они упали, и Мегатрон отвесил серию мощных ударов по Старскриму, впечатывая его в пол с такой силой, что когда тот ухитрился отразить последний удар и откатился для контратаки, на его месте осталась заметная вмятина.

Мегатрон наслаждался происходящим. Вот она, схватка врукопашную, не испорченная ни ракетами, ни лазерами. Бот против бота, как это было в ямах. В те времена он был самым живучим. Истинная проверка сил и воли трансформера происходит только тогда, когда он сталкивается с противником, не имея никакого оружия.

Снова он и Старскрим схлестнулись. Старскрим наградил Мегатрона молниеносными стремительными пинками и ударами, которые, казалось, сыпались отовсюду. В нем говорила сикерская природа: уклонение, маневр и непредсказуемость.

Терпеливо снося град ударов, Мегатрон выжидал подходящего момента. Старскрим насакивал на него с кулаками снова и снова, но Мегатрон знал, что делает. Настал миг, когда Старскрим немного осмелел. Он раскрылся, сместив центр тяжести всего лишь на незначительную величину, чтобы как следует размахнуться. И даже не успел понять, что случилось, когда Мегатрон оказался на траектории его движения. Рука Старскрима, занесенная для удара, откинулась в сторону, и Мегатрон, обладавший более крупной массой, сначала толкнул Старскрима, а затем снова швырнул его вниз.

И все было кончено. Мегатрон ударил Старскрима, затем ударил его снова, и снова, и снова, и снова, пока Старскрим не перестал сопротивляться.

Поднявшись на ноги, Мегатрон огляделся по сторонам. Группа сикеров стояла и молча наблюдала за происходящим по ту сторону широкого пространства, неподалеку от прохода, откуда они со Старскримом впервые появились. Справа, неплотно сгруппировавшись вокруг безмолвного тела Сентинела Прайма, стояли приближенные к Мегатрону гладиаторы.

Он наклонился над Старскримом.

- А я все еще функционирую... - прошептал Мегатрон.

Он рывком поднял избитого сикера на ноги и заговорил снова, на этот раз громким голосом, в назидание всем присутствующим. И, возможно, - в назидание Оптимусу Прайму, который вполне мог отслеживать все происходящее благодаря тому, что Альфа Трион превосходно контролировал Сеть.

- Твое убийство было бы полезным предупреждением... - сказал Мегатрон. - И все-таки я думаю, что мог бы сохранить тебе жизнь, поскольку ты лучше сгодишься на поле боя, чем в качестве примера того, что бывает с предателями. Ну как, предпочитаешь, чтобы тебя продолжили избивать, или, может, мы сойдемся на том, что ты служишь мне, а плетение заговоров осталось в прошлом?

Старскрим одарил его лишь ядовитым взглядом. Мегатрон перестал опустил руки.

- Вот и хорошо, - произнес Мегатрон.

Он повернулся спиной к Старскриму, зная, что момент для нападения миновал. Сейчас пора было продолжить демонстрировать, кто тут главный. Это значило, что теперь, когда злодеи выявлены и наказаны, настало время вручить медали героям. Мегатрон зашагал к десептикону, который помешал Старскриму захватить ключ Права.

- Как ты себя называешь, десептикон?

- Блэкаут, - откликнулся бот. Он явно вырос в Пустошах. Его корпус был покрыт отметинами от энергоутечек, и некоторые были намного старше основных сражений гражданской войны.

- У тебя большое будущее, Блэкаут, - сказал Мегатрон, пожимая ему руку. Он оглядел помещение, убеждаясь, что каждый присутствующий увидел, как он возвысил простого воина-десептикона. – Я даю тебе задание. Возьми тело Сентинела Прайма в Каон. Можешь швырнуть его туда, вниз, в ямы, которые он столь презирал. Когда я разделаюсь с автоботами, я вернусь на Каон с триумфом и найду какое-нибудь применение останкам Сентинела Прайма. Возможно, своим первым поступком в качестве Прайма я призову голосовать о способе их утилизации.

- Будет сделано, Мегатрон – сказал Блэкаут.

- Однако сначала мы должны забрать то, что так оберегал Сентинел Прайм – добавил Мегатрон предостерегающим тоном. Не оглядываясь на Старскрима, он протянул руку ладонью вверх. – Кодовый ключ Силы. Старскрим, подай, будь так любезен...

Старскрим протянул его, не сказав ни слова. Мегатрон ощутил тяжесть ключа как залог победы.

- А теперь, - продолжил Мегатрон. – Настало время получить все остальное, за чем мы пришли.

Глава 27

В блеске выступившего энергона Мегатрон оторвал кусок внутренней брони на корпусе умирающего Сентинела Прайма, последний слой защиты жизненных центров Сентинела и всего прочего, что могло находиться в его поломанном корпусе. Внутри - десептикон-победитель и даже Старскрим подошли ближе и разглядели – находился ключ Права. Он сиял и блестел, словно это была Правда, облекшаяся в форму. На мгновение его созерцание заставило Мегатрона вспомнить первые головокружительные дни, когда его идеи о свободе и самоопределении были только идеями, время от времени посещавшими его в гладиаторских казармах, пока хирурги, состоявшие при ямах, кое-как латали раны, которые он получил за день.

Теперь окончательное освобождение близко. Как только Плазмо-энергетический цилиндр станет его, автоботы и Оптимус Прайм падут. Десептиконы получают полную власть над Кибертроном, и начнется подлинная эра великих свершений.

Мегатрон протянул руку и взял ключ Права. Он показал его своим сторонникам, а наноклик спустя продемонстрировал и ключ Силы. Затем он приблизился к закрытой двойным запором кодированной панели, содержащей рычаги доступа, которые позволяют Мегатрону использовать Плазмо-энергетический цилиндр.

Это было последнее, что ему нужно сделать, чтобы закончить войну и получить контроль над Кибертроном, во имя свободы и во имя десептиконов. На веки вечные.

Он вставил ключи и повернул их.

Кодовая панель ожила и засветилась, обнаруживая ключи и проводя в соответствие их сигнатуры и контрасигнализацию. Замки открылись. За незапертой дверью обнаружился светлый зал цилиндрической формы, в центре которого стоял на пьедестале цилиндр поменьше. От него исходило такое сияние, что больно было смотреть. Каждому десептикону пришлось прибегнуть к поляризации своей оптики.

Вот он, Плазмо-энергетический цилиндр. Поток энергонной гиперплазмы протекал через межпространственный шлюз из бесконечного энергохранилища, которое давало жизнь самой планете Кибертрон. Владеть Плазмо-энергетическим цилиндром означает фактически получить непосредственный контроль над Ядром планеты. Теперь оставалось всего ничего.

Мегатрон вошел в зал, погрузившись в сияние плазменной энергии и в предвкушении окончательного – после терациклов войны и поражений, случившихся из-за ожесточенного сопротивления Оптимуса Прайма и автоботов – окончательного осуществления его мечты.

Он протянул руку, чтобы взять цилиндр. Но прежде чем он коснулся его, произошло несколько событий одновременно.

В Городском Архиве Оптимус Прайм готовился к контрудару против вторжения десептиконов. Он знал, что Мегатрон забрался под башни Совета и был в курсе, что Старскрим проник в город через сеть туннелей в Калис. С ним были Джаз, Айронхайд и Сайдсвайп. Этот отряд из четырех трансформеров был наготове и собирался выступить, когда Альфа Трион вышел из

своего кабинета и обратился к ним с помоста в бывшем читальном зале, который Оптимус неоднократно использовал как опорный пункт для партизанских вылазок небольших отрядов.

- Оптимус Прайм! – обратился Альфа Трион. - «Телетраан-1» задействовал крайние меры. Плазмо-энергетический цилиндр вот-вот попадет в руки десептиконов!

- Что же сделал «Телетраан», чтобы защитить его? – спросил Оптимус Прайм.

Альфа Трион выглядел так, словно ему было жутко произнести то, что он намеревался сказать.

- Он реактивировал Омегу Суприма, - наконец выдавил архивариус. - Вот не думал, что я снова когда-либо произнесу это имя...

Стены начали отодвигаться от Мегатрона. В стремительно расширяющемся пространстве вокруг Мегатрон увидел ячейки и механизмы, гироскопы и соединительные элементы, которые появлялись и активировались сами собой, вырастали из плит на полу и сползали с потолка. Нечто строилось и принимало форму из самой структуры города. И откуда это происходило, огромное помещение пошло трещинами и закрипело под чрезвычайными нагрузками. Колонны начали сдвигаться. Некоторые пошли трещинами посередине, иные отломились возле пола или потолка. Медленно, но с нарастающим темпом, вся зона начала обваливаться изнутри.

На глазах у Мегатрона цилиндр стал опускаться куда-то вниз. Он потянулся за ним, но внезапно цилиндр накрыл купол из прочного сплава, и его кулак, стукнувший по нему, не произвел никакого эффекта, кроме продолжительного «бам». Пол зашатался, Мегатрона отбросило назад и, скользнув по качающимся плитам, он вдруг понял, что происходит.

Все помещение, куда хватало глаз, целый уровень, было трансформой, не похожей ни на что из того, что Мегатрону доводилось видеть. И сейчас происходила трансформация существа, которого не видели больше циклов, чем любой кибертронец мог бы сосчитать.

Обеими руками Мегатрон ухватил купол, окружавший цилиндр, пока он опускался в пол. Но процесс, осуществляемый в данное время, был сильнее, чем Мегатрон. Купол неумолимо ушел в пол, пальцы Мегатрона соскользнули. Когда же он снова посмотрел вверх, потолок начал рушиться.

Оптимус Прайм остановился на улице возле башни Верховного Совета, неподалеку от руин транспортной магистрали и здания Управления Безопасности, уничтоженных во время последней десептиконской бомбардировки. Он в изумлении смотрел, как с башней происходило что-то вроде регулируемого коллапса, она обрушивалась изнутри, не затрагивая окружающие строения.

И когда башня обрушилась, из нее что-то стало подниматься.

- Омега Суприм – заключил Альфа Трион у него за спиной. Оптимус Прайм обернулся посмотреть на своего наставника, стоявшего за спинами четырех автоботов, оставшихся от прежнего руководства. Вместе они наблюдали за тем, как возрождается Омега Суприм.

Омега Суприм был назначен стражем наиболее важных реликвий Кибертрона с момента исчезновения Праймов, и его существование было почти такой же легендой, как сами Праймы. Большинство граждан Иакона, созерцающих явление Омеги Суприма в кибертронской истории, чувствовали, что они являются свидетелями того, как легенда становится реальностью. Оптимус Прайм, безусловно, разделял их чувства. Альт-формой стража была ракета, крупная и тяжелая. Ее двигатели явно были предназначены для выполнения операций за пределами кибертронской гравитации, и панели, расположенные по всей длине фюзеляжа, точно скрывали оружие и сенсорные системы, которые применяются в космосе. В режиме запуска ракета напоминала гигантскую иглу, установленную на верхушку пламени, которое было слишком ярким даже для поляризованной оптики. Единственными кибертронцами, которые могли бы рассматривать сопло ракеты без вреда, были промышленные боты, проводившие свою жизнь у доменных печей и в цехах электродуговой сварки в Холмах Таган и на Пустошах.

Но мало кто из них был там, чтобы увидеть, как Омега Суприм возвращается в непосредственную историю Кибертрона. Специальный протокол, задействованный «Телетрааном-1», предписывал Омеге Суприму трансформироваться и автоматически присоединить Плазмо-энергетический цилиндр. Куда он направился, никто понятия не имел.

- Может быть, на одну из лунных баз? - предположил Альфа Трион. - Я надеюсь, не на «Триптикон». Хотя не удивлюсь, если Омега Суприм в одиночку уничтожит станцию десептиконов, неважно, есть у них темный энергон или нет. Эта планета редко видела бойца такой силы и упорства, как он.

— — — — —

Явление такого колосса как Омега Суприм с трудом воспринималось разумом. Как могла такая машина существовать? Неужели это означает, что другие мифы тоже реальность?

Помещение, и так уже пострадавшее во время поединка, где был убит Сентинел Прайм (или серьезно ранен) и был сломлен Старскрим (или не так уж сломлен), собралось обрушиться. Десептиконы крепко вцепились в опорные колонны, а фрагменты потолка, расположенные дальше от колонн, рушились вокруг них, поднимая клубящиеся стены пыли и создавая толчки. Трансформация Омеги Суприма была почти завершена. Мегатрон думал о том, как давно Омега Суприм тут находится, не были ли фундамент башни Верховного Совета и стена «Телетраана-1» воздвигнуты уже на нем?

Шесть двигателей, выхлопные сопла которых были шире, чем размах руки Мегатрона, приняли форму и скрепились на месте. Из-под корпуса начал выходить пар в процессе того, как активировались силовые установки Омеги Суприма.

- Плазмо-энергетический цилиндр внутри! — заорал Мегатрон своим последователям. — Уничтожить Омегу Суприма!

Энергетические разряды прошли по двигателям и нижней части фюзеляжа Омеги Суприма. Они оставили подпалины, не более того.

- Еще раз! – прокричал Мегатрон и сам присоединился к стрельбе.

Никакого эффекта.

Гул прошел, когда провалилось основание башни Верховного Совета. Мусор с верхних этажей падал вокруг десептиконов, пока остатки строения осыпались с Омеги Суприма. И второй гул, еще более угрожающий, чем первый, сопровождался проблесками тусклого свечения из конусов реактивных двигателей.

- Мегатрон! – воскликнул Каталикон. – Сопла! Мы же не...

- Мы пока отступаем. Но только пока. – Мегатрон подал сигнал, и его сопровождающие приступили к отступлению, передвигаясь зигзагами от колонны к колонне, пока происходило окончательное обрушение башни Верховного Совета. Мегатрон узнал фрагменты галерей, где он выступал на заседании по его делу в Зале Совета. Это было так давно. Еще до того, как он узнал, какое предательство планирует Орион Мирный.

Падение статуи одного из Праймов придавило Каталикона на месте. Гладиаторы и сикеры оглядывались на своих командиров. Старскрим смотрел вверх, и Мегатрон сразу понял, о чем он думает. Он и сикеры могли бы улететь, если там есть открытое пространство. Мегатрон и остальные гладиаторы должны были карабкаться по руинам или пробираться назад через туннели, которые еще остались целыми.

Гул от конусов двигателей усилился, и из-под них взвилось пламя.

- Старскрим, - произнес Мегатрон. – Если улетишь отсюда, думая, что бросаешь меня на верную смерть, знай одну вещь.

- Какую?

- Если я выживу, тебе несдобровать. Впрочем, - продолжил Мегатрон, - если ты полетишь с миссией, уготованной мной для тебя - другое дело. И, возможно, этим ты заслужишь помилование.

- И темный энергон, не так ли? – Старскрим обладал некоторой устойчивостью к воздействию темного энергона, Мегатрон мог заметить это в нем. Но он не избежал жажды темного энергона, как и все остальные.

- Если твоя миссия завершится удачно, мы все получим столько темного энергона, сколько захотим! – Мегатрон возвысил голос, чтобы перекрыть нарастающий рев двигателей и грохот, с которым рушилась башня Верховного Совета. Над ними он смог увидеть простор неба.

- Не подведи меня, Старскрим! Сбей Омегу Суприма или умри, пытаясь это сделать!

И весь мир растворился в огне и свете.

С улицы, расположенной за площадью Праймов, Оптимус Прайм видел активацию двигателей мощной ракеты, взрыв и жар взрывной волны, заставивший автоботов наблюдателей отойти подальше и напрочь уничтоживший все следы башни Верховного Совета.

- Неподходящее время, чтобы оказаться внутри, под башней, - заметил Джаз.

- Точно, - согласился немногословный Айронхайд.

Оптимус Прайм знал, о чем они думают и на что надеются: что Мегатрон и Старскрим каким-то образом оказались в ловушке во время мощного разрушения или что они не успели покинуть радиус воздействия двигателей трансформы Омеги Суприма.

- Я бы не очень на это рассчитывал, - признался он.

- Никто и не рассчитывает. Боту что, помечтать нельзя? – сказал Джаз, провожая взглядом огромную ракету – Омегу Суприма, медленно устремляющуюся в черноту неба.

Внезапно они получили сообщение: «Автоботы! Это Омега Суприм. У вас тяжелое положение. Вы должны были разбудить меня прежде, чем до этого дошло».

- Мы пребывали в неизвестности... - начал Оптимус Прайм и вдруг семь инверсионных следов, построившихся в идеальную формацию, возникли над обломками, окружающими кратер, где некогда стояла башня Верховного Совета.

Старскрим и шесть его авиационных командиров спаслись.

Глава 28

Сикеры, преданные делу автоботов, были либо все заняты в патрулях, либо защищали энергетические трубопроводы вдоль трассы Кали-Кон и далеко на востоке, где опасность массированного нападения десептиконских солдат – возможно, в трансформах - присутствовала постоянно.

Единственным исключением был Джетфайер¹¹⁸, перебежавший к автоботам от сикеров. Он проводил время в недрах лаборатории, разрабатывая для некоторых автоботов способы перепроектирования их трансформы, что позволило бы им летать. Вполне возможно, это было бесперспективно в научном плане, но Оптимус Прайм считал, что шансы автоботов в этой войне значительно улучшатся, если они смогут хотя бы беспокоить силы десептиконов в воздухе. Автоматизированные комплексы ракет ПВО были полезны временами, но чтобы добиться реального перевеса, автоботам нужны были смысленные воины в воздухе, которые могли бы противостоять хорошо подготовленным и закаленным в боях эскадрильям Старскрима.

Но у них не было таких воинов сейчас, когда Старскрим начал преследование ракетной формы Омеги Суприма и важнейшего груза, который он нес.

- Поехали! – скомандовал Оптимус Прайм своим лейтенантам. – Пора отправиться в патруль для борьбы с вражеским вторжением. Мегатрон либо все еще в Иаконе, либо в пути. Давайте перехватим его!

Естественное вращение планеты Кибертрон должно было сместить точку старта Омеги Суприма далеко на восток, пока он поднимался вверх, покидая кибертронский колодец гравитации, однако Омега обнаружил на хвосте Старскрима и выполнил отвлекающий маневр. Когда он достиг достаточной высоты, чтобы плотность атмосферы не могла порвать его крылья, Омега Суприм развернул их и по дугообразной траектории понесся обратно, на запад, оставаясь над территорией, удерживаемой автоботами, а затем продолжил выполнять указание «Телетраана-1», которое предписывало ему выйти в космос и отправиться на место, отведенное для Плазмо-энергетического цилиндра.

Где было это место, он пока не знал. Протокол с этой информацией должен был разблокироваться, когда Омега достигнет орбиты и избавится от десептиконских преследователей.

Из-за того, что он пролежал дезактивированным большую часть, Омеге Суприму ничего не оставалось кроме как ознакомиться с основными событиями современной истории Кибертрона через высокоскоростное соединение Сети. Факты потрясли его:

85% поверхности Кибертрона под контролем десептиконов.

¹¹⁸ Персонаж по имени Джетфайер встречается во многих тф-произведениях. Например, в Г1 это был могучий трансформер, который оказался заморожен во льдах на Земле еще до войны. Его разморозили десептиконы, и какое-то время Мегатрон использовал его, подавая ему неправильную информацию о войне и автоботах. Когда же Джетфайер узнал правду, он перешел к автоботам. Его имя перевели в сериале как Истребитель. Но Jet Fire – означает факельное горение струи жидкости или газа.

Со времени восстания выжили только 3 члена Верховного Совета, и все трое, включая Рэтбэта, перешли на сторону десептиконов.

Великая Искра покинула Колодец.

Сентинел Прайм при смерти.

«Это чудо, - заключил Омега Суприм, - что автоботы продолжают борьбу». И этим чудом они все могли быть обязаны Оптимусу Прайму. Удивительно, что простой служащий оказал влияние на историю и поднялся, чтобы взять на себя одну из наиболее тяжелых проблем, с которыми сталкивалась кибертронская цивилизация.

Внутренние проблемы всегда были самыми опасными. Это истина для Омеги Суприма была особенно актуальна, так как семь сикеров гнались за ним по пятам.

Мрачный, он продолжал путь, развивая ускорение по спирали, по направлению к убежищу в невесомости, которое по планам «Телетраана», пока еще не известным Омеге, ожидает его на другой стороне станции «Триптикон».

— — — — —

Оптимус Прайм был одарен необычайно острым зрением. Он рассматривал в увеличении воздушную битву, случившуюся над Иаконом ровно в тот момент, когда 7 сикеров разделились на 2 группы и атаковали Омегу Суприма слева, справа и снизу. Залпы ракет вырвались из-под крыльев всех сикеров, и наноклик спустя взрывы прогремели по бокам Омеги.

Затем страж открыл огонь в ответ. Это был огонь? Оптимус Прайм понял, что он выстрелил, хотя его вооружение было необычным. Нормальные батареи ракет Омеги Суприма не раскрывались в атмосфере, когда он летел на полной скорости. На этот случай он располагал связкой контейнеров с ракетами, расположенной вблизи его конусообразных двигателей. Контейнеры раскрылись, произошел выброс ракет, которые едва только оказались в чистом воздушном потоке – перенастроились, чтобы летать и поразить ближайших врагов. Оптимус Прайм читал об этой системе в архивах очень давно, когда еще был простым служащим.

Теперь он увидел ее в действии, когда один из сикеров Старскрима внезапно словно утонул в облаке крошечных искр. То были вспышки двигателей раскрывающихся ракет.

Мгновение спустя сикер упал, превратившись в чернеющий огненный болид. Кусочки его, не больше головы Оптимуса, рассыпались по площади, в небольшом радиусе от места удара по поверхности Кибертрона.

Не прошло и наноклика, как второй участник этого воздушного сражения вышел из строя, поскольку одно из его крыльев разорвало в щепы, которые в полете понесло назад, и они искромсали его хвост. Беспомощный, он начал уходить по спиральной траектории вниз.

Оптимус Прайм не увидел, как он ударился о поверхность, потому что одновременно со смертельным ударом Омеги Суприма по второму сикеру ярким светом полыхнули сами двигатели ракетной формы Омеги. Оптимус Прайм увеличил масштабирование и увидел, что два его сопла были повреждены. И эффект даже был видимым: идеальный спиральный след Омеги Суприма вдруг сплюснулся, стал неровным.

Оставшиеся 5 сикеров и Старскрим в их числе сгруппировались и сосредоточили огонь на поврежденном участке. Их ракеты поражали цель, даже когда еще один офицер Старскрима взорвался наноклик спустя и упал, превращаясь в сплошной огненный шар, безрукий и размахивающий ногами, потому что он в панике от своих страшных повреждений трансформировался. Но тут удлинённая трансформация Омеги Суприма отклонилась от своей оси и затем по мере того, как его реактивная тяга ослабевала, начала падать.

- Нет! – вскрикнул Джаз, стоящий рядом с Оптимусом.

Они все наблюдали.

- Неужели они смогли уничтожить стража? – спросил Айронхайд. На его лице отражались переживания, хотя раньше ничего подобного Оптимус за ним не замечал.

Падение Омеги Суприма на землю, казалось, продолжалось вечно, а 4 сикера преследовали его на всем пути вниз и обстреливали его бронированный корпус непрерывными залпами ракет и выстрелами ионных пушек.

- Миссия опять меняется – объявил Оптимус Прайм.

- Что теперь? – спросил Праул.

- Выдвигаемся к месту падения. Если Плазмо-энергетический цилиндр остался цел при ударе, можешь не сомневаться, что Мегатрон явится за ним.

Не успел Оптимус договорить эту фразу, как Омега Суприм ударился о поверхность. Старскрим и остальные 3 сикера резко взвились на крутом вираже над взрывом грибообразной формы, что прогремел на месте падения. Столб огня поднялся в воздухе, казалось, он подпитывается дополнительными взрывами от удара. Оптимусу Прайму представилось, как все ракеты Омеги Суприма взорвались, разорвав его в трансформе. Или в форме робота, если Омеге Суприму каким-то чудом удалось перейти в режим робота на момент удара.

Оптимус Прайм бросился вперед, трансформируясь вместе с остальными членами отряда, и помчался к месту падения. Но он не представлял себе, как эта миссия может закончиться успехом. Возможно, он обнаружит Плазмо-энергетический цилиндр. И даже может быть сумеет каким-то образом снова вернуть его. Но потеря Омеги Суприма была подрывом утешающих надежд автоботов.

Они прибыли к кратеру, забуксовали и трансформировались так стремительно, что едва не грохнулись по инерции в дымящиеся недра.

На противоположной стороне кратера, частично скрытая дымом, маячила фигура Мегатрона в трансформе. Его снабженный гусеницами корпус оцетинился оружием, под прикрытием его ближайших приспешников гладиаторов, трансформирующихся в колесные орудийные башни. Они небрежно трансформировались, когда Старскрим и 3 оставшихся сикера с ревом пронеслись по небу.

- Мы пришли за Плазмо-энергетическим цилиндром, - объявил Мегатрон. – Но нашли гораздо больше...

- А сейчас вам будут еще сюрпризы! – прокричал Сайдсвайп.

Мегатрон улыбнулся. Фиолетовые искры темного энергона заплясали в его глазах.

- Чудненько!

Никаких шансов, подумал Оптимус Прайм. Он не хотел терять автоботов, которые были дороги ему и которые так много значили для потенциального выживания автоботского движения. Он собирался дать команду к отступлению. Три могучих сикера пали в этот день, и кто знает, как много остальных воинов Мегатрон потерял при подземном обрушении. Даже это, в конечном счете, не могло сравниться с потерей Омеги Суприма, но положение автоботов было настолько тяжелым, что они могли считать случившееся неплохим итогом по той простой причине, что не потеряли никого из своих ботов¹¹⁹. Вчера они ничего не знали о существовании Омеги Суприма. Так что его потеря казалась не столь катастрофической.

Но мог ли сохраниться Плазмо-энергетический цилиндр?

- Ты думаешь о том же, о чем и я? – тихо спросил Джаз.

Оптимус Прайм взглянул на своего старого друга. Бамблби тоже в свою очередь не сводил с него глаз, ожидая какого-либо приказа.

- Возможно, - ответил Прайм.

- Тогда приступим! – сказал Джаз, подмигнув. Затем он развернулся и, не говоря ни слова, стал стрелять по одному из гладиаторов Мегатрона.

«Нет!» - хотел выкрикнуть Оптимус Прайм, но в следующий миг он вдруг понял, что – «Да!». Что еще им оставалось делать? Они могли проиграть в борьбе. Потому что если Плазмо-энергетический цилиндр сохранился только для того, чтобы автоботы потеряли его, то это конец всему.

Оптимус тоже начал стрелять, прочерчивая светящиеся линии при взрывах снарядов через противоположную сторону кратера.

Сквозь дым пошел ответный огонь, и Оптимус Прайм смог разглядеть возле кратера гладиаторов, подпитанных темным энергоном и полных сил. Темный энергон заставлял их чувствовать себя непобедимыми. И Оптимус Прайм подумал, что они почти такими и были. Действительно было труднее одолеть их, когда они напалились темной силой, нежели в другое время.

Но автоботы примут бой. Если это должна быть последняя битва в этой войне, так тому и быть. Оптимус Прайм сразится с Мегатроном и одолеет его.

- Библиотекарь! – прозвучал голос Мегатрона сквозь дым. – Давай решим дело раз и навсегда!

Оптимус Прайм поднял голову и швырнул упавший обломок сикера в направлении голоса. Он услышал звук удара и яростный вопль Мегатрона.

- Я приду за тобой, брат! – произнес Мегатрон низким и угрожающим тоном.

¹¹⁹ Видимо, Оптимус Прайм ничего не знал про часового и стражников, которые пострадали при вторжении десептиконов в Иакон.

- Ты знаешь, где меня найти, брат – отозвался Оптимус. – Один останется, один падет¹²⁰.

Он был готов вместе с тремя своими автоботами драться с этим десятком, если не больше, темных десептиконов, не считая воздушной поддержки сикеров. Они собирались драться изо всех сил.

А затем положение в который раз изменилось – исполинская фигура Омеги Суприма с трудом поднялась над кратером.

Оптимус Прайм не мог вспомнить зрелища, которое поразило бы его сильнее. Он прошел через долгие годы войны, видел поражения и признаки успехов, смерти и разорения Кибертрона, но то, что произошло здесь... Это чудесное возрождение Омеги Суприма заставило его поверить, что все возможно.

- Сражайтесь, автоботы! – закричал он. – За Кибертрон! В бой!

И началась битва.

¹²⁰ Знаменитая фраза, мелькающая в комиксах и в фильме Майкла Бэя. Но происходит она из анимационного фильма «Трансформеры» 1986 года.

Глава 29

Омега Суприм уничтожил двух десептиконских гладиаторов раньше, чем они успели в полной мере осознать тот факт, что он не погиб. Ранен ли он? Да, в форме робота на нем остались следы ракет Старскрима и оружия других сикеров. Но он выдержал и мог вести бой. Он схватил двух гладиаторов, каждый из которых был вполтину его меньше по размеру, и ударил их друг от друга, так что запчасти полетели. Затем Омега швырнул их в кратер, который образовался при его падении, и стал помогать своим товарищам автоботам бороться с противниками.

Мегатрон отправил нерешительных гладиаторов в атаку.

- Помните! – напутствовал он десептиконов. – Каждая смерть означает, что вам достанется больше темного энергона! А победа над библиотекарем означает, что темного энергона хватит на всех! Будете пить, сколько влезет! А теперь убивайте во имя мое, десептиконы! Завершим эту войну и захватим Кибертрон для себя!

Эта речь, прогремевшая в дыму и хаосе сражения, сплотила неуравновешенных десептиконов, как раз когда атака автоботов прорвала их строй. Мегатрон оказался прав: каждый раз, когда какой-то десептикон погибал, темный энергон вытекал из его тела и затем скапливался вблизи его товарищей, как будто бы темный энергон обладал сознанием и стремился стечься в единый бассейн, который мог бы питать энергией нечто непостижимое. Исход битвы, в последние мгновения оборачивающийся победой автоботов, стал неопределенным. Небольшие группы автоботов и десептиконов бились друг с другом без особого результата в двух точках по разным сторонам края кратера.

Айронхайд схлестнулся с десептиконом, и из-за силы удара при их столкновении хрупкие края кратера обрушились, и противники упали в его недра. Оптимус Прайм следил за ними до тех пор, пока они не исчезли из поля зрения. Тогда он бросился вперед, уворачиваясь от ботов-гладиаторов, и прыгнул в кратер за Айронхайдом. Одновременно туда прыгнули 2 других десептикона за своим товарищем.

Пятеро десептиконов упали вниз вместе в рукопашном бою, и валялись среди горящего шлака на дне кратера. Оптимусу, беспощадному в пылу битвы, подвернулся один из гладиаторов на пути к Айронхайду, который соскальзывал с непрочной поверхности. Оптимус швырнул десептикона на землю и придавил его своим весом. Тот ударил его по лицу энергонным штырем, который трансформировался из плеча десептикона, но Оптимус Прайм сумел увернуться с линии атаки. Он схватил голову десептикона обеими руками, хотя энергонный штырь впился ему в затылок, обжигая и посылая одуряющий разряд по всему его телу, и откручивал, пока, наконец, не удалось отделить ее от тела.

Энергонный штырь пропал. Оптимус Прайм поднял голову и увидел, что Айронхайд уже разобрался с двумя оставшимися десептиконами.

- Пойдем, - сказал Оптимус.

Они взобрались на стенки кратера и вернулись в битву.

После того, как Омега Суприм уничтожил целую кучу темных гладиаторов, Мегатрон подобрался к нему сбоку и заставил его упасть на одно колено после удара такой силы, какой страж никогда не ощущал. Темные гладиаторы набросились на него всей толпой. Оптимус Прайм присоединился к свалке, он отвлек одного из противников, но гладиаторов погибло так много, что темный энергон сгустился на каждом выжившем, сделав их потрясающе сильными. Оптимус Прайм и Джаз вдвоем разобрались с гладиатором. Джаз вырвал ему ноги, а затем еще с двумя расправились выстрелами ионной пушки. Вдобавок Айронхайд вклинился в толпу гладиаторов, получая серьезные раны, но и сам причиняя еще более ужасный урон. Но все равно каждый гладиатор от уничтожения других становился только сильнее, потому что перемещение темного энергона обращало поражение в победу.

Омега Суприм рухнул на землю на краю кратера, выбив небольшие каскады обломков ландшафта и убив на месте некоторых десептиконов. У Мегатрона выжило три гладиатора. Айронхайд и Сайдсвайп затеяли перестрелку с одним из них. Наконец выстрел из пушки Айронхайда оказался роковым, попав в голову десептикона, после чего Сайдсвайп нанес десу удар, от которого тот упал навзничь. Оптимус Прайм, Джаз и Праул одновременно атаковали второго и уничтожили его как раз в тот момент, когда разорвался кабель на задней части голени Омеги Суприма. Третий десептикон бросился с цепью, усаженной крючками, на Айронхайда и стал кромсать его лицо с одной стороны.

С воплями боли, поразительными, потому что Айронхайд был известен своим стоицизмом и выносливостью, поврежденный автобот заметался и упал в кратер. Последний десептиконский гладиатор, упившийся вливаниями темного энергона от своих мертвых собратьев, атаковал всех пятерых оставшихся автоботов. Бамблби перехватил его в прыжке, заставив перекувыркнуться назад, цепь десептикона хлестнула совсем рядом с ним. Джаз и Праул стали окружать противника, а Сайдсвайп попытался зайти сзади, прикидывая, как нанести точный удар.

Оптимус Прайм обернулся к Мегатрону как раз вовремя, чтобы заметить, как Омега Суприм вытянул руку и проломил черепную коробку последнему гладиатору, хотя его в тот момент пытались атаковать 4 автобота. Струя темного энергона выплеснулась из головы умирающего десептикона и тут же потянулась к Мегатрону для поддержки, но была блокирована взмахом руки Омеги.

- Ох, Омега, - тяжело вздохнул Мегатрон. – Тебе, стражу, не придется торжествовать.

И он вонзил меч в спину Омеги Суприма. Омега открыл рот, но не издал ни звука. Он протянул руку за спину и толкнул Мегатрона на край кратера. Оптимус Прайм шагнул в сторону упавшего стража, но Мегатрон опередил его: выставив руку с пушкой, он обстрелял края кратера под ногами Оптимуса, заставив его снова провалиться вниз, катясь вместе с разными обломками, пока он наконец не натолкнулся на Айронхайда. Автоботский ветеран остановил скольжение Оптимуса.

- Давай, сразись с ним! – сказал Айронхайд. – А я лишен зрения...

Оптимус Прайм увидел, какой урон нанесли удары цепью лицу Айронхайда. Он бросил взгляд назад и заметил, что остальные его союзники уставились, пораженные зрелищем, которого они даже представить себе не могли.

Омега Суприм в беспомощном состоянии лежал лицом вниз, одна его рука качалась над неустойчивым краем кратера. В нем теплилась жизнь, но едва-едва. Мерцание его искры было очень слабым. Мегатрон навис над Омегой, приставив меч к его шее.

- Мне его убить? – посылал он автоботам издевки. – Я пришел за кое-чем другим. Но если вы станете мне мешать, я уничтожу его и так или иначе заберу то, за чем пришел.

С высоты донеслись звуки двигателей сикеров, и мгновение спустя Старскрим и трое его выживших офицеров приземлились и трансформировались.

- Ты всегда появляешься в самом конце, Старскрим, - отметил Мегатрон.

- Что-то я не заметил, чтобы ты уворачивался от ракет стража в том воздушном бою, - откликнулся сикер. – Тебе нужен был Омега Суприм? Ты его получил на свою голову.

- О да, - согласился Мегатрон. – Что ж, окажи содействие здесь.

Он и три сикера перевернули Омегу Суприма на спину. Автоботы глядели на это, но не вмешивались.

- погоди, ты увидишь, что я планирую, брат! – обратился Мегатрон. – Мне нет нужды захватывать Иакон, если я могу дождаться, чтобы Иакон сам попал в мои руки. И не нужно убивать Омегу Суприма, потому что как только я завладею тем, ради чего я пришел, с убийствами на войне будет покончено.

Мегатрон вскрыл тело Омеги Суприма и извлек Плазмо-энергетический цилиндр. Омега дернулся и попытался встать, но безуспешно. Он завалился назад на бок, его жизнь вытекала через раны на его бронированном корпусе.

Мегатрон продолжал:

- Сначала Сентинел Прайм, а теперь ты, страж. Ты умираешь столь легко, что мне даже трудно гордиться фактом твоего уничтожения. Вы, автоботы, должны усвоить урок: когда вы прячете у себя что-то важное, случается что-то плохое!

Он крепко сжал Плазмо-энергетический цилиндр обеими руками.

- А ты, Оптимус Прайм, ничего в своем теле не припрятал? Скоро у меня будет шанс выяснить это, брат! – объявил Мегатрон, поднимая свою добычу над головой.

Но Оптимус Прайм проигнорировал его насмешку.

- Сентинел Прайм? – перепросил он.

- Ну да. Я тоже кое-что вырвал из его тела. Наверное, он уже умер. Если не из-за потери кодового ключа, так при обрушении, которым сопровождалось пробуждение стража. Я потерял нескольких отличных воинов в той заварухе. Но если тебе так нужен Омега Суприм... - Мегатрон пожал плечами. – Иногда случаются неожиданные вещи...

Оптимус Прайм понял. Мегатрон намекал на то, что оставил бы Омегу Суприма в покое, если бы битва закончилась сейчас. И принять это решение было немного легче от того, что Мегатрон подкинул ему намек на Сентинела Прайма. Оптимус знал Мегатрона очень долгое

время. Его бывший друг, превратившийся в заклятого врага, был искусным лжецом, но Оптимус Прайм разбирался в признаках лжи. Поэтому он решил, что Мегатрон не врет. Он пришел за Плазмо-энергетическим цилиндром и получил его.

Оптимус заключил, что если сражение окончится, Омега Суприм выживет, автоботы могли бы поправить положение. Десептиконы понесли тяжелые потери. Он мог признать это, мало ли что Мегатрон рассчитывал сделать с этим цилиндром. Автоботы смогут вернуть его. Поиски Альфа Триона в старинных уголках Сети уже начал приносить плоды. Еще несколько сикеров недавно перешли на сторону автоботов. Времена были смутные, но Мегатрона опьянили успехи и эффекты темного энергона. Что будет делать он и остальные десептиконы, когда темный энергон иссякнет? Как скоро они начнут рвать друг друга на части, особенно если учесть присутствие Старскрима, повсеместно готового сеять смуту?

Мегатрон думал, что он играет с автоботами. Но в своем безграничном высокомерии он не учел, что кто-то (или что-то) может сделать и его объектом игры.

- Брат! – Оптимус Прайм указал почерневшим пальцем на Мегатрона. – Тебе еще предстоит узнать, что темный энергон не является таким благом, каким ты его представляешь. И в конечном счете ты будешь горько сожалеть о том, что пришел в Иакон за Плазмо-энергетическим цилиндром. Праул, найди Рэтчета! Джаз, за мной! Остальные, охраняйте Иакон!

После этих слов Оптимус Прайм прыгнул на дно кратера и там бросился через разлом в туннель, который вел обратно к центру Иакона.

Следом за ним Мегатрон трансформировался и помчался на запад. Из всех остальных автоботов только Бамблби не пошел за Оптимусом Праймом. Выбрав направление под углом от пути Мегатрона, он стремительно трансформировался и исчез в облаке частиц ржавчины, взметнувшихся за ним в воздухе. Он знал, куда направляется Мегатрон.

Глава 30

На руинах Хрустального Города, глубоко в его недрах, где линза геостационарного энергонного моста мерцала, словно звездный свет, стоял Мегатрон с Плазмо-энергетическим цилиндром. Он был один и не говорил ни слова. Открыв приемное устройство, он вытащил яркий брусок темного энергона и держал его в одной руке, рассматривая, словно последнюю радость в жизни. В другой руке у него был Плазмо-энергетический цилиндр, установленный на открытую ладонь. Он приблизился к линзе и поставил цилиндр так, что смог убедиться – его форма и диаметр в точности соответствовали отверстию в центре выступающей поверхности линзы. Он выглядел удовлетворенным и затем медленно – это свидетельствовало о необычайном колебании Мегатрона – погрузил брусок темного энергона в верхнюю часть Плазмо-энергетического цилиндра.

В первое мгновение ничего не происходило. И вдруг Плазмо-энергетический цилиндр начал светиться все ярче и ярче. Его свет охватил Мегатрона, остатки установки вокруг него превратились в слабые очертания, а затем полностью скрыли лидера десептиконов...

А затем это сияние начало медленно и зловеще, как будто в этом было что-то болезненное, приобретать фиолетовый цвет темного энергона.

Свет, по-прежнему яркий, стал затуманиваться. Мегатрон отвел взгляд. Даже он не был способен смотреть прямо на зараженный Плазмо-энергетический цилиндр. Он протянул руку и нащупал линзу, а затем свел руки вместе и прикоснулся к цилиндру в отверстии линзы.

Линза моментально стала фиолетовой. Ниже нее подвергся заражению канал, который уходил от линзы вглубь моста, и комок темного энергона медленно распространялся к самому Ядру Кибертрона. Мегатрон наблюдал, его зубы обнажились в триумфальной улыбке, он раскинул руки над фиолетовым сиянием. Он искажил первоначальное предназначение Плазмо-энергетического цилиндра, использовал его для своих целей, - теперь победа стала гораздо ближе. Отныне десептиконы никогда не будут страдать от голода по темному энергону. Отныне автоботам придется обшаривать помойки и подбирать жалкие остатки энергона, который они могли бы выискать на руинах разрушенных кибертронских городов.

Рано или поздно все население Кибертрона, истощенное без энергона, вынуждено будет попробовать темный энергон, потому что даже те, кто не желал этого, не будут иметь никакого выбора. Мегатрон понял, что он только что сделал возможной для десептиконов победу в войне без единого выстрела.

Не то чтобы он хотел именно такого разрешения конфликта. В чем же острота междоусобной войны, как не в сражениях? А когда он сокрушит Оптимуса Прайма – когда, наконец, библиотекарь окажется у него под ногой – Мегатрон хотел, чтобы это случилось именно в битве. В нем говорил гладиатор. Он не умрет, пока либо не захватит Иакон, либо... Мегатрон бросил взгляд на вертикальный проход над линзой, направленный в сторону безграничного космоса. Какие иные миры лежали там, ожидая, пока их захватят? Миры, существующие за пределами тех, что были известны на Кибертроне задолго до того, как кибертронская цивилизация стала оскудевать...

Мегатрон будет искать их. Он принял это решение, пока смотрел в проем и наблюдал за распространением фиолетового свечения.

Несколькими подземными уровнями выше, в последний момент ускользнув из поля зрения Мегатрона, в том месте, где линза фокусировала луч на удаленный приемник станции «Триптикон», прятался Бамблби. Если бы мог говорить, он бы высказался о своем бессилии что-то сделать. Плазмо-энергетический цилиндр, трансформированный и зараженный, превратился в резервуар темного энергона, который Мегатрон использовал, чтобы отравить само Ядро Кибертрона. Бамблби телом ощущал изменения на планете. Это было что-то трудноуловимое, как если бы мир забросило в какую-то новую природную среду, которая была враждебна ко всему, что жило в нем раньше.

Кибертрон теперь будет производить темный энергон. Сущность Юникрона вернулась, чтобы изменить и испортить то, что сам Юникрон не смог уничтожить.

Никогда еще Бамблби ничего так сильно не желал, как сражаться и отдать свою жизнь. Но какой от этого будет толк? Оптимус Прайм заставлял всех своих лейтенантов задумываться над вопросами. Какую пользу принесет сражение? Если вы погибнете, какая в том польза? Честь и слава – это замечательно. Но если вы собираетесь героически погибнуть тогда, когда могли бы жить, чтобы сражаться и победить врага, - это безрассудство. Вкратце выкладка Оптимуса Прайма звучала так: «Никогда не позволяйте отваге быть врагом разума».

Бамблби был на грани. Но, в конце концов, разум взял верх.

Он должен был сообщить о случившемся в Иаконе и поговорить с Оптимусом Праймом и Альфа Трионом.

В разгромленных подземных уровнях Иакона Оптимус Прайм безуспешно искал Сентинела Прайма. Следуя за другом, Джаз оттаскивал его от закоулков, которые грозили обвалами, или неустойчивых плит, под наклоном уходящих в бездонные провалы. Никто из них понятия не имел, насколько далеко вниз распространился ущерб, а точнее насколько далеко вниз были исследованы иаконские туннели. Они двигались в сторону внешней границы огромного комплекса, связанного с работой «Телетраана-1», а затем пошли вдоль этой границы, зная, что Плазмо-энергетический цилиндр был спрятан где-то в этой области.

- Как ты думаешь, откуда взялся Сентинел Прайм? – спросил Джаз, пока они шли. – Он не показывался до поры до времени. И затем вдруг явился прямо в тот момент, когда Мегатрон собрался заполнить кодовые ключи и найти Плазмо-энергетический цилиндр. Я поражен.

- А знаешь, чему ты поразишься еще больше? Тому, что это дело рук Старскрима.

- Старскрима? – Джаз посмотрел скептически.

- Я думаю, Старскрим искал возможность устроить переворот в стане десептиконов. – произнес Оптимус. – Он вышел с нами на связь некоторое время назад. И сложилось впечатление, что война могла бы закончиться, если бы он... Ну, ты понимаешь...

- Прикончил Мегатрона?

Оптимус Прайм кивнул.

- Да. Прикончил или отстранил каким-то образом. Не могу предсказать, какие это имело бы последствия, однако мне думается, что Сентинел Прайм не просто так появился. Мне кажется, Старскрим отпустил его. Но мы должны выяснить, куда он делся, если он все еще жив.

- Оптимус, - произнес Джаз после паузы, за время которой они обнаружили следы возгорания и отметили, что обрушившиеся обломки разбиты на мелкие осколки. – А может быть Сентинел Прайм уже мертв и нет смысла искать его?..

- Найдем и посмотрим – сказал Прайм.

- Но пока ты ищешь, что происходит в Городском Архиве? Разве ты не предоставляешь этим в какой-то степени преимущество Мегатрону? Тебе нужно думать о живых.

- Остановись и посмотри в лицо ситуации, Джаз. Ты считаешь, что я не беспокоюсь о живых? Насколько полезно будет для нас, если Сентинел Прайм еще жив и может быть восстановлен, чтобы сражаться вместе с нами?

Джаз подошел к нему вплотную и не унимался.

- Откуда я знаю? А вот ты готов к тому, чтобы перестать быть Праймом? Готов стать снова Орионом Мирным?

Они не сводили друг с друга пристальных взглядов. Оба бота сдерживались, чтобы не выдать в следующий момент резкое замечание, которое обострит ситуацию до точки, за которой разгорится ссора.

- Мы рядом, - сказал Оптимус Прайм после напряженной паузы. – Мы слишком близко подошли, чтобы отступать теперь.

Джаз ничего не сказал. Он пошел дальше, и они продолжили поиски. Вскоре после этого они начали получать ответы на свои вопросы.

Они сразу поняли, куда попали, когда наконец пришли на место появления Сентинела Прайма.

- Итак, все, что тебе нужно сделать, это найти место, где все расплавилось – заявил Джаз. – Тогда ты, наконец, угомонишься? Вот то самое место с некой штукой, которое ты ищешь.

Оптимус Прайм ничего не сказал в ответ. Джаз должен был так сказать, ему следовало сердиться. Это было в порядке вещей. Это уравнивало склонность самого Оптимуса воспринимать все слишком серьезно. К тому же Джаз был прав. Единственными объектами, которые каждый из них мог лицезреть, было остывшее озеро шлака непосредственно под местом старта Омеги Суприма и частично оплавленные и выжженные обломки, разбросанные из центра этой зоны. Часть «Телетраана-1» выглядела поврежденной. Оптимусу Прайму придется обращаться к ремонтной команде, как только они убедятся, что в этом месте нет десептиконской засады.

Но едва они отошли на некоторое расстояние от точки старта, повсюду обнаружили следы боя, заметные несмотря на обрушение. Здесь были следы взрывов, там – запчасти

десептиконов, которые встретили ужасную смерть, или размазанные лужицы жизненно важных флюидов.

- Я не вижу здесь поблизости никакого Прайма, если не считать тебя – ухмыльнулся Джаз.

Оптимус тоже ничего подобного не наблюдал.

- Джаз, - произнес он. – Я распознаю, когда Мегатрон лжет. Он не лгал.

- Может, ты не так хорошо разбираешься в нем, как ты думал?

Оба трансформера занимались поисками еще некоторое время, прежде чем Оптимус Прайм заговорил:

- Нет, - произнес он с уверенностью. – Мегатрон верил в то, что сообщил мне. Это означает, что кто-то выжил здесь внизу и ушел, – он огляделся по сторонам. – Но куда - вот в чем вопрос...

Его портативный узел Сети зазвенел. Оптимус пропустил передачу через протокол безопасности. Она исходила из Городского Архива. Оптимус разрешил допуск, и голос Праула раздался из динамика, расположенного возле челюсти Прайма.

- Я собираюсь рассказать тебе нечто, что ты уже знаешь, но не знаешь, что я знаю – произнес Праул.

- Тогда скажи вместо того, чтобы рассказывать мне, о чем ты собираешься рассказывать – потребовал Оптимус Прайм.

- Я не знаю, где точно вы найдете его там внизу. Но две вещи вы должны знать.

- Какие?

- Первое, Бамблби вернулся. Мегатрон заразил Плазмо-энергетический цилиндр. Ядро Кибертрона теперь заражено темным энергоном. А второе... Мы не понимаем, как это произошло... Но Сентинел Прайм прислал короткое сообщение по Сети. – Оптимус Прайм оглядел руины и тела десептиконов. – Неудивительно... - пробормотал он.

- Что неудивительно?

- Что я не нашел его здесь возле погибших. Где он?

- Мы все еще пытаемся проследить источник сообщения. В Сети было много помех. Но мы полагаем...

Сигнал прервался. Оптимус Прайм попытался открыть канал снова, трижды пытался. Но безрезультатно.

- Джаз, - позвал Оптимус. – Нам нужно вернуться в Городской Архив прямо сейчас.

Глава 31

Казалось, пришел конец.

В то время как Оптимус Прайм и Джаз выбрались обратно на поверхность и взяли немного пищи на командном пункте, рапорт Бамблби произвел впечатление разорвавшейся бомбы в Городском Архиве. Очень сложно было почувствовать хоть какой-то оптимизм в главном читальном зале, где окна выходили на руины башни Верховного Совета, а рядом можно было разглядеть пелену дыма, который стелился над местом сражения за Омегу Суприма и Плазмо-энергетический цилиндр.

- Ты уверен? – задал вопрос Оптимус Прайм.

- Ты спрашиваешь меня или Бамблби? А то он у нас весьма неразговорчивый – огрызнулся Праул.

- Праул, не думаю, что сейчас есть время для колкостей – сказал Оптимус Прайм тихо. – Повторю вопрос. Ты уверен, что слышал самого Сентинела Прайма?

- Да.

Поскольку он не стал углубляться в эту тему, Оптимус снова обратился к нему:

- Что дало тебе такую уверенность?

- Сигнал прослеживался до последнего радиотранслятора в Пустошах. Это низкоорбитальный спутник, который обслуживает всю округу от Слоутер-Сити до Гидракс. Кроме космопорта. Там собственное подключение к Сети, но связь не работает уже давно. Практически с начала войны. – Праул углубился в свои отчеты и разведданные, как он делал всегда, когда ему было трудно вести разговор.

- Разве это единственный показатель? – вклинился Альфа Трион. – Какие еще есть данные?

- Данная частота в основном использовалась в подпольных кружках гладиаторов, как правило, для внутренней связи, когда они не хотели, чтобы их засекли в самой Сети. Это заставляет меня думать, что сигнал исходил из Каона или Бластер-Сити – продолжил Праул. – А когда я начал прослеживать источник сигнала, передача была тут же стерта антитрекинговым протоколом, датированным... Может, кто-то угадает?

- Началом войны, возможно? – предположил Джаз. – А протокол был создан бандитами гладиаторами, чтобы помешать отслеживанию их боев?

Праул повернулся к Джазу.

- Именно так! – произнес он. – Мы постоянно сталкивались с ними, пока я работал в участке Гидракс – Пустоши.

Праул был офицером гражданской полиции¹²¹, работал посредником между силами ополчения разных городов-государств и стражами Верховного Совета, которые номинально контролировали гражданские права.

- Итак, Сентинел Прайм в Каоне. – сказал Сайдсвайп.

Никто не отозвался.

- И что теперь? – тихо поинтересовался Праул.

Оптимус понятия не имел. Но он считал, что перво-наперво надо стянуть все группы автоботских партизан от внешних границ территории. Пробил час для того, чтобы создать последний рубеж обороны Иакона, и каждому автоботу нужно принять в этом участие.

Он не помнил, высказывал ли эту идею напрямую, но она прозвучала в обсуждении. Пошла бурная дискуссия, обостряющаяся по нарастающей, пока неожиданный крик в отдалении не оборвал спор. И когда установилась тишина, всем стало очень стыдно, что они перебивали друг друга вместо того, чтобы выступить по очереди.

Бамблби испытывал трудности с поспешно проведенным ремонтом его вокодера, его речь прерывалась и звучала едва слышно. Но сознавая, что ремонт Рэтчета был в лучшем случае временным, он заставил себя присоединиться к дискуссии.

- Последний рубеж обороны? Но мы же не можем позволить Сентинелу Прайму просто умереть? – проговорил он. – Какие мы автоботы после этого?

Простое проявление чувств (некоторые из присутствующих в минуту слабости, возможно, даже назвали бы это наивностью) заставило всех в комнате замолчать. Молчание продолжалось так долго, что юный Бамблби начал чувствовать себя очень неудобно. Затем Праул нарушил тишину:

- Он прав.

- Но Сентинел Прайм никогда не был автоботом. Он отстранился от движений на Кибертроне с самого начала – возразил Джаз.

Айронхайд оживился. Его лицо блестело от свежих сварных швов, которые наложил ему Рэтчет.

- Он изменился – сказал Айронхайд. – Не всякий сумел бы так быстро сориентироваться в происходящем.

- Вот-вот, - подтвердил Клиффджампер¹²².

- Но сколько займут его поиски? – Джаз не поддавался убеждению. – И откуда мы знаем, что это все не подстроено Мегатроном? Или, к примеру, Старскримом? У этого сикера припасено больше уловок, чем у Айронхайда шрамов!

¹²¹ Этот термин означает, что в полицию набирали рекрутов из числа гражданского населения города.

¹²² Cliffjumper буквально можно перевести как «скальный прыгун». В Г1 его называли Скалолазом. Этот автобот отличается незаурядной отвагой с некоторой долей безрассудства. В разных трансформерских произведениях он оставался скорее фоновым персонажем. Но в сериале «Transformers:Prime» его образ очертили довольно ярко.

Рэтчет прервал этот затянувшийся спор, чтобы наконец принести впервые за все это время немного хороших новостей.

- Омега Суприм жив, - объявил он. – Я как мог, позаботился о его повреждениях. Он будет жить. И зная его, можно сказать, что Омега приложит все усилия, чтобы вернуться на поле боя.

Страж выжил. Всех автоботов немного утешили эти вести. А когда на связь вышел Ультра Магнус, чтобы сообщить, что он и отряд его бойцов, более известных как рэкеры, перехватили и уничтожили десептиконскую танковую колонну на трассе Иакон – Гидракс, каждый почувствовал некоторое облегчение. Ситуация по-прежнему была тяжелой. Было недостаточно обычного энергона и слишком много темного. Десептиконы, обладающие численным и огневым превосходством, захватили большую часть планеты и ее ресурсов, не говоря уже о космосе.

Тем не менее, пока еще горели искры автоботов, продолжающих вести борьбу, не все было потеряно.

- Будет ли Омега в состоянии участвовать в сражении в ближайшее время? – спросил Оптимус Прайм.

Рэтчет посмотрел вниз на пол.

- Это зависит от того, что ты имеешь в виду под «ближайшим временем». Я склонен сказать «нет». Он попал ко мне на ремонт после того, как по нему ударили ракетами в воздухе, а затем он рухнул практически с орбитальной высоты, получил уйму выстрелов от толпы ботов, и наконец его тело разрезали в поисках Плазмо-энергетического цилиндра. Если ты думаешь, что он должен идти в бой вскоре после того, как я буквально собрал его по кусочкам, то тебе нужен другой врач!

С этими словами Рэтчет ушел. Никто не знал, что сказать. Им никогда прежде не приходилось видеть, чтобы Оптимус проявлял такую пренебрежительную эгоистичность. Но в следующий миг он тоже задумался о своем поведении и не знал, как справиться с этим чувством. Он должен извиниться перед Рэтчетом. Хотя это могло подождать. Сначала он должен успеть утихомирить свои расстроенные чувства. У него есть война, чтобы сражаться, и планета, которую нужно спасти.

- Бамблби прав, - промолвил Оптимус. – Мы не должны бросать Сентинела Прайма. Альфа Трион, это значит, нам нужно знать, где он находится.

- Я уже сказал, где он находится – перебил Праул.

Оптимус протянул руку и положил ее на плечо Праула.

- Знаю. Хорошая работа. Но давайте убедимся. И как только будем знать наверняка, станем действовать.

Альфа Трион ушел в свой кабинет, чтобы заняться какими-то делами, которые он не хотел делать при автоботах. Оптимус Прайм вернулся к широкому столу для чтения, где все еще лежали графики и отчеты, которые были ему нужны. Все данные из этих графиков были у него в голове, но Оптимус Прайм любил смотреть на вещи непосредственно, в реальной обстановке.

- Бамблби, - обратился он. – Расскажи, что ты видел в Хрустальном Городе.

После того, как ему потребовалось несколько циклов на то, чтобы разобраться в деле, Оптимус Прайм подошел к своему подчиненному и похлопал его по плечу.

- Спасибо за доклад, Бамблби! Это был смелый поступок, и он не останется без награды. Хорошо, что мы знаем о случившемся, хотя это знание не доставляет никакой радости.

Рассматривая зал, Оптимус Прайм снова подумал (в который раз уже его мысли возвращались к этому?), что его окружают превосходные последователи. Ни один лидер не смог бы выжить без них.

- Теперь мы отправляемся в Каон, - заявил Прайм. Оглядываясь на Бамблби, он добавил. – А когда мы вернемся, попробуем что-нибудь сделать со станцией «Триптикон». Мы уже и так ждали слишком долго.

Глава 32

У Альфа Триона было крайнее средство. Оно было получено незадолго после того, как Тринадцать окончательно разошлись, и Альфа Трион сам проверял его периодически в течение бесконечного числа циклов, которые минули с той поры, чтобы быть уверенным, что все по-прежнему работает. Он знал, что должен был рассказать Оптимусу Прайму. Он знал, что однажды пустит этот план в действие. Обстоятельства и само чувство ответственности Оптимуса Прайма за автоботов, находящихся под его командованием, сделает это практически неизбежным.

Однако был ли какой-то иной вариант? Плазмо-энергетический цилиндр был заражен и превратился в канал для отравления самого Ядра Кибертрона. Это был кризис, беспрецедентный в истории планеты. И Альфа Трион предвидел такое развитие событий с самого начала. Разве у него был какой-то другой выбор?

Пришло время, решил он, столкнуться с реальной перспективой того, что Кибертрон никогда не будет прежним.

Он пробежал пальцами по обложке «Завета», затем перевернул его и раскрыл. Взгляд упал на страницу, где говорилось о событиях ближайших орбитальных циклов. Альфа Трион не мог прочитать все это. Вообще не мог, когда будущее было предметом беспокойства, и он почитал себя счастливым за то, что мог прочитать хоть что-то. И судя по тому, что Альфа Трион мог увидеть, он сделал правильный выбор.

Время покажет, может быть, Оптимус Прайм будет чувствовать то же самое.

Оптимус Прайм вошел, когда Альфа Трион дочитывал последний понятный фрагмент о ближайшем будущем в «Завете».

- Я должен отправиться в Каон – сказал он Альфа Триону. – Сентинел Прайм все еще жив. Как я могу бросить его там, я, который присвоил его титул?

- Тебя назначил Праймом Верховный Совет – поправил его Альфа Трион.

Оптимус помолчал мгновение.

- Но я не отказался...

- Насколько помню, ты пытался, - сказал Альфа Трион с усмешкой. – И это сделало тех из нас, кто стоял за то, чтобы тебя назвали Праймом, еще более уверенными в том, что мы приняли правильное решение.

- Подождите! - до Оптимуса Прайма начал доходить смысл фразы Альфа Триона. – Так вы...

Альфа Трион покачал головой.

- Не только я. Но кто-то должен был поднять этот вопрос. Я наблюдал за тобой долгое время, Оптимус Прайм. Я видел, как ты пытался обуздать Мегатрона и как пытался рассматривать каждую идею с разных сторон. Такой лидер, как ты, был нужен Кибертрону.

- В этом я не уверен. Где мы оказались в результате?

- А где бы мы оказались, если бы ты не взял на себя лидерство? – возразил Альфа Трион.

Оптимус Прайм ничего не ответил.

- Прежде чем ты отправишься в Каон, - продолжал архивариус, - Есть несколько вещей, которые ты должен узнать.

- Почему это не может подождать до моего возвращения?

Лицо Альфа Триона помрачнело.

- Потому что, Оптимус Прайм, ты можешь не вернуться. И еще потому, что даже если твоя миссия закончится успешно, война все равно может быть проиграна. Послушай, что я скажу, и посмотрим, останешься ли ты при убеждении, что это должно подождать до твоего предполагаемого возвращения.

Отряд, выбранный для проникновения в тюрьму Каона (для этого был проведен тщательный анализ Сети, показавший, где могут держать Сентинела Прайма), включал Джаза, Праула и самого Оптимуса. Вспомогательный отряд из Сайдсвайпа, Бамблби и Джетфайера готов был в любой момент прийти на помощь первому, а также дать им знать, если десептиконы обнаружат вторжение. Проникнуть на десептиконскую территорию оказалось легче, чем ожидалось по той простой причине, что практически никто, кроме десептиконов, не стремился туда попасть. Десептиконы не опасались вторжения, потому что считали, что автоботы боятся, если не Мегатрона, то распространяющегося влияния темного энергона, который отряд нарушителей мог лицезреть повсюду. Шесть автоботов без труда добрались до границы Каона по дороге из Слоутер-Сити. Им даже не пришлось драться, в первую очередь потому, что они путешествовали в трансформах и были уверены, что не выделяются. Оптимус Прайм даже тащил прицеп, полный запчастей, всю дорогу от десептиконской границы до самого Каона. Там он сдал его скучающему управляющему на перерабатывающем заводе, где ветеранов войны модернизировали для промышленных работ.

В Каоне отряды разделились. Трио помощников обогнули город по периметру, пока не обнаружили удобное место, чтобы занять позицию, - в здании бывшего регионального управления Верховного Совета, давно уже находящемся в запустении.

Оптимус Прайм с Праулом и Джазом направились к центру города, где увидели черные пирамиды, а затем автоботы начали спуск в самые дальние уголки подземелья Каона. Там находилось место, где они собирались искать Сентинела Прайма, - печально известная тюрьма Каона.

Снаружи пирамида не слишком строго охранялась. Праул стал обходить ее с одной стороны, а Джаз прогулялся до противоположной стороны и произнес:

- Скажи-ка, дес, где я могу раздобыть немного этого, как его... темного энергона?

Часовой посмотрел на него с недоумением. И вдруг Праул набросился на него с другой стороны и перерезал жизненно важные провода на его шее в абсолютной тишине. Джаз подхватил тело, и вдвоем они оттащили его в сторону, пока Оптимус Прайм взламывал дверь. Внутри пирамиды было сыро, и капала вязкая субстанция темного энергона. Казалось, здесь

произрастает какое-то вещество. Оптимус Прайм мог ощутить его соблазнительный призыв на границе своего сознания.

- Ни до чего не дотрагивайтесь без нужды! – предупредил он тихо, когда они пошли вперед.

- Об этом не волнуйся, - откликнулся Джаз.

Оптимус Прайм помнил дорогу вниз до гладиаторской ямы, где в настоящее время была тюрьма, по крайней мере, если верить лучшим разведанным, которыми они располагали. Это все, что у них было, чтобы отправиться на миссию, и они продолжали путь. Уровни между поверхностью и тюрьмой, где начинающие гладиаторы без конца тренировались в надежде пройти свой первый отбор, были сейчас в основном пусты. Оборудование там ржавело в обломках. Оптимус Прайм ощутил, что это была картина будущего Кибертрона. Если Мегатрон выиграет войну, вся планета будет выглядеть вот так, пропитанная темным энергоном. Ее жители умрут или станут рабами. Только автоботы смогут предотвратить такой исход.

- Это место ужасно, - высказался Праул.

- Точняк, - поддержал Джаз. – Если бы Сентинел Прайм не находился здесь, я бы сказал, что мы должны взорвать всю эту дыру.

- Но он здесь, - напомнил Оптимус Прайм. Праул и Джаз замолчали.

Намного ниже уровня, где Оптимус видел первый гладиаторский поединок, они нашли тюрьму. Это было огромное открытое пространство, холодное и скользкое из-за сгустков темного энергона. В стенах были отверстия, которые вели непонятно куда.

- Подземелье? - предположил Джаз.

- Так я и думал, - Праул направился к центру помещения.

Возможно, десептиконы заключили своего рода сделку с обитателями подземелья. Оптимус сказал бы, что это было в духе Мегатрона - или конкретнее Шоквейва – для которого подземелье было просто еще одним поставщиком интересных запчастей для сборки. Независимо от природы этих взаимоотношений, пространство тюрьмы заполняла вонь подземелья.

Все заключенные были мертвы. И с виду казалось, смерть наступила давно. Прикованные к стенам и не имеющие доступа к энергону, они потихоньку слабели, пока их искры не покинули тела, чтобы воссоединиться с Великой Искрой в бесконечном космосе. Единственным исключением был Сентинел Прайм, который лежал, прикованный к столбу в центре помещения. Оптимус Прайм направился к нему и угодил в засаду, устроенную парой темных стражников десептиконов, которые выпрыгнули из туннелей и ударили его энергокнутами. В глазах потемнело, и мучительная боль распространилась по спине и по конечностям, и Оптимус Прайм рухнул на пол. Он перекатился, ожидая еще одного удара и инстинктивно активировал свои ионные пушки.

Когда его зрение прояснилось, Оптимус разглядел Джаза на полу и Праула в боевой стойке против двух стражников. Он проворно перемещался, чтобы обойти их сбоку, а затем выбросил устойчивый поток смертоносных метательных звездочек и энергокинжалов. Один из стражников стал двигаться заметно медленнее своего напарника, и Оптимус Прайм увидел причину: три

звездочки, одна к другой, глубоко вонзились в сустав на его правом бедре. Темный энергон, смешиваясь со смазкой и другими жизненными жидкостями, истекал из раны.

Оптимус Прайм прицелился и выстрелил, попал точно по ранам. Стражник вскрикнул и рухнул вниз. Его нога держалась на одних только жилках. В слепой ярости он обернулся и начал хлестать кнутом в направлении Оптимуса Прайма, но десептикон теперь двигался медленно, а Оптимус ощутил электрический разряд боевого азарта. Он перехватил энергокнут одной рукой, чтобы поволочь искалеченного стражника.

Стражник сказал что-то на языке, который Оптимус Прайм не распознал. Неужели это темный энергон создавал помехи работе его языкового центра? Или стражники здесь внизу учили только диалекты подземелья?

Оптимусу Прайму не хватило времени, чтобы стать лингвистом. Он покончил со стражником и присоединился к Праулу в атаке на второго. Там, где Праул использовал ножи и звездочки, Оптимус Прайм шел более прямым путем. Он сбил с ног стражника мощным залпом ионной пушки и продолжал атаку, пока Праул с ним не разобрался.

Они осмотрели все камеры, проверяя, нет ли еще стражников. Кругом было тихо.

- Посмотри, что с Джазом, - приказал Оптимус Прайм.

Он хотел сделать это сам. Джаз был его давним другом, и Оптимус Прайм не представлял жизни без него.

Однако он был Праймом, и на его плечах лежали задачи.

- Сентинел Прайм? – обратился Оптимус, склонившись над своим предшественником.

На туловище Сентинела Прайма все еще зияла рана на том месте, где Мегатрон извлек кодовый ключ Права. Оплавленный и обожженный металл вдоль его спины и ног говорил о том, как близко он был к точке старта Омеги Суприма. Другие, более свежие раны свидетельствовали об ином: об ужасном обращении, которому он подвергся с момента заключения в тюрьму Каона.

- Не называй меня так, - попросил Сентинел Прайм.

- Но это твое имя...

- Больше нет. Ты – истинный Прайм. – сказал умирающий Сентинел. – Верховный Совет ошибался во многом, но это решение – независимо от причин, по которым его приняли – оказалось правильным.

- Я никогда не хотел узурпировать то, что было твоим...

- У меня и мысли такой не было, - заявил Сентинел, - Титула Прайма неизбежно лишаются. Я носил его дольше, чем должен был. Может, ты удержишь его и будешь более достойным Праймом, чем был я.

- Ты вернул свое достоинство. И этого не забудут.

Сентинел закрыл глаза и погрузился в молчание. На мгновение Оптимусу Прайму показалось, что он умер. Но затем, не открывая глаз, Сентинел добавил, - Существует нечто, что ты должен сделать.

- Расскажи!

- Ты должен войти в Ядро... Я слышу, как оно взывает ко мне сейчас... Голосом, который слабеет с каждым циклом... Мегатрон, глупец, заразил его темным энергоном. Если нечто не будет сделано, - Кибертрон погибнет... - он испустил протяжный стон. – И тогда все мы...

Это были последние слова Сентинела Прайма.

Оптимус Прайм постоял минуту в знак уважения к искре Сентинела Прайма. Затем он протянул руку и сломал цепь, которой его тело было приковано к столбу. Он поднял тело своего предшественника и обратился к Праулу:

- Как там Джаз?

- Ой, со мной все будет в порядке!

Оптимус Прайм обернулся и увидел, что Джаз уже сидит.

- Один из этих кнутов обвился мне прямо вокруг шеи. Я слышал, что все вы делаете, но не мог пошевелиться. – Джаз вытянул руки, пошевелил пальцами, затем покрутил головой назад-вперед. – Кажется, мне уже лучше.

- Давайте выбираться отсюда! – произнес Оптимус Прайм.

Глава 33

Сентинела Прайма похоронили в гробнице Праймов в Иаконе, где он присоединился к ряду поколений, который простирался так далеко, как сама история Кибертрона. Церемония была скромной, как требовали сложившиеся обстоятельства. Не было времени на сложный ритуал, сопровождавший погребению предыдущих Праймов или других важных трансформеров, которые нашли место вечного успокоения в близлежащих гробницах. Вокруг гробницы стояли рядами батареи ПВО и мобилизованные автоботы из сил быстрого реагирования. Оптимус Прайм был почти уверен, что Мегатрон попытается сорвать церемонию каким-то образом. Возможно, ради того, чтобы помешать Оптимусу Прайму быть включенным в это поколение и носить этот титул.

Над свежесваренной гробницей Альфа Трион провел традиционный обряд Прощания с ушедшими Праймами. В конце этого ритуала он передал титул Оптимусу Прайму, официально закрепив его назначение в истории Кибертрона, которое ранее существовало де-факто.

- Эй, не забывай друзей теперь, когда ты звезда! – поддразнил его Джаз, когда они шли из гробницы в находящийся по соседству Городской Архив.

Но голова Оптимуса была заполнена мыслями об обряде, который заставил его подумать об ушедших Праймах, об их первом исходе с Кибертрона.

- Как, по-твоему, сколько из них еще живы? – спросил он Джаза. – Из Тринадцати, я имею в виду...

- Ни одного.

- То есть как?

- То есть, Тринадцать – это миф, О.П. – сказал Джаз.

Он был единственным из автоботов, кто обладал привилегией обращаться к Оптимусу Прайму столь неофициально. Но все же он был достаточно осмотрительным, чтобы прибегать к ней только, когда они были одни.

- Тринадцати никогда не существовало. Они – воплощение порядка, придуманного, чтобы направлять нас, понимаешь? Им не требуется быть реальными, чтобы мы учились у них.

- Я не верю в это! – Оптимус Прайм покачал головой.

- Тебе не обязательно верить – сказал Джаз. – Правда остается правдой, неважно, веришь ты в нее или нет.

Вернувшись в Городской Архив, они устроили коллективное обсуждение миссии по проникновению в Каон и возвращению тела Сентинела Прайма с вражеской территории.

- Что-то было не так, - сказал Оптимус Прайм. – Где было сопротивление? Куда подевались все десептиконы?

- Возможно, Мегатрон понял, что темный энергон – это палка о двух концах – предположил Альфа Трион.

- Может быть – согласился Оптимус.

- Или они все могли собраться в одну большую армию, незаметно для нас, и готовятся атаковать нас всех сразу – высказал свою версию Джаз.

Автоботы посмотрели на него.

- Это возможный вариант – продолжал настаивать Джаз.

- Не исключено – кивнул Оптимус Прайм. – И меня беспокоит вот что. А если Мегатрону все равно, что мы вернули тело Сентинела Прайма? Что если он думает, что уже выиграл войну благодаря темному энергону?

- Тогда мы должны сделать то, о чем говорили...- Альфа Трион задержал пристальный взгляд на Оптимусе.

- Вы уверены?

- И ты будешь уверен, когда отправишься к Ядру и увидишь, был ли Сентинел Прайм прав...

- Тогда нам лучше выступить. Бамблби, Джетфайер, на этот раз вы пойдете со мной. Джаз, Праул, вам нужен отдых. А ты, Сайдсвайп, проследи, чтобы Джаз с Праулом оставались здесь.

К общему недовольству Оптимус Прайм покинул Городской Архив. Он ухитрился вызвать гнев почти всех своих автоботов. Это означало, что либо он хороший лидер, потому что не зависел от любимчиков, либо что он ужасный лидер, потому что не понимал потребности подчиненных. Время покажет. Сначала он должен увидеть, что собой представляет Ядро.

Клиффджампер и Ультра Магнус вместе со своим отрядом бойцов сопровождали Оптимуса Прайма, Бамблби и Джетфайера к южной границе Колодца Великой Искры. Там, в глубине каньона, где был расположен Колодец, находился портал, который вел непосредственно к Ядру... и, по всей видимости, позволил бы Оптимусу достичь Ядра, не вступая в схватки с бродячими бандами обитателей подземелья. Их не интересовала ни поверхность, ни цель Оптимуса, и он не хотел драться с кибертронцами, которые не присягали на верность делу десептиконов.

- Мы останемся здесь, - объявил Ультра Магнус. – На случай если вам понадобится какое-то прикрытие на обратном пути.

- Если возникнет нужда в прикрытии на обратном пути, дела, вероятно, станут скверными уже здесь – заметил Оптимус Прайм.

Ультра Магнус пожал плечами. Он был ботом, который не выказывал особого страха.

- Мы позаботимся об этом, Оптимус Прайм, - обещал он.

Как будто произнося эти слова, он мог гарантировать безопасность.

Оптимус Прайм с Бамблби и Джетфайером начали потихоньку спускаться в Колодец по техническим лестницам, установленным на Кибертроне в доисторические времена давно почившими трансформерами, чтобы обслуживать машины, не функционирующие уже терациклы.

В различные периоды своей истории Колодец был в центре бесчисленного числа суеверий. В течение долгих эпох боты рождались из него и начинали бродить по пустому пространству вокруг, не зная, куда идти, потому что тайны Колодца внушали трепет при попытке рассмотреть их. В более просвещенные времена поселения и организации, возникшие на уровнях Колодца вблизи поверхности, забирали новорожденных трансформеров и учили их путям кибертронской цивилизации. В настоящее время их нет, так как нет самой Великой Искры. Колодец почернел. Его недра засыпаются обломками и разными отбросами бесконечных циклов войны и запустения.

Размышляя об этом, Оптимус Прайм и его отряд спускались вниз, пока не наткнулись на скрытую дверь, известную только Альфа Триону и Праймам, которая вела в недра Кибертрона, вела к самому Ядру.

Эта дверь и туннельные комплексы за ней по описанию представлялись Оптимусу Прайму сверкающими и живыми, словно это было само сердцебиение Кибертрона. Но то, что он увидел, когда открыл дверь и осветил фонарем порог, было в действительности совсем иным. Туннель тянулся перед ним изогнутым спуском. Там, где должно было наблюдаться биение жизни из-за мощного внутреннего излучения Ядра, царила тьма. А когда луч света Оптимуса Прайма утыкался в пол или стены туннеля, автоботы могли увидеть расползающиеся фиолетовые пятна.

- Осталось мало времени, - произнес Оптимус Прайм, - Поспешим!

Чем дальше они углублялись в туннель, тем более очевидно проявлялось воздействие темного энергона. Фиолетовая отрава покрывала сохранившиеся источники освещения, казалось, что она разлилась по трубам, которые питали энергией из глубин планеты более высокие уровни Колодца. Создавалось впечатление, что темный энергон растворен даже в воздухе и заставляет оптику автоботов видеть вещи, которых не было. И заставив их позже задаваться вопросом, может, они не видели некоторые вещи, которые там были...

- Что произойдет, если мы попробуем это? – спросил Джетфайер.

Оптимус Прайм и Бамблби шли в нескольких шагах от него и сохраняли дистанцию. Они были наготове на случай, если он что-то выкинет. Различное вооружение Бамблби трансформировалось из его рук и активировалось. Оптимус Прайм не вытащил оружие, но протянул руку к Джетфайеру.

- Тебе нельзя об этом думать!

- Нельзя? Да кто ты такой, чтобы говорить мне, о чем думать, о чем нет?! – Джетфайер стал наступать на Оптимуса. – Разве мы сражаемся не за право думать, о чем хотим, и делать, что хотим? Почему ты мне запрещаешь о чем-то думать?

- Потому что если ты думаешь об этом прямо сейчас, это темный энергон воздействует на тебя, Джетфайер. И если ты позволишь темному энергону овладеть твоим разумом, ты погибнешь.

В туннеле повисло молчание. В конце концов, Оптимус Прайм нарушил его.

- А если ты умрешь, Джетфайер – если вынудишь нас убить тебя, потому что в противном случае ты станешь жертвой темного энергона и попытаешься убить нас – тогда это серьезно усложнит прохождение всех испытаний, которые ждут нас там внизу. – Оптимус Прайм указал на

зев туннеля впереди. – Так что подумай, хочешь ли ты выбраться на поверхность? Однако прямо сейчас мы – все мы – действуем не ради себя, но ради всех оставшихся автоботов и всех кибертронцев, которым нужно, чтобы мы преуспели. Мы не должны колебаться. И мы нуждаемся в тебе. Ясно?

Джетфайер был слишком горд, чтобы извиниться, и слишком горд, чтобы отворачиваться от Оптимуса Прайма. Но он внял словам своего лидера.

- Да. Ясно.

- Тогда пошли!

Автоботы продолжили путь. Но раньше, чем углубиться в недра, они наткнулись на первое из мест, где темный энергон подпортил структуру туннеля настолько серьезно, что ходить там стало небезопасно.

- Ну вот, вы нуждаетесь во мне, - заявил Джетфайер. – Держитесь!

Он ловко трансформировался в долю секунды. Превращение еще не было полностью завершено, как Джетфайер активировал свои двигатели, по сути сделав прыжок с ракетным ускорением через сгнившие участки пола вместе с Оптимусом Праймом и Бамблби, вцепившимися в его руки, которые в трансформе стали почти крыльями, потом снова руками... И наконец он приземлился на противоположной стороне от гнили и ржавчины, на участок пола, покрытый темным энергоном.

Это была ловушка. Они поняли это слишком поздно.

То, что выглядело устойчивой частью пола, сразу обрушилось, и автоботы провалились, как если бы они попытались шагнуть по облаку. Они падали вниз, проносясь через огромное пустое пространство к сердцу Кибертрона, субстанцию которого пожирал опустошающий побочный эффект темного энергона. Джетфайер трансформировался сразу, рефлекторно. Но это произошло раньше, чем два его товарища успели ухватиться за него снова. Он сделал маневр и оказался под ними и стал притормаживать, медленно, подхватив их в итоге в воздухе с различным изменением в диапазоне двигателей. Но он бился из последних сил. Оптимус Прайм и Бамблби сталкивались друг с другом на задней части его фюзеляжа, они едва держались.

- Теперь-то мы нуждаемся в нем! – сказал Оптимус Прайм Бамблби. Тот поморщился.

Далеко-далеко внизу был свет. Он был фиолетовым. Но изначально эта искра – или Искра? – была чисто белой.

Полет казался бесконечным, но это потому, что темный энергон начал искажать даже автоботское восприятие пространства и времени. Много раз они думали, что приблизились к свету, но в итоге оказывалось, что надо лететь дальше, либо в другом направлении, либо что они совсем заблудились. С трудом автоботы пробирались через темный лабиринт иллюзий, пока наконец, измученные и запутавшиеся, они не оказались перед Ядром Кибертрона. И то, что они увидели, повергло их в печаль.

Плазмо-энергетический цилиндр упал сюда вниз через длинный туннель от линзы до ядра. И здесь он укрепился, выпустив отравленные шипы, на которых и держался цилиндр внутри Ядра, мешая Ядру выбросить его или исцелиться самому. Как отломанный наконечник в ране, испорченный Плазмо-энергетический цилиндр распространял заражение по всему телу Кибертрона. Если его не удалить, Кибертрон обречен.

- Сентинел Прайм был прав – сказал Джетфайер.

- Это даже хуже, чем он описывал, - добавил Оптимус Прайм. – Мы должны...

Но не успел он закончить фразу, или предложить план, как Бамблби потерял самообладание. Он не мог больше выносить эту мерзость в ядре той планеты, которую он так любил. В абсолютном молчании Бамблби бросился на отравленные шипы, не боясь тошнотворного излучения, которое они испускали, пытаясь разломать их по очереди, чтобы убрать ядовитый Плазмо-энергетический цилиндр от Ядра подальше. Сначала он направил на шипы свои пушки на руках, но когда Оптимус Прайм и Джетфайер закричали, что он так может повредить Ядро, Бамблби убрал пушки и бросился на шипы с голыми руками. Но когда каждый из них надламывался, темный энергон сочился из мест разлома и капал на пол, где он образовывал лужи и ускользал в трещины. Ядро замерцало, потемнело, а потом восстановило мерцание до своего обычного блеска, и вся поверхность засияла, как это было до потемнения. Бамблби разбил узел из трех отравленных шипов, соединенных вместе. Он отшвырнул в сторону куски и заколотил по остатку шипов, который торчал из пола. Медленно, но верно, он уничтожал их, но темный энергон забрызгал вдоль и поперек все его шасси, и Оптимус Прайм опасался за последствия для Бамблби после этого дела.

Когда последний отравленный шип был оторван, и его обломки растоптаны и раздроблены внизу на полу, а темный энергон вытекал из обломков по каплям, три автобота приблизились к Ядру. Оптимус Прайм протянул руку и коснулся его поверхности. Он ощутил энерго-пульсацию внутри, но в то же время он мог сказать, что что-то было неправильно. Несмотря на то, что отравленные шипы удалили, к Ядру не вернулось первоначальное сияние. Они подождали, наблюдая, как последние следы налета темного энергона отползли от Ядра и с путей, которые вели от него к поверхности. Даже огромный туннель, который вел к геостационарному энергонному мосту и линзе, постепенно сам очищался от темного энергона.

Тем не менее, сияние Ядра оставалось неравномерным и слабым. Впрочем, в тех местах, которых касался Оптимус Прайм, сияние почти набирало полную силу.

- Я не знаю, что делать, - признался лидер автоботов.

Бамблби, не сводя взгляда с Ядра, развел руками. Его вокодер снова отключился. Он смотрел вокруг, как будто искал какие-то подсказки, которые могли оставить предыдущие Праймы. Но помещение, где находилось Ядро, не имело резко выраженных особенностей, оно было сплошь стального серого цвета, за исключением черноты ямок, где были вырваны отравленные шипы. Сами шипы растворились и исчезли.

- Вынь Плазмо-энергетический цилиндр, - предложил Джетфайер.

Оптимус Прайм сделал это, держа цилиндр подальше от себя, поскольку разрушительная субстанция темного энергона извивалась и выгибалась в форме побегов, которые рвались на

защитный слой его рук. Оптимус поставил Плазмо-энергетический цилиндр подальше от Ядра и обернулся к нему.

Оно было сейчас немного ярче. И начало говорить голосом, который мог слышать только Оптимус Прайм.

Глава 34

Оптимус Прайм! Ты храбро сражался, но ты пришел слишком поздно.

- Нет! – воскликнул Прайм. – Должно быть что-то, что я еще могу сделать!

Возможно, так и есть. А, возможно, нет. Однако есть еще одна вещь, которую ты можешь получить в результате своего путешествия сюда.

Необыкновенная яркость полыхнула в Ядре, а затем приняла форму. У Оптимуса Прайма возникло впечатление, что Ядро раскрылось, обнажая бесчисленное множество слоев, каждый из которых был тоньше, чем один атом, и открывая ему тайны, что хранились внутри. Форма постепенно приняла вид объекта, и этот объект медленно обретал очертания, окруженный колеблющимся сиянием больного Ядра. Он оказался сферической формы, а его поверхность была многогранной и заполненной древними символами, которые Оптимус не мог расшифровать.

Сначала ты был удостоен титула Прайма Верховным Советом, но они не имели право им распоряжаться. Альфа Трион также признал твои заслуги, но даже он, столь древний и столь уважаемый, не может определять наследование Праймов. Не тогда, когда еще был жив Сентинел Прайм. Хотя Сентинел Прайм уже давно не соответствовал роли, возложенной на него, титул принадлежал ему. И так было до тех пор, пока он не передал его тебе в полное распоряжение.

Теперь же ты должен получить еще одну вещь, которой Сентинел за все долгое время оказался недостоин.

Вот Матрица Лидерства.

Объект полностью выступил из сияния Ядра, это была драгоценность с рукояти меча Примы¹²³ и одновременно талисман каждого последующего Прайма, начиная с самой зари кибертронской истории.

Возьми Матрицу, Оптимус Прайм. Будь достоин ее и будь достоин звания Прайма.

Оптимус Прайм протянул руку, и Матрица Лидерства легла на его ладонь. Ощущения Матрицы в руке изменили что-то в нем, как будто только в этот момент Оптимус начал по-настоящему осознавать смысл своего существования, силу и могущество, которые таились внутри него, и ответственность, которую он нес перед своими собратьями-кибертронами.

Прими Матрицу Лидерства, Оптимус Прайм. Пусть она будет направлять тебя, как направляла Праймов, которые были до тебя. Пусть она будет защищать тебя, как защищала Приму, пока ему не пришло время отдать ее. Пусть она удержит тебя на правом пути и направит, когда ты будешь сомневаться. Пусть она укрепит твоё тело и дух. Пусть она будет светом внутри тебя, чтобы и ты мог стать светом для трансформеров, которых поведешь за собой.

¹²³ Матрица Лидерства располагалась на рукояти меча Примы, лидера Тринадцати и первого трансформера. Меч назывался Star Saber. Этот образ разработан в трансформерской вселенной «Aligned continuity», куда входит сериал «Transformers:Prime» и этот роман.

- Я не достоин этого... - произнес Оптимус Прайм, в точности как и тогда, в Зале Верховного Совета, много лет назад, когда его впервые удостоили этого звания, и это вызвало войну, которая сейчас – только сейчас – возможно, подходит к концу.

Ты сказал. Но это сама Матрица соответствует тебе, чтобы ты оставался достойным ее. Это суть Праймаса, живой закон всего Кибертрона и всего живущего на нем.

Оптимус Прайм почувствовал, что его тело поглощает Матрицу Лидерства, когда он поднес ее к груди. Это придало ему чувство... не непобедимости, но уверенности. Силы, но без жажды применить эту силу к другим.

Теперь ты истинный Прайм. И сейчас ты должен повести своих автоботов через самое опасное путешествие, которое не предпринимал еще ни один кибертронец.

Оптимус Прайм слушал. Он смутно улавливал, что Джетфайер обращается к нему, однако голос Ядра был гораздо важнее. Он закрылся от физического мира и внимал только Ядру.

Темный энергон исчез, отравленные шипы сломаны, Плазмо-энергетический цилиндр, который распространял инфекцию по телу Кибертрона, очищается. Вы хорошо поработали. Но Ядро, это Ядро, ужасно повреждено. Эпохи пройдут прежде, чем оно снова сможет генерировать достаточно энергона для поддержания трансформерской цивилизации. И пройдут миллиарды циклов, прежде чем горные породы – оболочка и структура Кибертрона – будут снова в состоянии поддерживать города и индустрию Кибертрона. Поражение темным энергоном было глубоким, и исцеление должно быть также глубоким.

Итак, вы должны уйти, Оптимус Прайм. Ты должен увести автоботов в космические просторы. Воспользуйтесь космическим мостом, если сможете, а если нет... Так или иначе вы должны уходить. Постройте корабль, который может вместить всех автоботов, и в путь... Ибо, если ты не покинешь планету, ты погибнешь, и все автоботское движение умрет вместе с тобой. А все, что останется от кибертронской цивилизации – это горстка десептиконов, которым хватит сил выживать в продолжение бесчисленного числа лет на руинах, пока Ядро не исцелится, и Кибертрон вновь не наполнится жизнью.

Куда бы вы ни направились, из любого места, куда последуют автоботы, потом вы должны будете вернуться, Оптимус Прайм. Вы должны будете вернуться, когда планета в назначенный час исцелит свои раны. Тогда ты принесешь обратно Матрицу Лидерства. Ты узнаешь, когда придет пора. Когда ты вернешь Матрицу назад, ты сумеешь восстановить бывшее величие Кибертрона.... Но пока это невозможно. Ядро серьезно повреждено, структура планеты тоже заражена остатками темного энергона и осквернена воздействием эссенции Юникрона.

Придет день, когда Ядро и Матрица, действуя согласованно через твою личность, Оптимус Прайм, смогут восстановить Кибертрон. И не просто восстановить – ты поведешь Кибертрон к новой эпохе невообразимых чудес. Это твое предназначение. Матрица Лидерства ожидала тебя. Береги силу внутри себя, и в один день свет осветит наш самый темный час.

Но этот день еще не настал.

Этот день в далеком будущем.

Сейчас ты должен идти.

— — — —

Обратная дорога была ясной. Геоостационарный энергонный мост уже не был темным, и его туннель простирался точно по прямой от Ядра до руин Хрустального Города. Когда Ядро замолчало, Оптимус Прайм подвел Бамблби и Джетфайера к основанию этого туннеля. Они начали карабкаться вверх в молчании и прошли примерно четверть пути до поверхности, когда Джетфайер спросил:

- Что там произошло?

- Матрица Лидерства явилась, - пояснил Оптимус. – Кибертрон даровал ее мне.

- Что ты имел в виду, когда спрашивал: «Куда нам идти?»?

Оптимус Прайм молчал.

- Что значит куда?

- Вы видели, в каком состоянии Ядро?

Бамблби и Джетфайер кивнули.

Оптимус Прайм сделал паузу, сознавая, что следующее решение, которое он озвучит, будет означать жизнь или смерть для большего числа ботов, чем он знал.

- Если Кибертрон поразила болезнь, нам следует оставить планету, пока она не исцелится. Вот что Ядро поручило мне сделать. Увести автоботов с Кибертрона до тех пор... - он замолчал. Истина была в том, что Оптимус Прайм не знал, ни как долго они должны находиться вдали от Кибертрона, ни что ждет их в космосе, ни что случится, если они сумеют прожить достаточно долго, чтобы вернуться.

- Но нам некуда идти... - возразил Джетфайер. – Неужели мы просто будем спасаться в бегстве? Улететь в космос и надеяться, что где-то там есть энергон? Это же смертный приговор.

- Это то, что приказало мне Ядро – произнес Оптимус Прайм. – Построить корабль... Проект «Первое поколение»¹²⁴.

- Чего?

Оптимус Прайм покачал головой. Он не произнес больше ни слова, пока они не завершили подъем на поверхность у Хрустального Города. Было темно, и над ними яркой точкой светилась станция «Триптикон», зависшая на месте. Ее орбита намертво сохраняла соответствие линзе геоостационарного энергонного моста, несмотря на то, что передача энергона остановилась.

Оптимус Прайм задался вопросом, сколько энергона хранилось на станции и сколько его было превращено в темный энергон? Как Мегатрон отправлял его вниз на поверхность Кибертрона для своей армии десептиконов?

¹²⁴ «Первое поколение» или «Generation One» (Г1) - это первый трансформерский мультсериал о войне трансформеров на Земле, куда автоботы попали на корабле «Ковчег».

Или он копил весь этот темный энергон для себя и своего ближайшего окружения на черный день, о котором предупреждало Ядро?

- Джетфайер, - позвал Оптимус. – Позаботишься о том, чтобы переправить нас обратно в Иакон?

Повиснув на Джейтфайеровом крыле, Оптимус Прайм смотрел вниз на разрушенный ландшафт Кибертрона. Теперь ответственность за всю планету лежала на его плечах. Отныне он должен был позаботиться о ней и вести ее вперед, наилучшим путем, который он знал. Но планета умирает. Большая ее часть уже мертва.

Никакие сикерские патрули не попытались перехватить их. Никакие наземные силы десептиконов не пытались сбить их. Казалось, будто бы Мегатрон отозвал свои войска и просто берет автоботов измором, ожидая, пока запасы энергона истощатся достаточно, чтобы противник ослаб, и тогда он сможет нанести окончательный удар. Местность под ними была опустошена. Не было ничего живого. Источник энергона, который сколько Оптимус помнил, снабжал энергией значительную часть населения в окрестностях Калис, совершенно иссяк. Окружение представляло собой следы побоища и останки мертвых.

Матрица Лидерства, подключившаяся к самым жилкам на теле Оптимуса Прайма, в само его существо, показала ему за один миг историю всех, кто держал Матрицу, вплоть до самого Прими. И он постиг в полном масштабе свою ответственность и боль, которая пришла вместе с ней. Он осознал, что Ядро озвучило ему очень сложный план, что его задача нужна для длинной дуги истории, а не просто для нескольких друзей, которые поддерживали его на сегодняшний день. К тому времени, когда автоботы достигли Иакона, Оптимус Прайм знал, что исход был единственной возможностью.

Однако не все автоботы думали точно так же. Джетфайер остался самым громогласным сторонником того, чтобы остаться и сражаться до конца.

- Если нам суждено умереть, - заявил он собравшимся автоботским отрядам в читальном зале Городского Архива, - давайте умрем на родной планете, сражаясь за нее! Неужели мы побегим в космос после того, как мы растратим неизвестно сколько времени и жизней на строительство гигантского корабля, когда можем драться! Мы же не вернемся обратно никогда! Мы умрем с осознанием того, что бежали и проиграли! Я этого не хочу!

- Пойми вот что, - вмешался Альфа Трион. – Пока планета восстанавливается, она способна поддерживать не больше, чем ту крупицу жизни, что существует сейчас. Автоботы, десептиконы, нейтралы... все умрут, если не уйдут. А для автоботов будет выбор или умереть от нехватки ресурсов, или от рук десептиконов, или поддаться темному энергону, пока он есть, и умереть, когда темный энергон иссякнет.

- Смерть, смерть, смерть, смерть... - пробормотал Джаз. – Если вы спрашиваете меня, я собираюсь пойти на смерть, которой скорее всего будет полет на космическом корабле. Так давайте построим «Ковчег».

- Джетфайер? – обратился Оптимус.

- Ну что ж, Прайм... - бывший сикер признал правоту лидера.

- Нам нужно время, чтобы завершить проект «Первое поколение». И я думаю, единственный способ этого добиться – устроить самую большую диверсию, которую когда-либо видел Кибертрон. Итак, мне нужно, чтобы вы создали перечень всех космических кораблей, которые мы сможем найти. И хватит ли на них места, чтобы перевезти каждого автобота с Кибертрона? Если нет, то как много наших мы сможем взять.

- Если ты не сможешь забрать всех, как ты собираешься решать, кому остаться, а кому лететь? – спросил Праул.

Оптимус Прайм покачал головой и посмотрел в окно в сторону кратера, который остался на месте падения Омеги Суприма.

- Не знаю. И это не важно. А важно то, чтобы Мегатрон думал слишком долго, чтобы мы могли закончить постройку «Ковчега».

- Мы все умрем за этот «Ковчег»! – произнес Праул. – Пока ты тратишь время и энергон на его постройку, Мегатрон собирает армию, которая нагрянет с востока и уничтожит Иакон!

- Это мой выбор, - объяснил Прайм. – Я сделаю это. Если вы не захотите последовать за мной, вы знаете, что есть другие варианты...

— — — — —

Позже он обратился к Альфа Триону со словами:

- Вот и началось. Но получится ли?

- Если ты не сделаешь это, все автоботы умрут, и сам Кибертрон погибнет – ответил архивариус.

- Я приложу все силы, чтобы сделать это. Проект «Первое поколение» начинается. Однако не все автоботы верят в него.

- Кибертронцы никогда не верили во что-то разом – заметил Альфа Трион. – Единодушие не характерно для нашей расы.

Архивариус выглядел истощенным. Он урезал свою порцию энергона, мотивируя это тем, что этот энергон нужнее автоботам, которым приходится сражаться.

- Альфа Трион, вы должны получать ту порцию энергона, которая вам положена, - сказал Оптимус Прайм. – Я отдам соответствующий приказ, если вы будете упорствовать.

- А если я откажусь, и ты бросишь меня в тюрьму, я буду не в состоянии делать то, что ты хочешь. У тебя ведь нет времени для разработки инженерных схем. А у меня есть.

На это нечего было возразить.

- А теперь оставь меня, чтобы я мог составить план – попросил Альфа Трион, и Оптимус Прайм ушел.

Глава 35

По всей территории, контролируемой автоботами, каждый корабль космического применения был занесен в список, проверен и переведен на импровизированную пусковую площадку, наскоро построенную на широкой равнине между Иаконом и северной частью руин «Шести лазеров над Кибертроном». Аэроботы – несколько сикеров, преданных делу автоботов – патрулировали небо над площадкой, но десептиконы не подходили близко, за исключением одного сикера, который мелькнул на горизонте на одно мгновение, прежде чем Джетфайер взлетел и бросился в бой. Затем враг снова скрылся из вида на маршруте по направлению к плато Гидракс.

- Ты знаешь, что Мегатрон не позволит этому продолжаться вечно, - сказал Альфа Трион Оптимусу Прайму, когда тот в первый раз пришел на площадку, чтобы посмотреть, как автоботы готовятся к большому маневру, который должен замаскировать их исход к звездам.

Оптимус подсчитывал корабли и вел мысленно счет автоботам, которых необходимо было эвакуировать. Ему не нравилось несоответствие между этими двумя числами. Оно было слишком большим, чтобы ввести Мегатрона в заблуждение.

- Я и так удивлен, что он позволил этому продолжаться столь долго, - сказал Оптимус Прайм.

- А если предположить, что он не позволял? – задал вопрос Альфа Трион. – Возможно, у него свои проблемы.

- У него должны быть очень серьезные проблемы, чтобы он не отправил в небо сикеров разбомбить нашу стартовую площадку. Пожалуй, стоит провести небольшую разведывательную миссию, чтобы посмотреть, какие вещи на самом деле происходят по ту сторону границы.

- Растрата жизней, - прокомментировал Альфа Трион.

Джаз, который тоже стоял рядом с Оптимусом, произнес:

- Если вам нужен кто-то на эту миссию, то я готов пойти.

- Нет, я так не думаю – возразил Прайм. – Нам нужна разведка в нижней части атмосферы. Я не удивлюсь, если Мегатрон наблюдает за нами и ждет случая убить нас всех сразу.

- Что же нам делать, если это так? – задумался Альфа Трион.

- Пробиваться с боем, - сказал Джаз. – Другого выхода нет.

В воздухе над стартовой площадкой показались еще несколько маленьких кораблей – несколько видов заправщиков и грузовой самолет, перевозящий слитки энергона.

- Нет, - заявил Оптимус Прайм. – Я не думаю, что выхода нет. По крайней мере, мы должны внушить Мегатрону мысль о таком выходе.

То, о чем он собирался просить автоботов, лежало тяжким грузом в его сознании.

- Мы готовы? – спросил Мегатрон. – Есть только один правильный ответ на этот вопрос.

Шоквейв указал ему рукой в пространство, где до недавнего времени было хранилище темного энергона. А теперь это был нервный центр. Невероятно плотный массив из волокнистого обрабатываемого материала сплетался вокруг пойманного скопления искр, которые кружили по своей невидимой тюрьме.

- Да... - произнес он.

С распределением энергона начались проблемы. Все труднее и труднее становилось соблюдать дисциплину среди рядовых десептиконов, когда распределение темного энергона происходило под контролем и явно несправедливо. Так, Мегатрон распределял запасы по боевым единицам в зависимости от того, как много он мог позволить себе потратить.

Те, кому он позволял питаться темным энергоном, становились его ударными группировками. А остальных... отправляли на металлолом, когда они ослабевали из-за нехватки поставок обычного энергона, как жалкие автоботы или те обреченные кибертронцы, которые отказались принимать чью-либо сторону.

Внезапная остановка поставки темного энергона (и, по всей видимости, разрушение геостационарного энергонного моста) удлинила срок, за который Мегатрон рассчитывал закончить войну, но принципиально ничего не изменила. У него все еще продвигался полным ходом проект «Триптикон», а библиотекарю никак не справиться с масштабной нехваткой энергона на поверхности планеты.

Однако Мегатрон хотел знать, почему мост прекратил работу. Он совсем не думал о возможности того, что кто-то из автоботов мог подобраться достаточно близко к Ядру, чтобы прервать поток передачи, невзирая на силу темного энергона на участке между краем колодца Великой Искры и внутренними уровнями, где, по слухам, располагается Ядро.

В последнее время что-то изменилось. Он даже мог сказать, многое изменилось. Автоботы забились вглубь своей территории, прекратив вылазки в спорные районы планеты за энергоном и выброшенными запчастями. Сначала Мегатрон думал, что это потому, что нехватка энергона начала сказываться на их инициативе и замыслах. Но потом он заметил широкомасштабные движения к самодельным посадочным площадкам. Тогда все стало ясно.

Автоботы отступали и пытались покинуть планету. Они поняли, что больше не могут бороться с десептиконами.

«Это хорошо,- думал Мегатрон.- На самом деле это просто прекрасно».

- Мы отправимся к космическому мосту, - принял решение Оптимус Прайм.

- Что? Но он не работает – запротестовал Джаз.

Альфа Трион вмешался в разговор прежде, чем он превратился бы в бесполезное препирательство.

- Мы не знаем, работает он или нет – сказал архивариус. – Ни в «Завете», ни в каких-либо иных записях не указано, что он действительно сломан или же вышел из строя. Он не использовался... ну, уже терациклы. Однако я старше, чем этот мост, и, тем не менее, еще функционирую!

И сам этот факт и шутка были встречены нервным смешком. Некоторые из присутствующих автоботов были поражены: бывало ли такое раньше? Видел ли кто-нибудь когда-нибудь, чтобы Альфа Трион шутил?

Никто из них не мог такого припомнить.

И как бы то ни было, веселиться имело бы смысл, если бы космический мост работал.

Джетфайер предложил использовать в качестве мобильного командного пункта и флагмана маленький, подвижный астероидный разведывательный корабль «Восьмой путь»¹²⁵.

- Прекрасно, - заметил Оптимус Прайм.

Он наблюдал за тем, как Джетфайер пытается делать вид, что похвала ничего не значит для него. «Составная часть лидерства, - подумал Оптимус Прайм, - это осознание того, как важно лидерам понимать, что каждый их поступок может быть гораздо значимее для других, чем для них самих.»

- А теперь поехали! – скомандовал он, и автоботы выехали общей группой.

Оптимус Прайм обнаружил к своему удивлению – и печали, – что Альфа Трион не собирается отправиться вместе с автоботами.

- Как вы можете не поехать? – поразился он. – Автоботы не проживут так долго без вас.

- На «Ковчеге» мало места. И, возможно, тебе нужно научиться жить без меня – сказал Альфа Трион.

- Возможно, - допустил Оптимус. – Но нет причин уходить раньше положенного срока, когда в тебе нуждаются, не так ли?

Альфа Трион протянул руку по направлению к своему кабинету.

- Я не могу оставить это. Моя работа не завершена. Она, может быть, никогда не завершится. И к тому же Ядро велело тебе вернуться после того, как планета успеет исцелиться, верно?

- Но еще оно сообщило мне, что все должны покинуть планету на этот срок.

- У меня с Ядром... - Альфа Трион обдумывал слова некоторое время, прежде чем продолжил -... существует взаимосвязь. Я не верю, что Кибертрон убьет меня после всех лет, сколько я жил на его поверхности.

- Зато Мегатрон убьет.

¹²⁵ «Eight Track» - автоботский корабль, упоминается в Г1 и в игре «War for Cybertron».

- Ему придется поискать меня. Вектор Сигма очень хорошо защищен, Оптимус. Я не думаю, что даже Мегатрон решится бросить вызов его системам защиты после того, что случилось, когда он подобрался так близко к «Телетраану-1». – Альфа Трион приблизился к Оптимусу Прайму и указал ему на двери кабинета. – Ты должен сплотить автоботов и сделать так, чтобы они выжили. Мне же нужно достроить ваш «Ковчег» и посмотреть, кого еще можно спасти, прежде чем у десептиконов закончится темный энергон, и они разгромят планету.

- Вектор Сигма сумеет защитить тебя?

Но о чем Оптимус Прайм действительно хотел спросить, так это о том, существовал ли Вектор Сигма вообще. Однако если Альфа Трион верил в него, Оптимус подумал, что и он тоже готов поверить.

- Сумеет. А теперь иди. Мне нужно подготовить «Ковчег», а тебе нужно позаботиться о флотилии.

Эвакуация Иакона и близлежащих районов потребовала гораздо меньше времени, чем Оптимус Прайм ожидал. Частично это было потому, что его подчиненные автоботы великолепно организовали эвакуацию. А частично потому, что осталось гораздо меньше автоботов, чем даже архипессимистичный Джетфайер мог предположить.

- Тут все из них? – спросил он печально. – Неужели это все? - Джетфайер повернулся к Оптимусу. – Что же, ты рискуешь, чтобы закончить «Ковчег». Это стоит того?

- Стоит – прозвучал простой ответ.

Флотилия из нескольких десятков кораблей перевозила всех автоботов. Оптимус Прайм не решался сообщить точное число Джетфайеру. Он смотрел в небо, все еще ожидая нападения в любой момент. Но не было никаких признаков угрозы, хотя данные со спутника из немногих сохранившихся точек Сети на востоке указывали, что большая армия десептиконов идет на Иакон.

Оптимус Прайм был рад, что его не будет там, чтобы увидеть, как они захватят город.

«Восьмой путь» оторвался от земли последним из флотилии. Это был маневренный корабль, и он выполнял полет даже лучше, чем можно было ожидать под твердой рукой Джетфайера. Корабли достигли границы кибертронской атмосферы без каких-либо инцидентов.

- Все заняли позицию и взяли пеленг космического моста? – Оптимус Прайм обращался ко всем кораблям на частоте флотилии. – Запомните, он почти не отличим среди обломков мостов. Не полагайтесь на зрение. Доверьтесь координатам из «DataNet» и вашим приборам.

Перемещаясь в форме вытянутого сфероидного скопления, истрепанные корабли вышли на околокибертронскую орбиту. Включились системы искусственной гравитации – на большинстве кораблей, по крайней мере. Некоторые из них не проверялись на возможность использования на орбите в течение терациклов. И хотя все они взлетели, как было положено по параметрам, вспомогательные системы на многих сбоили.

- Если ли какие-то признаки погони? Всем судам проверить, доложить о любом десептиконском контакте.

Один за другим, каждый корабль выполнил проверку. Некоторые сообщали об отдельном сикере, пролетевшем мимо, но никакого нападения не было.

- Он знает, что победил... - произнес Сайдсвайп. – Он позволил нам уйти, потому что мы удираем.

В голосе Сайдсвайпа звучало негодование.

- Мы не удираем, Сайдсвайп – объяснил Оптимус Прайм. – Мы не сможем победить, если планета вот-вот превратится в кучу шлака. Мы уходим, чтобы Кибертрон мог залечить свои раны. Этому никогда не произойти, если война будет продолжаться.

- А такое чувство, будто мы удираем – настаивал Сайдсвайп.

- Понимаю, это так выглядит. Я все понимаю, - кивнул Оптимус.

Но, думал он, если Мегатрон слишком занят своими ресурсами в космосе, у автоботов есть возможность для контрудара, чтобы очистить небо для «Ковчега». И даже если бы им не удалась эта попытка, автоботы выиграли время, чтобы закончить «Ковчег». Наступили темные времена. «Ковчег» был единственным просветом, который видел Оптимус Прайм, чтобы вывести автоботов. Однако он не мог сказать это Сайдсвайпу. Не все автоботы знали о «Ковчеге», а среди тех, кто знал, не все одобряли этот план. Особенно Джетфайер и Праул, которые считали его пустой тратой ресурсов, которые лучше было бы использовать в борьбе с десептиконами.

Впереди по курсу на приборной панели зарегистрировали космический мост. Остальные нефункционирующие мосты были подвешены вдали в виде ослабленной цепи вокруг экватора Кибертрона.

- Итак, вот как мы теперь возвращаемся к звездам... - сказал Оптимус Прайм.

- Как бы то ни было, это получилось – пожал плечами Джаз.

Эта реплика оказалась ироничной в свете того, что произошло дальше. Мегатрон не собирался так просто отпускать автоботов, и побег оказался вовсе не таким легким.

Глава 36

Со станции «Триптикон» выстрелили фиолетовым лучом. Он коснулся не-разумного транспортного корабля, и в тех местах по корпусу корабля поползли нити темного энергона. Затем повисла пауза, несколько наноциков, в течение которых свидетели с соседних кораблей успели подумать, что что-то с этим оружием не так. Затем корабль «VK991» взорвался с такой силой, что перегрузил видеоаппаратуру всех кораблей в округе, не говоря уже об оптике тех несчастных трансформеров, которым случилось увидеть это через неполяризованные окна.

- Что случилось?! – закричал Сайдсвайп.

Джетфайер бросил «Восьмой путь» в реверс, отступая назад от основной массы кораблей, летящих к космическому мосту.

- Расходитесь! – крикнул он в комлинк. – Расходитесь! Облетайте планету! Подходите к космическому мосту с другой стороны!

- Это не поможет – произнес Праул. Он показал на схему кибертронского орбитального пространства на командном терминале. – Видите? «Триптикон» имеет расчищенный сектор обстрела на любом подходе к космическому мосту.

Еще один фиолетовый луч поразил другой транспортник, который взорвался как раз, когда осколки от первого взрыва начали колотить по корпусу «Восьмого пути».

- Так я и знал, - посетовал Джетфайер. – Мегатрон ни за что не позволит нам уйти. А этот твой «Ковчег» - пустая трата времени, Оптимус. Времени, энергона и автоботских жизней. Неужели ты этого еще не осознал?

— — — — —

И затем вдруг Мегатрон появился на экране каждого подключенного к Сети компьютера на Кибертроне.

- Автоботы! – провозгласил он. – Война закончилась. Пришло время обсудить условия вашей капитуляции.

Камера отъехала, открыв огромную армию из каонцев, гладиаторских выходцев с Пустошей и промышленных ботов, обращенных в солдат. Они стояли позади Мегатрона, обнажив оружие и подняв его над головами, сохраняя абсолютную неподвижность и в полной тишине. Объединенная демонстрация силы и дисциплины производила ужасающее впечатление.

- Кажется, вы думаете, что можете просто выйти из этой войны, когда ее ход стал вам неприятен? – продолжал Мегатрон. – Боюсь, что я – и станция «Триптикон» - не можем этого допустить. Как вы собираетесь учить будущие поколения трансформеров ценности упорства, если бежите в космос при первых признаках трудностей?

Третий луч темного энергона уничтожил третий автоботский корабль. Мегатрон мелькнул в кадре, а затем снова появился.

- Сколько еще, по-вашему, кораблей «Триптикон» уничтожит, прежде чем вы выйдете за радиус действия его пушек? И где, как вы думаете, границы этого радиуса? Очень возможно, что «Триптикон» распылит на атомы все ваши корабли, прежде чем вы доберетесь до космического моста!

- Откуда он узнал, что мы направляемся к космическому мосту? – удивился Джаз.

- Может, он и не узнал, - предположил Оптимус Прайм. – Обратите внимание, как он обращается к нам. Он знает, что мы видим, что происходит. Но он не знает, где мы – он окинул взглядом оставшихся автоботов на командной палубе. – Это все Альфа Трион. Он экранирует обратную связь, но Мегатрон не хочет, чтобы мы это поняли.

- Так он не знает, что мы на этом корабле! – догадался Праул. – И он не на станции «Триптикон».

- Итак, ты, брат – Орион Мирный, называющий себя Оптимусом Праймом, ты повел своих автоботов подальше отсюда. Но кто теперь не верит в силу индивидуальности? Большинство кибертронцев предпочли путь десептиконов. Они хотят следовать моей дорогой, брат.

За спиной Мегатрона неподвижно стояла армия трансформеров, но вдруг они прокричали одно слово, мощно и в унисон:

- МЕГАТРОН!

- Можешь ли ты собрать такую армию, брат? Если можешь, встречай меня в Иаконе. Скоро я там буду. И ты тоже... Если, конечно, ты не предпочитаешь присоединиться к своим товарищам в космической могиле – на лице Мегатрона засияла злобная ухмылка, когда «Триптикон» уничтожил четвертый корабль, и этот корабль находился совсем рядом с «Восьмым путем».

- Мы не можем позволить «Триптикону» так просто перестрелять наши корабли! – сказал Праул.

Руки Джетфайера крепко сжимали штурвал.

- А альтернатива в том, чтобы позволить Мегатрону захватить нас внизу на поверхности планеты! – сказал он.

Оптимус Прайм кивнул.

- Внимание, автоботские корабли! – произнес он в комлинк на частоте канала передачи команд. Он верил в то, что Альфа Трион также позаботился о том, чтобы защитить этот канал, и внутрисетевые передачи не будут перехвачены Мегатроном. – Немедленно возвращайтесь на поверхность! Не пытайтесь, повторяю, не пытайтесь, обойти блокаду «Триптикона»! Не вступайте в бой с силами десептиконов по пути. Возвращайтесь на стартовые площадки и ждите дальнейших указаний.

Флотилия, если ее так можно было назвать, развернулась и ушла в гравитационный колодец Кибертрона, продвигаясь вниз к поверхности и в то же время избегая опасного

воздушного пространства над зоной Таган – Каон – Гидракс. Меньше, чем за сто циклов, все корабли благополучно приземлились на северной равнине между Иаконом и руинами «Шести лазеров над Кибертроном»... Кроме «Восьмого пути», который скользил вдоль пояса астероидов, углубляясь и выныривая из поля осколков, чтобы сбить с толку детекторы станции «Триптикон».

Там они оставались, пока не убедились, что Мегатрон не собирается немедленно нападать на приземлившиеся корабли или на Иакон.

- Он просто хочет, чтобы мы находились внизу, - сказал Оптимус Прайм. – Он знает, что пока мы на поверхности, он может изматывать нас.

- Единственный способ лишить его такого удовольствия – добраться до космического моста, - произнес Праул. – Вот задача номер один. Мы должны это сделать.

- Тогда почему бы нам не нанести удар по станции прямо сейчас, прежде чем они узнают о нашем появлении? – спросил Джаз.

Оптимус Прайм посмотрел на увеличенное изображение станции. Мимо станции «Триптикон» никак не пройти «Ковчегу», ради которого Оптимус с риском проводил этот колоссальный маневр. Каждый цикл, который они находились в космосе, был еще одним циклом, в течение которого Альфа Трион доводил до конца строительство «Ковчега» при огромных расходах энергона, который был крайне необходим боевым единицам.

- Здесь – сказал Оптимус Прайм, указывая на пустое пространство корпуса станции, на противоположной стороне участка с оконными конструкциями и вращающимися радарными установками.

- Слепое пятно, - пояснил он. – Или если это не так, я не вижу сенсора, который маскирует это.

И тут вдруг на командном терминале появилась личная радиопередача для Оптимуса Прайма, на частоте, которую он и Мегатрон использовали в начале своей тайной переписки давным-давно.

- Брат?

Оптимус Прайм переключил ответные сообщения в режим «только аудио».

- Странно, что ты до сих пор называешь меня так, Мегатрон. Твои поступки были отнюдь не братскими.

- Родственные отношения являются самыми трудными – сказал Мегатрон с самодовольством. – Брат, тебе известно, что ты не можешь победить. Когда я сказал, что пришло время обсудить условия, я не шутил. Вы проиграли. Все, что тебе нужно сейчас, это решить, сколько автоботов ты обречешь на смерть.

- Нет, вопрос в том, сколько автоботов скорее умрут, чем будут жить на твоём Кибертроне. Брат.

- Этим ты доказал, что все еще не понял, как много было поставлено на карту с самого начала. Дело было не в том, чего хотела любая отдельно взятая личность, библиотекарь. Дело

было в том, что заставляло простых трансформеров ощущать себя важными. Руководства Гильдии и классовой иерархии не добились этого. А я добился. Вот почему я победил. Итак, ты все еще жаждешь продолжать борьбу? Я убью всех вас, если надо. И ни на чем не успокоюсь, пока ты не отдашь мне Матрицу Лидерства!

Оптимус Прайм промолчал. Откуда Мегатрон узнал, что он получил Матрицу?

- Все, что я захочу узнать о том, что происходит на Кибертроне, я выясню – продолжил Мегатрон. – Ты удивлен этим, брат, не так ли?

Оптимус Прайм жестами приказал Джетфайеру выдвигаться из пояса астероидов к слепой зоне станции «Триптикон». Он ушел с командной палубы и переключил передачу в режим видео. Потому что для того, что он собирался сказать Мегатрону, он хотел, чтобы тот при этом увидел его лицо.

- Есть много вещей, которым я удивляюсь, брат – сказал Оптимус. – Одна из них – это то, как далеко ты зашел по сравнению с тем временем, когда мы впервые познакомились. Ты боролся с классами, а теперь ты убиваешь своих собственных солдат темным энергоном, чтобы они сражались немного жестче на короткое время. Они – твои гладиаторы, Мегатрон. И где-то среди них есть тот, который видел, как ты однажды выступал перед Верховным Советом.

Знакомое выражение презрение сменилось мгновенным замешательством на лице Мегатрона, но он взял себя в руки.

- Тот десептикон, который видел, как я однажды выступал перед Верховным Советом? – перепросил Мегатрон. – Он уже мертв, хотя он пока этого не знает...

- Ну а ты, возможно, проиграешь эту долгую войну, ведь ты ослеплен победами в первых битвах – произнес Оптимус Прайм и отключил связь.

Он постоял мгновение в небольшой нише между палубой, воздушным шлюзом и грузовым отсеком, восстанавливая контроль над своими эмоциями. Затем он вышел на палубу и посмотрел вперед на курс «Восьмого пути», пустое пространство на станции «Триптикон» постоянно увеличивалось, чтобы заполнить переднее поле обзора.

- Мы готовы, - сообщил Сайдсвайп. – Готовы действовать!

Глава 37

Намагниченные кабели выстрелились и привязали «Восьмой путь» к станции «Триптикон». Как только прочность привязи была проверена, Джетфайер подвел корабль и пристыковался к входной трубе внешней шлюзовой камеры¹²⁶. Каждый автобот ждал в напряжении от гироразлома, пока входная труба разгерметизировалась. Если бы они сделали бы это слишком быстро, это вызвало бы шум, который бы отозвался на другой стороне корпуса. Если бы слишком медленно – они рисковали тем, что кто-нибудь на станции заметил бы, что центр тяжести и, возможно, момент импульса вращения станции незначительно изменился.

Ни одна из этих вещей не произошла. Джетфайер сломал внутреннюю герметичную стыковку и встал в стороне.

- Пока никакого движения на этой посудине, - сказал он. – Вы можете просверлить отверстие прямо здесь, без потери атмосферы на станции.

- Похоже, что станция выдержит потерю атмосферы, - заметил Джаз.

Айронхайд согласился.

- Может, после того, как мы уничтожим ресивер на палубе, мы взорвем здесь все? Что ты думаешь, Оптимус?

- Я не против – сказал Оптимус.

Джетфайер закончил прорезать отверстие на внешнем корпусе «Триптикона».

- Айронхайд, мы с тобой пойдем первыми, - скомандовал Оптимус Прайм.

Джетфайер выбил ногой проход, и Оптимус Прайм с Айронхайдом сбоку от него пошли вперед с оружием наизготовку. Они оказались на противоположной стороне, в круглом коридоре, который плавно изгибался, покуда хватало глаз. Остальные члены отряда – Джаз, Бамблби, Праул и Сайдсвайп, прошли внутрь, также готовые ко всему. Но они не столкнулись с немедленным сопротивлением.

Перемещаясь с легкостью и организованностью, которая приходит с многолетним опытом сражений плечом к плечу, автоботы зачистили ряд складов и небольших лабораторий. Продолжая движение, они обнаружили переход, который соединял концентрические круги проходов к хранилищам энергона – теперь затемненного – с оборудованием поддержки систем вооружения в центре станции.

Вдруг неподалеку от оружейной вспомогательной зоны из стены коридора отделились два дрона и открыли огонь на поражение по всей длине зала. Автоботы нырнули в укрытия за дверные проемы и выступающие перегородки, как только мехи атаковали. Эти дроны, в сущности, представляли собой орудийные батареи на ножках с полумозгом механизмом целенаведения. Град выстрелов энергопушек заставил всех автоботов пригнуться и помешал сразу заметить, что еще при первых залпах в Праула угодила серия жестоких выстрелов. Теперь он лежал, теряя

¹²⁶ Входная труба служит для соединения шлюзов двух космических объектов.

сознание, в дверном проеме, который открылся во внутреннее помещение, откуда проглядывался технический туннель.

- Живее внутрь! – закричали ему Сайдсвайп и Оптимус Прайм, перебивая звук, с которым энергоснаряды взрывались, ударяясь о стены и дверь.

Праул попытался заползти в указанное укрытие. Под его ногами растеклась жидкость.

Как только мех начал приближаться, Бамблби выбрался из вентиляционной ниши, оказавшейся поблизости от одного из дронов. Он сблизил дула обоих пушек, в которые трансформировались его руки, направив их на процессорные коробки дрона, и выстрелил. Во вспышке света и скрученной сетке электрического разряда мех упал, последний залп огня, как эхо, отозвался из 8-ми цилиндров его батареи.

Второй мех развернулся и пошел на Бамблби, но тот сделал обманное движение влево, а сам откатился вправо, провожаемый серией выстрелов выжившего меха. Оптимус Прайм заставил врага пошатнуться, выстрелив из ионной пушки, а Сайдсвайп подскочил к нему, приблизившись на достаточное расстояние, чтобы покончить с мехом серией ударов по той же самой процессорной установке, которую Бамблби выбрал мишенью на первом дроне.

В наступившей тишине отряд автоботов рассматривал коридор вдоль и поперек сквозь прозрачную пласталь, которая отделяла помещение от оружейной.

- Это были не десептикины, - произнес Айронхайд.

Бамблби склонился над Праулом, оказывая медицинскую помощь в полевых условиях, чему он научился от Рэтчета в нескольких сражениях, когда они воевали вместе.

- Нет, - подтвердил Оптимус Прайм.

Пока они наблюдали, обломки мехов начали разбираться и впитываться в структуру коридора. Через несколько нанокликов от них и следа не осталось.

- Станция «Триптикон» живая! – промолвил Джаз, озираясь по сторонам с изумлением.

- Шоквейв. – произнес Оптимус Прайм с неприкрытым отвращением. – Его рук дело.

После этого мехи посыпались один за другим, внутренние коридоры станции превратились в стрельбище. Отряд Оптимуса Прайма вместе с Праулом, хромавшим и подрастерявшим боевой дух, едва держался. Это был сущий кошмар для отряда, привыкшего к открытым поединкам с десептиконами. Бороться с противником, который может трансформироваться – это одно дело. Сражаться же с врагом, который может появиться из любого участка любой стены и при этом всегда знает, где вы находитесь, - совершенно другое.

- Нам не справиться с этим, пока мы не... - Джаз начал фразу, когда они были зажаты в тесной лаборатории со спектрографическим оборудованием морфинга в лазерных приспособлениях вокруг них.

Они отбили последнюю атаку в огненном росчерке ионных разрядов и лазерных вспышек... Во время краткой передышки, которую они получили перед очередной атакой «Триптикона», Оптимус Прайм закончил фразу Джаза:

-...пока мы не нанесем удар по месту, где эта штука живет.

Автоботы начертили схему, где они побывали, и наложили ее на исторический план станции, а также сравнили его в свою очередь с той структурой, которую они наблюдали, когда приблизились к «Триптикону» на «Восьмом пути».

Единственным местом, где мог располагаться достаточно изощренный, поддерживаемый искрой разум, способный контролировать все действия структуры размером со станцию «Триптикон», был грушевидный выступ, которого не было в исходном чертеже. Он торчал из внешней части корпуса «Триптикона» неподалеку от того места, где «Восьмой путь» прикрепился к входной трубе.

- Сдается мне, мы прошли весь этот путь только для того, чтобы вернуться туда, откуда пришли – ухмыльнулся Айронхайд.

- Давайте разберемся с этим! – призвал Сайдсвайп. – Чем дольше ждем, тем больше предоставляем «Триптикону» возможностей.

Оптимус задержал их на наноклик.

- Здесь нельзя зевать. Держимся вместе, Праул в середине группы. Движемся в его темпе, уничтожаем все, что попадется по пути. Когда мы попадем в эту лабораторию, никому ни говорить о том, что мы ищем. Итак, вот правила боя: что бы ни обнаружилось в лаборатории, застрелить это. Ясно?

- Ясно, - подтвердил Джаз.

- Не замедляйте ход ради меня, - попросил Праул.

- Тогда, чур, не отставать! – приободрил Джаз.

Автоботы выстроились в боевой порядок и пошли, продвигаясь по коридору, который обхватывал станцию вкруговую, будучи как бы экватором вокруг планетарного тела. Внутри этого коридора располагался ряд машинных отделений и жилых помещений. Снаружи находились небольшие лаборатории, воздушные шлюзы и герметичные транспортные каналы, по которым на поверхность Кибертрона опускали контейнеры с товарами длительного использования, которые могли сохраниться при ударе. Когда-то «Триптикон» был небольшим высокоточным заводом по производству комплексов сложных сплавов.

Теперь эти умения были перенаправлены новым интеллектом на создание смертоносных полумозговых оборонительных систем.

Во внутреннем помещении стены стали извергать выдавливаемые формы миниконов, каждый был вооружен крошечными виброклинками, которыми они могли повредить ноги бота, чтобы опрокинуть его на пол, где на него накинута бы орда миниконов. Но работая слаженно, отряд Оптимуса Прайма сумел справиться с большинством из них прежде, чем оказались в окружении. Тут последовали короткие и жестокие схватки. Убить миниконов было легко, но каждый автобот выходил израненным после такого сражения. Айронхайду и Джазу досталось больше всех, их ноги были сильно изрезаны, и раны там и сям усеивали руки.

- Покончим с этим, Оптимус Прайм, - сказал Айронхайд.

Впереди находился дверной проем, который, как они считали, был местом расположения интеллекта «Триптикона». На двери была табличка: «Хранилище темного энергона».

Бамблби вошел первым. И сразу же его осветили лазеры и ионные разряды, низкочастотные, чтобы нанести урон микросхемам и системам, не создавая угрозы повредить корпус станции «Триптикон». Айронхайд и Джаз проникли следом вместе с Оптимусом Праймом, державшимся рядом. Сайдсвайп пролез в дверь сразу после них.

Помещение лаборатории было темным и наполненным, по всей видимости, значительной частью оставшегося темного энергона, который поднимали с поверхности через геостационарный энергонный мост. В центре синаптического¹²⁷ массива, потрескивающего от энергетических разрядов всех диапазонов от инфракрасного до ультрафиолета, была установлена на магнитных держателях сфера, внутри которой не одна, но несколько искр упорядоченно двигались. Смотреть на это было примерно то же самое, что наблюдать за внутренними процессами в атоме. Искры перемещались в симфоническом искусстве танца. Вроде бы ничего особенного, но в то же время это зрелище в некотором смысле было чем-то восхитительным, чем-то таким, внушающим мысли о том, что вам довелось прикоснуться к тайне, которую немногим разумным существам посчастливилось лицезреть.

- Стреляйте – приказал Оптимус Прайм.

Лаборатория взорвалась вокруг них.

Они возвращались обратно через входную трубу («Теперь уж, выходную трубу» - пошутил Джаз по дороге), когда вдруг станция «Триптикон», чья масса в сотни раз превышала «Восьмой путь», запустила аварийные двигатели, согласно выбранному протоколу, установленному за миллиарды циклов до того, как Шоквейв воссоздал станцию, снабдив ее интеллектом из захваченных искр. Все автоботы, которые забрались обратно в «Восьмой путь» и призывали Джетфайера отцепляться от входной трубы, стали тогда свидетелями зрелища, не похожего ни на что, что им доводилось видеть. Ближайшим был Оптимус Прайм, который ощущал, что вид распадающегося массива искр в бывшем хранилище темного энергона был сродни видениям, которые он наблюдал на последнем этапе своего похода, который он предпринял, чтобы найти Ядро и очистить его от заразы темного энергона. Джетфайер мог бы согласиться с Оптимусом, но он не видел, что происходило внутри лаборатории. Бамблби тоже мог бы выразить согласие, если бы мог говорить. Но положение дел сложилось так, что Оптимус Прайм оказался единственным, кто мог рассуждать о том, как выглядели недра Кибертрона в агонии, подпитываемой темным энергоном.

Внутри лаборатории массив искр взорвался, и казалось, вспыхнул каждый слой синаптического массива. Сами искры оставались в виде своей плотной формации. Их орбиты, как электронные оболочки, окружали тайну сознания. И их внезапное освобождение вызвало ударную волну через всю станцию «Триптикон». Мехи формировались и исчезали. Целые секции станции начали самопроизвольно менять конфигурацию, выпуская атмосферу или изменяя

¹²⁷ Синапс - место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой. Служит для передачи нервного импульса между двумя клетками. То есть автоботы увидели как бы массив нервных клеток.

химический состав так, что там, где был вакуум, отдельные помещения наполнялись атмосферой из чистого ксенона, хлора или кислорода.

Отряд Оптимуса Прайма успел заметить только малую часть происходящего, поскольку они бежали что есть силы в направлении «Восьмого пути». Но Джетфайер видел все, потому что он подключил сенсоры «Восьмого пути» к основной сети системы наблюдения на борту станции «Триптикон». Таким образом, безумие станции и судорожные выходы были успешно записаны, чтобы в дальнейшем весь отряд мог увидеть это... Когда станция упала в атмосферу Кибертрона, автоботы обнаружили себя привязанными силой кинетического импульса, которая блокировала выход из трубы.

- Меня не волнует, что ты сделаешь, чтобы выбраться! – орал Джетфайер снова и снова. – Просто сделай это!

- Не выходит! – отвечал Айронхайд.

Самый сильный из них физически, он изо всех сил тянул рычаг на трубе и попробовал также воздействовать на вторичный механизм. Но даже сила Айронхайда не могла преодолеть законы физики, и проблема еще больше усугубилась, когда они вошли в атмосферу. Весь корабль начал дрожать, потому что начала дрожать станция «Триптикон». Трение об атмосферу породило турбулентность, а из-за турбулентности начали откалываться куски от корпуса станции.

Входная труба была сделана из необыкновенно прочных материалов. Казалось, ее невозможно, разломать... Или, возможно, она разломается при ударе о поверхность Кибертрона, которая приближалась с головокружительной скоростью.

- Да или нет: мы сможем выбраться из этой горы хлама прежде чем, она разобьется? – спросил Джаз у Джетфайера.

Станция «Триптикон» начала падать быстрее, и Джаз так и не узнал ответ...

Глава 38

Станция «Триптикон» рухнула на землю, на краю Мифрилового моря¹²⁸, вызвав заметную ударную волну, которая распространилась по поверхности Кибертрона, как землетрясение. Руины Хрустального Города разлетелись на еще более мелкие куски. Титановая магистраль¹²⁹ вздыбилась и скрючилась, словно горки паркового аттракциона. Обвалы случились на вздымающихся пиках Марганцевых гор, и сотрясения ощущались вплоть до Иакона, а в противоположном направлении – до Станикса и Каона. Заметный огненный шар успел подняться в пламени до границы кибертронской атмосферы. И прежде чем он рассеялся, слой дыма покрыл северное полушарие планеты, сделав его недоступным для наблюдения с орбиты.

Наблюдатели на поверхности планеты сначала решили, что Оптимус Прайм и оставшиеся члены экипажа «Восьмого пути» погибли вместе с «Триптиконом». Затем выяснилось, что один обломок внушительного размера, оторвавшийся от станции перед самым ударом, когда давление при прохождении атмосферы было на наивысшем уровне, был не просто обломком. Он двигался против гравитации. Как это возможно? Собравшиеся автоботы едва могли в это поверить.

«Восьмой путь» двигался в сторону от шлейфа падающих обломков, появившихся во время долгого падения станции «Триптикон» в атмосфере. Когда корабль, наконец, совершил приземление на окраину площадки для запуска, представитель отчаявшихся и не знающих, что думать, трансформеров из Городского Архива уже встречал там.

- Поверить не могу, вы сделали это! – кричал он снова и снова.

- Конечно, сделали, - подтвердил Джаз. – Правда, мне самому в это не верится. Джетфайер, ты так и не ответил на мой вопрос!

- А ты посмотри вокруг! – отозвался Джетфайер.

Оптимус Прайм почувствовал поверхность Кибертрона под ногами. Это был дом, он навсегда останется домом... Но если он и другие автоботы останутся, они умрут. Что ему оставалось делать?

- А он готов! – прокричал Сайдсвайп. – Альфа Трион говорит, что «Ковчег» готов стартовать.

Нервная дрожь от близкой перспективы прошла по телу Оптимуса Прайма. Настала пора рассказать всем план Ядра, который Оптимус Прайм подготовил такой ужасной ценой.

- Точно? – перепросил Прайм.

- Альфа Трион сам подтвердил это. У него есть изображения. – Сайдсвайп показал Оптимусу Прайму силуэт гигантского корабля размером с город, в стенах Колодца Великой Искры. Скомпилированный из огромного машинного оборудования, которое хранило Великую Искру до того, как Оптимус Прайм запустил ее в космос, «Ковчег» едва помещался внутри стен Колодца, где

¹²⁸ Mithric Sea – еще одно море на Кибертроне. Название связано с «мифрилом» - вымышленным благородным металлом, впервые упомянутом в произведениях Дж. Толкина.

¹²⁹ Titanium Turnpike – крупная магистраль на Кибертроне, известная большим количеством пробок, аварий и дорожных застав, на которых собирают плату за проезд в агрессивной форме. Эта магистраль проходит мимо Полигекса.

сикерские патрули и спутники слежения не могли признать его за корабль, которым он был на самом деле. Практически каждый дрон под контролем автоботов прилетал в определенное время на «Ковчег» маршрутами с орбиты. А материалы брали из обломков, оставшихся на месте активации Омеги Суприма.

Это был один из таких моментов – тех частых моментов, – когда Оптимус Прайм отдал бы долгие циклы своей жизни за мгновения, чтобы просто подумать. Но жизни других ботов зависели от того, насколько хорошее он примет решение и насколько быстро. И в большинстве случаев у него не было времени раздумывать. Оптимус Прайм активировал передачу на частоте автоботов. Он рассчитывал, что Альфа Трион защитит трансмиссию от Мегатрона хотя бы на несколько циклов. Каждое мгновение было на счету.

- Если кто-нибудь движется в космосе, кто угодно на нашем пути, - объявил он. – Остановите его. Никто не должен приближаться к космическому мосту. Если он только сработает один раз, мы должны быть уверены, что пройдем через него. Пора уходить! – скомандовал Оптимус Прайм.

Он расширил радиус вещания на автоботской частоте, которая была у него, и обратился с призывом на всю планету:

- Вперед, автоботы! Все, кто еще не на борту корабля, отправляемся на «Ковчег»! Координаты у вас, автоботы. Времени не так много. Поторопитесь!

Он прервал связь и побежал настраивать «Восьмой путь» на короткий суборбитальный прыжок до Колодца. Корабль взлетел, прихватив помимо основного экипажа несколько дополнительных пассажиров из Городского Архива и иаконского гражданского ополчения, которые высадились с кораблей первой флотилии. Они как раз достигли крейсерской скорости, когда Джетфайер, сидящий за штурвалом, вскрикнул:

- О нет!

- Что такое? – Оптимус Прайм поднял глаза.

- Посмотри, - Джетфайер указал на экран на панели в кабине корабля, на которой с орбитальной камеры просматривалось место крушения «Триптикона».

Станция «Триптикон», трансформировавшись в двуногую форму, которая оказалась больше, чем любой ходячий бот, которого Оптимусу Прайму доводилось видеть, снова восстала. Она в 5 раз превышала по размеру Девастатора, ее колоссальные очертания вырисовывались подобно шагающему городу над разрушенным ландшафтом вокруг места удара. Фиолетовое сияние темного энергона исходило от оптики и комплексов вооружения, которые развернулись из плеч и рук этого бота. Еще раньше, чем трансформация завершилась, двуногий Триптикон уже начал движение от берега Мифрилового моря к зияющей пропасти Колодца.

Мегатрон был слишком далеко, чтобы перехватить их раньше, чем они достигнут «Ковчега». А Триптикон – нет.

- Как мы собираемся драться с этим? – задал вопрос Праул.

- Я пойду, - вызвался Джетфайер. – Мы со Спрингером¹³⁰, - он указал на способного трансформироваться в воздушную технику бойца из отряда Ультра Магнуса – можем, по крайней мере, замедлить его, чтобы остальные могли уйти.

- Это благородное предложение, - высказался Оптимус Прайм. – Но я думаю, должен быть другой путь.

- Я знаю, что надо делать, - раздался еще один голос. Еще не успев обернуться, Оптимус Прайм понял, что это был Ультра Магнус.

- Некоторые из автоботов должны остаться – произнес Ультра Магнус. – Если все покинут планету, как тогда мы узнаем, когда пора вернуться?

Оптимусу Прайму нечего было сказать на это.

- Я о таком просить не могу – наконец произнес он.

- Просьбы с твоей стороны не было – ответил Ультра Магнус. – Я предложил. И мои боты со мной. Что бы враги ни строили – мы это разрушим.

Ультра Магнус указал на отряд, собравшийся вокруг него.

- Познакомься с рэкерами, Оптимус Прайм. Мы будем сражаться за вас до вашего возвращения.

Рэтчет появился на середине клятвы Ультра Магнуса.

- И Омега Суприм будет сражаться вместе с вами, рэкеры.

- Страж жив? – Ультра Магнус сначала казался изумленным, но затем на лице его отразилось такое выражение радости, которое не сулило десептиконам ничего хорошего. – Тогда нам будет гораздо легче сражаться.

- Хорошая работа, Рэтчет. - Оптимус Прайм удовлетворенно кивнул. – Ты творишь чудеса с теми ресурсами, которыми мы обладаем.

- В состязании между ресурсами и изобретательностью никогда не стоит недооценивать изобретательность, - скромно заметил медик.

Планирование заключительного действия пошло быстрее. Если они не могли рассчитывать на бездействие Мегатрона, силы автоботов должны были быстро вступить с ним в бой, отвлечь его и затем вывести «Ковчег» на орбиту до того, как Мегатрон мобилизует свои войска в космосе, чтобы атаковать их. Джетфайер обратил внимание на то, что «Ковчег» настолько велик, что неизвестно, есть ли в арсенале десептиконов или автоботов оружие, способное уничтожить его. Оптимус Прайм не признавал эту идею, но потом он понял, что причина, почему он ее отвергает, в том, что автоботы впервые получили превосходство в плане вооружения, на которое десептиконам нечем ответить.

¹³⁰ Springer («прыгун») в Г1 звался Спрингером. В комиксах он принадлежал к отряду рэкеров.

Возможно ли это?

- Посмотри на себя, О.П. – говорил ему Джаз. – На этот раз у нас есть преимущество, а ты собираешься отказаться от него, потому что боишься, что оно не настоящее?

- Я так не думаю, - возразил Оптимус Прайм. – Посадим всех до единого в «Ковчег». Сейчас же! Каждый в трансформе, кто приспособлен к переезду. Мы пройдем под поверхностью, как сможем, но в какой-то момент нам надо будет выйти на поверхность. Это означает, что нам придется сразиться с Триптиконом...

- Мы и собираемся, - напомнил Ультра Магнус.

Оптимус покачал головой, он пересматривал одобренное раньше предложение Ультра Магнуса.

- Вы одни не справитесь.

Ультра Магнус встал, и его бойцы-рэкеры поднялись вместе с ним.

- Конечно, справимся, - заявил он. – При всем уважении, Оптимус Прайм, здесь нет другого автобота, который может сражаться, как я, и нет другого автоботского отряда, подобного рэкерам. Ты высадишь нас и скажешь, когда начинать, а мы уж позаботимся о том, чтобы этот Триптикон и близко не подошел, пока вы загружаете «Ковчег». Обещаю!

Оптимус Прайм положил обе руки на плечи Ультра Магнуса.

- Мы не заслуживаем, чтобы вы так храбро рисковали собой.

- Мое дело – предложить, - отозвался Ультра Магнус. – И я делаю это предложение Кибертрону и всем автоботам.

- Я тоже пойду, - вызвался Джетфайер. Он отошел от Оптимуса Прайма и встал рядом с Ультра Магнусом. Игнорируя протесты Праула и Айронхайда, он продолжил. – Рэкерам пригодится сикер. Кто-то должен приглядывать за происходящим, пока вас не будет на планете. Не беспокойтесь! Мы будем здесь, пока вы не вернетесь. Ультра Магнус, я собираюсь разведать, что там с Триптиконом. Вернусь через несколько циклов.

Он трансформировался и без лишних слов взмыл в воздух над Колодцем.

- Ну что же, - Ультра Магнус обратился к Оптимусу Прайму. – Вы за ним не пойдете?

Оптимус Прайм покачал головой.

- Нет. Мы сражаемся за самоопределение. И Джетфайер сделал смелый выбор. Думаю, мы должны уважать это решение, которое позволит забрать так много автоботов в безопасное место к звездам, сколько мы сможем.

Они отступили друг от друга.

- Я подам вам сигнал, - сказал Оптимус Прайм.

Ультра Магнус в сопровождении своих рэкеров покинул Городской Архив. Оптимус Прайм задавался вопросом, увидит ли он их вновь.

- Разве мы не обсуждали это раньше? – спросил Альфа Трион. Он не пытался скрыть раздражения.

- Альфа Трион, я прошу вас. Пойдемте с нами. Ваша мудрость пригодиться нам во время нашего путешествия. Вы же помните, как кибертронцы совершали полеты по вселенной в древние времена? Никого из нас при этом не было. – Оптимус Прайм стоял на пороге кабинета Альфа Триона.

Как всегда книга лежала раскрытой на его столе, а рядом лежало Перо Альфа Триона. Временами на Оптимуса Прайма находило ощущение, что каждое движение, которое он делает, было вписано в книгу Альфа Триона.

- Сколько ты еще намереваешься стоять тут надо мной, Оптимус Прайм? – спросил Альфа Трион. – Если ты собираешься вести автоботов, то должен, наконец, понять, что истинный лидер – это тот, кто осознает, что решения, которые он принимают, принадлежат ему, ему одному.

Оптимус Прайм промолчал. Ему было отчасти стыдно, но еще отчасти он был зол.

- Иди, Оптимус Прайм, – велел Альфа Трион. – И не забудь «Телетраан-1». Я уже послал его в «Ковчег». Вектор Сигма будет защищать меня, пока Кибертрон самовосстанавливается. Это всегда было моим планом. Я же займусь восстановлением тех частей «DataNet», которые были уничтожены. И я выживу. Большого ни одному трансформеру в наступающие времена не требуется.

Оптимус Прайм был в отчаянии. Как он мог оставить своего советника, наставника, самого доверенного наперсника Альфа Триона?

- Что бы ты ни предложил, Оптимус Прайм, знай, что я откажусь – произнес архивариус. – Я заявил о своих намерениях. Отнесись с уважением к тем, кто тебя старше.

- Я так и сделаю, – сказал Оптимус Прайм, хотя ему было больно это говорить.

А потом до него дошло – то ли это была просто интуиция, то ли сокровенные знания, дарованные Матрицей, Оптимус Прайм не понял. Но он вдруг с уверенностью осознал, что стоит перед одним из Тринадцати первых трансформеров, от которых произошла вся их раса. И Оптимус Прайм оставлял его позади. Он ушел, скорбя о его утрате, но теперь он был уверен, что Альфа Трион знал, что делает.

— — — — —

Затем, когда стали поступать отчеты, сообщающие, что десептиконские армии наступают с востока и через полюс на север, настала пора вести автоботов в «Ковчег».

Оптимус Прайм прибыл к южному участку Колодца в компании своих приближенных автоботов: Джаза, Бамблби, Праула и Айронхайда. Их присутствие в этом месте заставило его подумать о других: как много десятков, сотен трансформеров, чьи имена были ему знакомы,

теперь были мертвы. А как много других не попадут на «Ковчег», не присоединятся к потоку автоботов, спускающихся сейчас вниз по стене каньона к открытым дверям «Ковчега»?

Много. Слишком много. Но это было единственное решение, которое лидер мог принять.

Оптимус Прайм обернулся к Сайдсвайпу, который ждал в состоянии готовности у главного прохода к сектору трапа «Ковчега».

- Сайдсвайп! Нам потребуется пилот.

Как только каждый автобот из толпы, чьи очертания терялись в пределах видимости, был взят на борт, внешние створки «Ковчега» закрылись, и Оптимус Прайм дал приказ стартовать. Он думал о прощании с Альфа Трионом, который прямо сейчас мог спастись через подземные ходы под Иаконом от вторжения армии десептиконов. И он думал о прощании с теми бесстрашными рэкерами – включая еще Джетфайера – которые сдерживали хищническую неумолимую силу Триптикона огромной ценой для себя...

«Ковчег» поднялся из стены Колодца, разрушив входную шахту, по которой спускался Оптимус Прайм к своей судьбе – к принятию Матрицы Лидерства. Стена каньона Колодца обрушилась в его глубины, завалив рану, которая осталась, когда сама Великая Искра покинула Кибертрон эпохами раньше, на ранней стадии войны, когда Оптимус Прайм только принял на себя лидерство. «Ковчег» поднялся еще выше, и Оптимус Прайм смог увидеть изгибы поверхности Кибертрона, форму его израненного мира, который был единственным домом, какой он знал.

И пока «Ковчег» поднимался от земли, армия десептиконов хлынула с востока и приступила к окончательному разграблению и расхищению великого города Иакона. В небе над ними пролетели над городом сикеры. Их смертоносные ракеты обрушились на сотни оборонительных батарей ПВО, которые окружили город. Окончательное уничтожение всего того, что напоминало Мегатрону о ярме классовой системы, которую он так ненавидел, шло полным ходом.

Но, тем не менее, сам Мегатрон летел в небеса, целенаправленно преследуя «Ковчег». Его корабль был реконфигурированной формой Триптикона. С ним были Старскрим, Лагнат, Саундвейв, – элита десептиконов. В то время когда десептиконские армии захватывали Иакон, Мегатрон активировал третью форму Триптикона – огромный линкор класса «Немезис»¹³¹, способный нести армию и не знающий себе противника в воздухе. Множественность форм Триптикона была величайшим триумфом науки Шоквейва. Но Шоквейв, пока Мегатрон и Старскрим шли по пятам автоботов, сейчас имел виды на Кибертрон, который неожиданно – а на его сумасшедший взгляд, чудесенько – оказался полностью в его распоряжении.

Кибертрон никогда не будет прежним.

¹³¹ Nemesis – заклятый враг, преследователь. «Немезисом» называется корабль Мегатрона в ряде трансформерских произведений. Например, в сериале «Transformers: Prime». Многие фанаты ошибочно называют его «Немезида».

Глава 39

Триптикон поднялся с поверхности, заканчивая трансформацию в «Немезис», по ходу освобождаясь от кибертронской гравитации, и вышел за пределы атмосферы планеты. На нем находились Мегатрон, Саундвейв, Старскрим и их приближенные. Мегатрон вызвал Шоквейва, которому приказал следить за последним ударом по Иакону. Теперь, когда он понял настоящий замысел Оптимуса Прайма – как это могло от него ускользнуть? – ему надо было изменить приказ Шоквейву.

- Шоквейв, я оставляю Кибертрон на тебя до моего возвращения. А я вернусь, можешь не сомневаться. Не думай об этом как о продвижении по службе. Вернее, мне нужно, чтобы кто-то грел мое место, пока я уйду и позабочусь об автоботах раз и навсегда. Я могу рассчитывать на тебя?

- Вы найдете Кибертрон в точности таким, как вы его оставили, - пообещал Шоквейв.

- Надеюсь, что нет – высказался Мегатрон. – Что ты собираешься делать все это время? Ты же должен заняться восстановлением. Хватать выживших автоботов. Не убивай больше ботов, чем нужно. На оставшихся ты можешь проводить свои научные эксперименты. Посмотри, как трансформер может быть усовершенствован, это позволит тебе изучить составление новых форм. Затем пусти их в дело. Пусть поработают и узнают, каково быть одним из низших классов, и они поймут, что дело автоботов было обречено. По возвращению я хочу найти Кибертрон, на котором не осталось ни единого автобота, Шоквейв. Это твоя задача. Не подведи меня.

— — — —

На борту «Ковчега», при прохождении через эфемерную и постоянно меняющуюся границу между атмосферой и космосом, снова ожила старая личная радиочастота Оптимуса Прайма – когда-то Ориона Мирного.

- Так вам удалось сбить станцию «Триптикон» даже после нововведения Шоквейва, - прозвучал голос Мегатрона. – Поздравляю, брат.

- Опять ты называешь меня братом, Мегатрон? – Оптимус Прайм обнаружил, что чем дальше он удаляется от планеты, тем меньше он хочет сохранить старые связи, которые он оставил на Кибертроне.

- Мы всегда будем братьями. Мы связаны воедино – заявил Мегатрон. – И тебе не убежать от меня, брат. Я буду преследовать тебя через звезды, если понадобится, я готов каждую звезду в этой галактике сжечь дотла! Я буду гоняться за тобой и найду тебя. А когда найду... - он поднял кулак в кадр. – Тогда, как я и обещал, я посмотрю, что Ядро заключило в тело так называемого Прайма.

- Что ж, тогда преследуй меня, брат. Если твое преследование означает, что Кибертрон избежит твоего безумия. – Оптимус Прайм смотрел в космос, за пределы пояса астероидов и двух

лунных баз. Там находилась цепь космических мостов. Некоторые из них немногим отличались от скопления мусора – остатки древних аварий или диверсий. У других по-прежнему наблюдались врата. И был один, на который указал Альфа Трион, в котором еще слабо светила жилка энергона.

Рядом с изображением этого моста наружный сенсорный массив вдруг открыл очертания «Немезиса», который появился стремительно. «Мегатрон, - мысленно обратился Оптимус. – Ты предал свои же идеалы. Теперь, когда Кибертрон может быть твоим: чахнувший Кибертрон, в постоянных потрясениях, гибельный для всего живого на его поверхности – но все-таки твой – ты бросаешь его ради преследования из чувства вражды».

- Быстрее, - приказал Оптимус Прайм, и «Ковчег» послушался.

Двигатели загудели, запуская ускорение. Корабль Мегатрона все еще рос на глазах, но более медленно.

Оптимус Прайм бросил взгляд на своего пилота.

- Сайдсвайп, этот корабль перехватит нас прежде, чем мы подойдем к космическому мосту?

После короткого расчета Сайдсвайп дал такой ответ, какой до крайности усугублял сложность ситуации:

- Пока сложно делать выводы... - бросил Сайдсвайп.

- Быстрее! – снова приказал Оптимус и снова услышал шум запущенных гипердвигателей, и снова он надеялся, что этого будет достаточно.

Это было или не было? Много времени пройдет прежде, чем Оптимус Прайм поймет. Свои знания Оптимус Прайм располагал на наблюдениях, которые – после того, как нашел время подумать и свериться с записями «Ковчега» и разобраться в некоторых запутанных показаниях различных сенсоров – сводились к следующему:

Космический мост, не работающий в течение большего числа циклов, чем кто-либо мог сосчитать, - сработал одно мгновение. Его сияние охватило «Ковчег». Внутри же, стоя на мостике огромного корабля, Оптимус Прайм думал, что все было потеряно.

И тут, в тот момент, когда «Немезис» вступил в контакт с космическим мостом, прежде чем тот полностью обработал «Ковчег», мост рухнул и распался в единицу времени, насколько малую, что разве только не кибертронец мог назвать ее и измерить. В один миг они были на космическом мосту. В следующее мгновение произошло множество событий, причем, таких, какие никто из них и представить себе не мог.

При распаде космического моста выделилось столько энергии – и энергона – чтобы мгновенно и в пределах одной области разорвать ткань пространства-времени. В этот разрыв упали «Ковчег» и «Немезис», чтобы потом появиться... где-то. Затем разрыв сросся обратно, энергия от разряда рассеялась, и вот «Ковчег» с автоботами дрейфовал по космосу среди незнакомых звезд.

Это была гипотеза Оптимуса Прайма о случившемся, которая сложилась, пока он стоял на мостике, рассматривая не такой участок космоса, который он привык видеть. «Немезиса» Мегатрона не было видно. И его не было ни на одном из сенсоров «Ковчега», который был способен обнаружить объект размером с корабль на полпути к ближайшей звезде.

- Где это мы? – спросил Джаз.

Праул, прищурившись, посмотрел в монитор.

- Понятия не имею – произнес он. – Этих звезд нет ни на одной карте, которые были в Городском Архиве.

На панели управления вспыхнул сенсор, и Праул замер.

Тогда панели коснулся Оптимус Прайм.

- Неужели это..?

- Да. Это она.

- Великая Искра – выдохнул Оптимус Прайм. – Она близко...

- Вообще-то не совсем близко, - уточнил Праул. – Но недалеко, если «Ковчег» смог обнаружить ее.

- Тогда давайте отыщем ее! – воскликнул Оптимус Прайм.

«Ковчег» с выжившими автоботами на борту взял новый курс и полетел. Чужие звезды и незнакомый спиральный рукав галактики окружали трансформеров со всех сторон.

- Когда мы сможем вернуться домой? – спросил Бамблби. Его вокодер вновь временно заработал. – Разве «Ковчег» знает путь?

- Я знаю путь – сказал Оптимус Прайм.

Он постучал себя по груди и почувствовал, как стук резонирует с Матрицей Лидерства, которая вместе с искрой воодушевляла его и сделала его тем, кто он есть. Он был лидером автоботов, носителем Матрицы, которая осветит кибертронцев в самый темный час.

Они оказались в месте, где не был еще ни один трансформер, спасаясь от деспотического врага из родного дома. Этот дом постигли потрясения, и он был частично разрушен, прежде чем смог начаться процесс восстановления, который продлится столько времени, сколько жизнь некоторых горячих звезд¹³². Тем не менее, они проявят стойкость, потому что они автоботы. Они видели худшее и выжили. Значит, они переживут и это испытание вместе с Великой Искрой, находящейся поблизости, как маяк и обещание, что когда-нибудь в далеком будущем они смогут вернуться на Кибертрон и назвать его своим домом еще раз.

¹³² Звезды температуры красного накала.

«Пусть Мегатрон преследует нас через звезды...» - думал Оптимус Прайм. — *«Мы будем сражаться со злыми силами десептиконов¹³³, где бы ни столкнулись с ними. И в один прекрасный день мы вернемся домой».*

¹³³ «Сражаться со злыми силами десептиконов» - это фрагмент песни из заставки Г1.